

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Всесоюзный научно-исследовательский институт
кrimиналистики

Рассыпается по списку

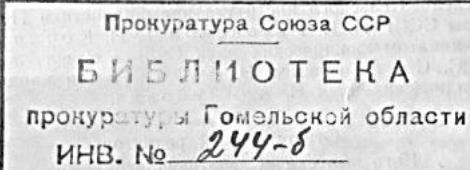
Экз. № 1504

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ВЫПУСК

19



Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1954

РЕПОЗИТОРИЙ

Просьба к читателям — прокурорско-следственным работникам присыпать свои замечания по поводу помещенных в настоящем выпуске «Следственной практики» материалов.

Статьи для «Следственной практики» следует присыпать напечатанными на одной стороне листа, через два интервала, желательно в двух экземплярах. В двух же экземплярах надо присыпать фотоснимки, а планы и схемы — в одном экземпляре. Авторы статей должны указывать свой классный чин, занимаемую должность, а также домашний адрес (для высылки гонорара).

Адрес института: Москва, Г—151, Можайское шоссе, 37/45.

Настоящий выпуск «Следственной практики» подготовлен научными сотрудниками Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР Н. И. Гуковой, Г. И. Коцаровым, кандидатом юридических наук С. Я. Розенблитом, С. Степичевым, Э. А. Финном и кандидатом юридических наук Н. А. Якубович.

Ответственный редактор
19-го выпуска «Следственной практики»
кандидат юридических наук
А. Н. ВАСИЛЬЕВ

ТАКТИЧЕСКИ ПРАВИЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ —

РЕШАЮЩЕЕ УСЛОВИЕ РАСКРЫТИЯ ОТ

ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Раскрытие преступлений требует от следователя мастерства, приобретаемого беспрерывной упорной работой по повышению квалификации.

Раскрыть преступление — это значит сделать правильные выводы по всем основным вопросам расследования — о виновных лицах, их действиях, целях и мотивах преступления, его последствиях и т. д. и убедительно обосновать эти выводы доказательствами.

Средствами для раскрытия преступления служат следственные действия, предусмотренные законом. Арсенал этих средств достаточно велик — допросы, очные ставки, осмотры, обыски, выемки, экспертизы, эксперименты, освидетельствования, опознания. Само собой разумеется, что следственные действия только тогда являются сильным оружием в руках следователя, когда он умеет тактически правильно их применять, точно и неуклонно соблюдать при этом требования уголовно-процессуальных норм.

Теоретическое обобщение опыта следственной практики дает возможность разработать методические указания о тактически правильном проведении отдельных следственных действий.

Наиболее убедительным и поучительным для прокурорско-следственных работников является показ проведения следственных действий на конкретных примерах.

Этой задаче и посвящен настоящий выпуск «Следственной практики».

Осмотр места происшествия по многим преступлениям, особенно по делам об убийствах и разбойных нападениях,

о кражах со взломами и др., служит ключом для успешного расследования.

Известно, что преступник не может не оставить изолирующих его следов на месте преступления. Разгадка преступления, следовательно, в значительной мере сводится к тому, чтобы обнаружить и расшифровать эти следы.

Отсюда задача следователя — при осмотре места происшествия не упустить ни одной детали, имеющей отношение к расследуемому событию, умело зафиксировать каждую такую деталь, правильно ее оценить и использовать для целей расследования.

Это могут быть следы автомашин и других транспортных средств, следы ног и отпечатки пальцев. Это могут быть окурки, обрывки газет, остатки пищи.

Вся обстановка места происшествия свидетельствует о ходе и содержании события — надо только увидеть и правильно оценить то, что, может быть, не сумеет увидеть любой и каждый, но что должен увидеть следователь.

Глазам следователя на месте происшествия открывается многообразие предметов, присущее, например, жилому дому или служебному помещению, или лесу, полю и т. д. — в зависимости от того, в какой обстановке произошло преступление.

Умению отобрать из этого многообразия то, что имеет или может иметь отношение к расследуемому событию, правильно зафиксировать и оценить обнаруженное следует поучиться у народного следователя прокуратуры г. Новокуйбышевска Куйбышевской области С. А. Якушева.

При осмотре места обнаружения трупа Кайгородова т. Якушев обратил внимание именно на те детали, которые имели отношение к делу, зафиксировал их и сделал правильные выводы из всего того, что он увидел. Выводы эти говорили о том, что:

а) убийство совершено на месте обнаружения трупа (обильные следы крови под головой убитого, капли крови на стволе дерева, отсутствие следов волочения или транспортных средств);

б) перед смертью Кайгородов проводил время в обществе знакомого ему человека, повидимому, женщины (вырубленное в кустарнике уединенное место, остатки водки и закуски, брошенный недалеко от места убийства прорезиненный дамский плащ со следами крови);

в) в момент нанесения ударов потерпевшему он не ожидал нападения и находился в лежачем или полулежащем положении (поза трупа, брызги крови на нижней части ствола дерева);

г) убийство не преследовало цели ограбления (вещи, принадлежавшие убитому, остались целы) и, очевидно, могло быть связано с личными взаимоотношениями.

Эти предварительные выводы, сложившиеся при осмотре места происшествия, определили направление расследования и дали возможность установить виновного, которым оказалась бывшая сожительница убитого, совершившая убийство из мести.

Правильно проведенный осмотр места происшествия при расследовании кражи со взломом из магазина Турундаевского сельпо дал возможность старшему следователю прокуратуры Вологодской области Г. И. Рушманову возиться уже в самом начале следствия серьезными доказательствами.

О внимания следователя не ускользнули почти незаметные для глаза отпечатки пальцев одного из преступников на лакированных дамских сумочках, в которых преступник искал деньги, и вмятины на двери и косяках — следы орудий взлома, при помощи которых преступники сломали замки.

Эти следы сыграли большую роль в изобличении расхитителей социалистической собственности.

Понимание значения осмотра места происшествия все глубже проникает в сознание следователей.

Особенно характерно, что следователи уже не только присутствуют при осмотре, как это раньше практиковали довольно многие следователи, а проводят осмотр, что они не смотрят на то, как другие находят следы, изымают их, фотографируют их и т. д., а сами, вооружившись лупой, находят следы, фиксируют их, изготавливают слепки, делают фотоснимки, лично осматривают труп и вообще выполняют все то, что должен выполнить настоящий следователь — мастер своего дела.

Только при таком отношении к работе следователь, о котором пишет в своей статье начальник следственного отдела прокуратуры Челябинской области М. И. Гужавин, мог обратить внимание на следы двойной странгационной борозды попечерного и косовосходящего на-

правления на шее трупа и сфотографировать их крупным планом.

Именно это дало возможность впоследствии установить, что умершая не покончила жизнь самоубийством, а была задушена преступником.

Другой следователь, о котором т. Гужавин пишет в той же статье, не показал себя мастером своего дела. Имен заявление подозреваемого в убийстве о том, что он и убитый будто бы подверглись нападению со стороны неизвестных злоумышленников, следователь при осмотре одежды подозреваемого не догадался сопоставить раны на его теле со следами порезов на одежде. Впоследствии же оказалось, что подозреваемый, совершив убийство, сам нанес себе раны, а затем порезал одежду, чтобы инсценировать нападение и отвести от себя подозрение.

Большую роль в расследовании играют допросы свидетелей и обвиняемых.

Хорошо известно, что механическая запись того, что считает нужным сказать следователю свидетель или обвиняемый, не может рассматриваться как настоящий допрос. Для такой записи не нужно быть следователем, да и польза от нее невелика.

Допрос как следственное действие требует умения получить от допрашиваемого правильный рассказ обо всем, что он знает, несмотря на всевозможные соображения и чувства, толкающие допрашиваемых на неискренность, утаивание, освещение тех или иных обстоятельств в ложном свете.

Решение этой задачи тем труднее, чем ближе исход дела затрагивает интересы допрашиваемого. Ясно, что в первую очередь это относится к обвиняемым.

Каждый следователь знает, что советский процессуальный закон ограждает права обвиняемых и строго запрещает домогаться показания или сознания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер (ст. 136 УПК РСФСР).

Однако это не значит, что следователь может отнестись безразлично к допросу обвиняемых. Надо иметь в виду, что если признание обвиняемого не является более ценным доказательством, чем другие доказательства, то все же его объяснения не являются и менее ценным доказательством. Следователь должен стремиться к получению

этого доказательства не меньше, чем к получению любого другого доказательства, памятая о том, что обвиняемый знает, конечно, лучше, чем кто-либо другой, совершал ли он и какие именно действия и с какой целью.

Успешность допроса достигается выработанными на практике тактическими приемами.

Важное значение имеет тщательная подготовка к допросу обвиняемых, особенно по сложным делам.

Допрос обвиняемого Круглова, о котором пишет в своей статье заместитель начальника следственного отдела прокуратуры г. Москвы А. Г. Дворкин, дал положительные результаты и помог раскрыть хищение именно потому, что следователь тщательно подготовился к допросу и тактически правильно провел его.

Поучительную картину тактически правильного допроса подозреваемого в убийстве нарисовал в своей статье народный следователь прокуратуры Сталинского района г. Москвы Н. Ф. Кузьменков.

Эта статья показывает, как следователь, тщательно подготовившись к допросу и вооружившись доказательствами, последовательно задавая вопросы и шаг за шагом уличая подозреваемого во лжи, сумел добиться от него, что он встал на путь правдивого признания, оказавшего большую помощь в полном раскрытии преступления.

Характерно отметить, что в этом деле признание обвиняемых, подтвержденное следственным экспериментом и косвенными уликами, сыграло роль решающего доказательства для вынесения обвинительного приговора.

Следователь должен учитывать индивидуальные особенности допрашиваемых. Полезные примеры такого подхода даны в статье старшего следователя прокуратуры Московской области Е. А. Саксонова.

Если следователь, располагая доказательствами, подтверждающими виновность обвиняемого, не стремится активно в процессе допроса изобличить его, — это плохой следователь.

Конечно, следователь не имеет права при допросе обвиняемых проявлять необъективность, применять обман, угрозы и иные недопустимые меры. Но следователь имеет право для изобличения обвиняемых использовать возникающие между ними противоречия и реакцию того или

иного обвиняемого на поведение других обвиняемых в процессе расследования.

Перед следователем по важнейшим делам Прокуратуры Казахской ССР Н. Л. Гриневичем возник вопрос, как поступить с показаниями обвиняемого, от которых он впоследствии отказался.

Этот вопрос был связан с расследованием конкретного дела о бандитизме. Один из обвиняемых — Шарабарин признавался в нескольких бандитских налетах и уличал другого обвиняемого — Музапарова, однако потом отказывался от этих своих показаний. Музапаров с самого начала признал себя виновным. Шарабарин, отказавшись от показаний по мотивам применения к нему якобы незаконных мер работниками милиции, не мог, однако, чем-либо конкретным подкрепить это заявление. В то же время материалы дела говорили о том, что именно эти показания заслуживали доверия и соответствовали всем обстоятельствам дела, в том числе и показаниям потерпевших. Внимательно ознакомившись с показаниями Музапарова, т. Гриневич решил их проверить путем детального допроса одного из соучастников Музапарова — Шарабарина. Последний, увидев, что следователь уже отлично знает о всех обстоятельствах совершенного преступления, признал себя виновным и дал обстоятельные показания, подробно рассказав о преступлениях всей группы. Ознакомившись с показаниями Музапарова, Шарабарин убедился в бесполезности дальнейшего запирательства и не только вернулся к своим первоначальным показаниям, но и дополнил их новыми данными.

Так удалось полностью раскрыть ряд бандитских нападений.

По делу об убийстве Федорова обвиняемый Фомичев признал себя виновным и заявил, что совершил преступление один. Однако народному следователю прокуратуры г. Ашхабада Б. И. Березовскому было ясно по обстановке места происшествия, что Фомичев не мог действовать без соучастника. Подозрение в соучастии пало на одного из товарищей Фомичева — некоего Майзакова, но это были только подозрения.

Если Фомичев выгораживает Майзакова, то он, очевидно, откажется от этой позиции, как только их интересы столкнутся,— так решил следователь т. Березовский. Располагая сведениями, что Фомичев подозревался в хи-

щении постельных принадлежностей из общежития и что его уличает в этом Майзаков, т. Березовский, несмотря на малозначительность этого эпизода, решил использовать его.

Имея показания Майзакова, что он видел, как Фомичев заворачивал постель и куда-то унес ее, следователь приступил к допросу Фомичева о факте кражи и, когда Фомичев стал категорически отрицать это обвинение, предъявил ему показания Майзакова. Фомичев бурно реагировал на показания Майзакова и рассказал, что убийство совершено им совместно с Майзаковым. Впоследствии это подтвердилось, и Майзаков тоже сознался в убийстве.

По ряду дел решающее значение имеет оперативность, то есть умение идти «по горячим следам», напористость, быстрое производство следственных действий одно за другим, с тем, чтобы каждое последующее действие являлось как бы продолжением предыдущего.

У следователя, конечно, не одно дело в производстве, а все дела вести одинаково темпами «погони по горячим следам» невозможно. Да в этом и нет надобности, ибо не все дела требуют такого ведения следствия. Если же надобность возникает в отдельных случаях, то следователь должен уметь целиком переключиться на расследование данного преступления и считать его раскрытие делом своей чести, приложив к этому все свое мастерство, всю энергию.

Обычно целесообразность таких темпов возникает в случаях, когда следователь приступает к расследованию немедленно после факта преступления и когда всякое отдаление следственного действия от момента преступления влияет отрицательно на возможность обнаружения следов и вещественных доказательств, на получение наиболее точных и правдивых показаний свидетелей и искренних объяснений виновных.

Примеры такого расследования даны в статьях старшего следователя прокуратуры Иркутской области Ф. Е. Белоусова, народного следователя прокуратуры г. Оха Сахалинской области А. А. Салова, народного следователя прокуратуры Медвежьевского района Карело-Финской ССР А. П. Блюмкина, народного следователя прокуратуры Сталинского района г. Запорожье Е. Я. Корабельник.

Можно не сомневаться, что если бы т. Белоусов не проявил оперативности, ему не удалось бы раскрыть крупное хищение хлеба из склада мелькомбината. Он не давал «остыть» ни одному следственному действию и вслед за ним немедленно намечал и проводил другие следственные действия, упорно и настойчиво стремясь установить, откуда были похищены 3 тонны хлеба, купленные представителем колхоза у какого-то неизвестного, и кто был этот неизвестный, который взялся «устроить эту коммерцию».

Раскрытие преступления заслуженно вознаградило т. Белоусова за энергичную работу.

Вряд ли было бы раскрыто изнасилование студентки, если бы следователь т. Корабельник не предприняла энергичного производства следственных действий.

Хороший пример организации розыска участников бандитской группы и создания специальных поисковых групп с участием свидетелей и работников милиции описывает в своей статье прокурор г. Львова Б. Т. Антоненко.

Вышеуказанные статьи тт. Корабельник и Антоненко поучительны и с точки зрения правильной организации согласованной работы следователей и работников милиции по раскрытию преступлений: дело находится в производстве следователя, и в то же время органы милиции оказывают следователю всемерную помощь своими силами и средствами, выполняя его поручения, а также ведут оперативно-розыскную работу. Такие взаимоотношения оказываются особенно плодотворными, если они построены на тесном контакте и правильном сочетании следственной и оперативно-розыскной работы.

Весьма важным следственным действием является экспертиза. Правильное решение вопроса о необходимости назначения экспертизы, ее подготовка и постановка вопросов перед экспертами — одна из основных задач, стоящих перед следователем при расследовании дел об убийствах, крупных хищениях, выпуске недоброкачественной продукции и др.

Примеры проведения экспертиз по делам об убийствах содержатся в статьях старшего следователя прокуратуры г. Ленинграда Д. П. Филатова, старшего следователя

Прокуратуры Дагестанской АССР С. Д. Миловидова, начальника следственного отдела прокуратуры Челябинской области М. И. Гужавина.

Следует поучиться у т. Филатова тому, как надо подготавливать психиатрическую экспертизу для проверки вменяемости обвиняемого в убийствах. Тов. Филатов тщательно изучил поведение обвиняемого в период до и после совершения преступления, ознакомился с книгами, которые читал обвиняемый. Тем самым т. Филатов помог эксперту уличить преступника в симуляции, построенной на признаках, заимствованных из книги по судебной психиатрии.

Полезные сведения о производстве обысков содержатся в упомянутых выше статьях тт. Белоусова, Блюмкина, Якушева, а также в статье следователя прокуратуры Архаринского района Амурской области А. И. Аксененко.

Пример воспроизведения обстоятельств и обстановки события, так называемого следственного эксперимента, сыгравшего важную роль в подтверждении виновности обвиняемых,дается в статье т. Кузьменкова, ссылка на которую уже делалась выше.

Все более увеличивается число следователей — искусных мастеров своего дела. Ознакомление с примерами хорошей работы наших следователей, публикуемыми в настоящем выпуске «Следственной практики», поможет улучшить производство каждого следственного действия и тем самым поднять уровень следствия.

**Народный следователь прокуратуры
г. Новокуйбышевска
Куйбышевской области
юрист 2-го класса
С. А. Якушев**

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ — КЛЮЧ К РАСКРЫТИЮ УБИЙСТВА

Вечером 28 сентября 1953 г. в Новокуйбышевский городской отдел милиции поступило сообщение о том, что в лесу, недалеко от полустанка 105-й км, обнаружен труп неизвестного мужчины.

известного мужчины.

О случившемся работники милиции немедленно сообщили прокурору города, который предложил мне, как народному следователю прокуратуры города, выехать вместе с ним на место происшествия.

Прибыв туда, мы увидели следующую картину.

В чащце леса, на расстоянии 150 метров от линии железной дороги, на траве, лицом вниз лежал труп хорошо одетого мужчины, из глубокой раны на шее которого торчала рукоятка небольшого топорика. Из-за наступления темноты было решено отложить осмотр до утра, обеспечив надлежащую охрану места происшествия.

Мы ограничились только осмотром пальто, висевшего на дереве в полутора метрах от трупа. В карманах пальто оказались документы служебного характера и сезонный железнодорожный билет на проезд от г. Куйбышева до г. Новокуйбышевска на имя В. П. Кайгородова.

Как оказалось, еще 20 сентября в 5-е отделение милиции г. Куйбышева поступило заявление гр-ки Кайгородовой, просившей принять меры к розыску ее мужа, Виктора Павловича Кайгородова, рождения 1924 года, не вернувшегося 19 сентября с работы на строительном объекте, расположенным вблизи полустанка 105-й км.

Проверяя это заявление, милиция установила, что 19 сентября, около часу дня, Кайгородов под предлогом

12



Фото 2. Труп Кайгородова.

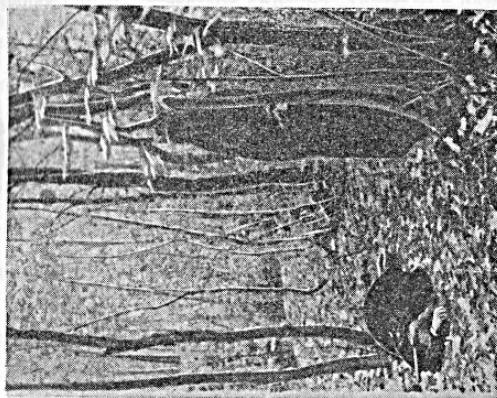


Фото 1. Общий вид места происшествия.

плохого самочувствия ушел с работы и больше там не появлялся.

Сослуживец Кайгородова Яковлев сообщил в своем объяснении, что 19 сентября, в 1 час 30 мин. дня, он видел Кайгородова на полустанке 105-й км вместе с какой-то женщиной.

Материалы проверки я изъял из милиции и приобщил к делу.

Утром 29 сентября прокурор города и я с участием оперативных работников милиции, криминалиста НТО милиции и судебно-медицинского эксперта в присутствии двух понятых приступили к осмотру трупа и места его обнаружения.

Один из сослуживцев Кайгородова, сопровождавший нас для опознания убитого, подтвердил, что это труп Кайгородова. Он лежал на небольшой площадке, расчищенной от кустов, росших в этом месте. Площадку окружали деревья и кустарники. Никакой дороги или тропинки вблизи не было.

Место происшествия и труп были сфотографированы (фото № 1, 2 и 3). Кроме того, мы сделали измерения,



Фото 3. Детальный снимок трупа (пунктиром обозначены раны).

необходимые для составления плана места происшествия.

Осмотром было установлено, что одежда Кайгородова никаких повреждений не имела и находилась в полном порядке.

Кроме глубокой рубленой раны, из которой торчал топорик, имелось большое количество неглубоких рубленых ран на голове и на кистях рук убитого. Раны на руках позволяли предположить, что потерпевший, видимо, защищался от наносивших ему ударов.

Учитывая большое количество личинок мух на голове трупа и резкие гнилостные изменения тканей, можно было предположить, что смерть потерпевшего наступила примерно десять дней назад. Это предположение подтвердилось при последующем вскрытии трупа. Наличие большого количества засохшей крови под головой трупа, на траве и листьях и брызг крови на стволе дерева рядом с трупом свидетельствовало о том, что убийство Кайгородова совершено на месте обнаружения трупа.

В 50 см от трупа были разбросаны различные предметы: пустая коробка из-под папирос «Пушки», кусок высохшего белого хлеба, половинка луковицы и пустая консервная банка с этикеткой «Крабы». Характер и размеры разрезов на крышке банки позволяли предположить, что она была вскрыта при помощи топорика — орудия убийства (впоследствии экспертиза подтвердила правильность этого предположения). В банке лежали шелуха от лука и огрызок огурца, завернутые в обрывок газеты (фото № 4). На обрывке имелся вырез шириной в 1,3 см и длиной в 5,2 см.

Просмотром комплекта куйбышевской «Волжской коммуны» удалось установить, что обрывок вырван из верхней части первого листа номера этой газеты от 16 сентября 1953 г. (фото № 5).

Вокруг трупа валялись несколько оккурков папирос «Пушки» с одинаково сплющенными мундштуками. В трех метрах от трупа лежала пустая бутылка из-под водки, емкостью в 0,5 литра. На этикетке стоял штамп Куйбышевского завода «Главликерводка» с датой 4 сентября 1953 г. В семи метрах от трупа были осколки второй водочной бутылки с аналогичной этикеткой.

Пальцевых отпечатков на бутылке и на осколках обнаружить не удалось.



Фото 4. Обрывок газеты, обнаруженный на месте происшествия.

При осмотре окружающей местности на расстоянии 23 метров от трупа по направлению к полустанку 105-й км мы обнаружили прорезиненный дамский плащ темносерого цвета с капюшоном и с разорванной полой. На внутренней стороне плаща имелись обильные брызги крови.

Никаких других следов на месте происшествия нам найти не удалось.

Все обнаруженное было подробно описано в протоколе осмотра.

Изъяв предметы, имеющие значение для дела, и направив труп на судебно-медицинское исследование, мы закончили работу на месте происшествия и вернулись в прокуратуру.

Проанализировав материалы об исчезновении Кайгородова и данные, собранные при осмотре места происшествия, я пришел к выводу, что наиболее вероятной является версия об убийстве Кайгородова на почве ревности или мести человеком, находившимся с ним в дружеских отношениях, и, судя по всему, женщиной.

16



Фото 5. Совмещение текста обрывка газеты (фото 4) с текстом газеты от 16 сентября 1953 г.



Почему я считал эту версию наиболее вероятной?

Во-первых, само расположение места происшествия в стороне от дороги и в лесной чаще говорило о том, что убийца и потерпевший стремились уединиться.

Во-вторых, и обстановка на месте происшествия, — в частности, расчищенная от кустарников площадка, аккуратно повешенное пальто, пустая водочная бутылка и осколки другой, а также остатки закуски — указывала на то, что убийству предшествовала выпивка, продолжавшаяся, судя по большому количеству окурков, довольно длительное время. Предположение о том, что Кайгородов перед смертью выпивал, нашло подтверждение и в заключении эксперта, установленного при исследовании внутренностей трупа наличия в них алкоголя.

В-третьих, обнаружение недалеко от места происшествия дамского окровавленного плаща, служившего, видимо, подстилкой, на которой сидел кто-то (вероятно, убийца и потерпевший) во время выпивки, а также наличие на голове трупа многочисленных неглубоких ран, свидетельствовавших о слабости ударов, давало основание предполагать, что убийцей Кайгородова могла быть женщина.

Версия об убийстве Кайгородова с целью ограбления не возникла. Денег у Кайгородова, как это выяснилось в процессе расследования, с собой не было, а всю его одежду — пальто, шляпу, костюм, ботинки — мы обнаружили на месте происшествия.

Наметив план расследования, я приступил к работе, которую проводил в тесном контакте с работниками милиции.

Прежде всего по делу был допрошен сослуживец Кайгородова Яковлев, видевший потерпевшего 19 сентября на платформе 105-й км.

Яковлев показал, что он действительно видел Кайгородова в обществе женщины, с которой Кайгородов в 1 час 30 мин. дня стоял на платформе и разговаривал. Однако внешность этой женщины Яковлев описать не мог, так как, по его словам, он спешил на поезд и не обратил на нее внимания. Сел ли Кайгородов в поезд, он сказать не мог.

Другой сослуживец Кайгородова — Гущин рассказал, что 19 сентября, утром, до начала работы, он видел на полустанке 105-й км Кайгородова, который сидел за сто-

ником в буфете и пил вино в обществе женщины. По словам Гущина, эту женщину, по имени Катя, он и раньше встречал вместе с Кайгородовым в г. Куйбышеве.

Параллельно с этим работники милиции выяснили связи и знакомства Кайгородова, обращая особое внимание на его отношения с женщинами.

Мать и жена убитого показали на допросе, что до вступления в брак — в ноябре 1952 года Кайгородов в течение трех лет сожительствовал с некоей Екатериной Дворянской. После женитьбы Кайгородов разошелся с нею. Дворянская при встречах устраивала ему публичные скандалы.

Вечером 29 сентября Дворянская была задержана в отделе Госстраха Молотовского района г. Куйбышева, где она работала. На допросе в милиции Дворянская категорически отрицала причастность своего бывшего сожителя и показала, что 19 сентября она Кайгородова вообще не видела.

В тот же вечер на квартире Дворянской был произведен обыск, который дал в руки следствия важные доказательства, изобличавшие ее в убийстве Кайгородова.

При обыске в одном из чемоданов был найден прорезиненный пояс темносерого цвета от дамского плаща. На этом пояске имелись, как впоследствии установила судебно-медицинская экспертиза, пятна крови человека, однако из-за малого количества крови установить ее групповую принадлежность не представилось возможным. Кроме того, при обыске обнаружили школьный дневник дочери Дворянской, ученицы 6-го класса Нины Красновой, обложка которого была обернута вторым листом газеты «Волжская коммуна» за 16 сентября 1953 г. На этом листе имелись два выреза, сделанные при обертке дневника, соответствовавшие размерам вырезов на обрывке газеты, найденном на месте происшествия.

Нина Краснова пояснила на допросе, что, решив обернуть дневник, она для этой цели оторвала первый лист газеты. Однако по ошибке она сделала вырезы не там, где надо, и,бросив испорченный лист, обернула дневник вторым листом той же газеты. Осмотрев предъявленный ей обрывок газеты, найденный на месте происшествия, Нина заявила, что вырез на нем сделан ею при первой попытке обернуть дневник (фото № 6). Принадлежность найденного прорезиненного плаща матери Нина отрицала.



Фото 6. Вторая половина газетного листа, изъятого при обыске в квартире Дворянской.

30 сентября я решил допросить Дворянскую. Вначале она повторяла показания, данные на первом допросе в милиции. Но когда я ей сказал, что ее видели 19 сентября вместе с Кайгородовым на полустанке 105-й км, она изменила свои показания и рассказала следующее.

Находясь в отпуске, она 19 сентября утром поехала за капустой. В поезде она случайно встретила своего бывшего сожителя Кайгородова, с которым вышла на полустанке 105-й км. На платформе Кайгородов встретил какого-то знакомого, и они втроем зашли в буфет, где мужчины выпили по стакану вина. После этого Кайгородов со своим знакомым пошли на работу, а она направилась в село Русские Липяги за капустой. Придя в село, она узнала у знакомого инспектора райфо Краснова, что капусту можно купить в совхозе «Молодая гвардия», расположенному недалеко от железнодорожного полустанка 99-й км. Она пошла в совхоз, но по дороге встретила неизвестную женщину, сказавшую ей, что в совхозе капусты нет. Тогда она пошла на полустанок 99-й км, где

20

села в поезд и приехала в г. Куйбышев. Кайгородова она больше не встречала. В подтверждение своих показаний Дворянская сослалась на проживающую от нее через дом Клавдию Потемкину, которую она якобы встретила, когда села в поезд на полустанке 99-й км.

По поводу обнаруженного у нее на квартире пояса от плаща Дворянская пояснила, что такого плаща у нее никогда не было, пояса, изъятого у нее дома, она ни разу не видела и не знает, откуда он взялся.

На другой день я допросил налоговых инспекторов Молотовского райфо Краснова и Назарову, которые показали, что 19 сентября, около 11 часов утра, Дворянская приходила в сельсовет. Дворянская сказала, что она приехала покупать капусту. Назарова, кроме того, сообщила, что Дворянская одолжила у нее 50 руб., дав ей расписку. Получив деньги, Дворянская сразу ушла. Ее расписку Назарова предъявила мне на допросе.

Вскоре после этих допросов мне доставили из милиции записку, которую арестованная Дворянская пыталась переслать своей дочери. В записке, адресованной Потемкиной, Дворянская просила ее показать на допросе, что они 19 сентября случайно встретились в поезде на полустанке 99-й км и вместе приехали в город. Эту записку я приобщил к делу (фото № 7 и 8). Потемкина на допросе показала, что свою соседку Дворянскую в поезде она никогда не встречала. На очной ставке с Дворянской Потемкина подтвердила свои показания.

Соседки Дворянской по квартире — Челнокова и Кригер показали, что у Дворянской имелся прорезиненный плащ темносерого цвета. Из трех предъявленных им плащей они обратили внимание на плащ, обнаруженный на месте происшествия, заявив, что плащ такого же цвета и с примерно таким же разрывом они видели на Дворянской весной 1953 года.

Эти показания они повторили на очной ставке с Дворянской.

Экспертиза, назначенная по делу, установила, что плащ, обнаруженный на месте происшествия, и пояс, изъятый при обыске у Дворянской, изготовлены из материала, сходного по цвету, толщине и качеству, и сшиты нитками, сходными по цвету и способу кручения.

Дворянская, однако, продолжала утверждать, что плащ ей не принадлежит.

21

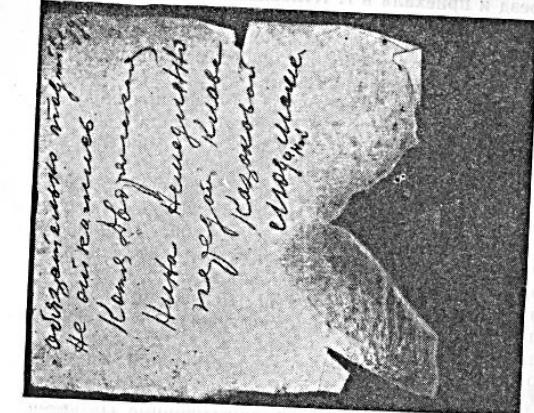


Фото 8. Обрат той же записки.



Фото 7. Записка, которую Дворянская пыталаась
пересказать Погемкиной.

Выяснив вопрос о происхождении топорика, которым был убит Кайгородов, я установил, что топорик изготовлен в кузнице строительства по просьбе Кайгородова. 19 сентября днем Кайгородов забрал топорик у делавшего рукотку плотника, сказав, что этот топорик он будет брать с собой на охоту. Таким образом вопрос о происхождении орудия убийства был выяснен.

Дворянской было предъявлено обвинение по п. «а» ст. 136 УК РСФСР. Она продолжала отрицать свою вину, однако собранными доказательствами, в первую очередь вещественными доказательствами, найденными на месте происшествия, достаточно изобличалась в убийстве Кайгородова. 3 ноября 1953 г. расследование по делу было окончено.

Народный суд 1-го участка г. Новокуйбышевска признал Дворянскую виновной в предъявленном обвинении.

**Народный следователь прокуратуры
Медвежьевского района
Карело-Финской ССР
юрист 3-го класса
А. П. Блюмин**

ОПЕРАТИВНОСТЬ И УМЕЛО ПРОИЗВЕДЕННЫЙ ЛИЧНЫЙ ОБЫСК ПОМОГЛИ РАСКРЫТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Тщательно и оперативно произведенный обыск по делам об убийствах и, в частности, личный обыск подозреваемого очень часто дают в руки следователя серьезные доказательства. Оперируя ими, следователь при тактически правильно проведенном допросе подозреваемого и свидетелей может достичь значительных результатов и раскрыть преступление.

В моем производстве находилось дело об убийстве работницы Набосельского лесоучастка Лысенко. Расследование по делу увенчалось успехом благодаря тому, что я действовал оперативно. Кроме того, при личном обыске подозреваемого мне удалось обнаружить предметы, которые на первый взгляд не имели прямого отношения к делу, но впоследствии сыграли большую роль в раскрытии преступления.

22 августа 1953 г. в прокуратуру Медвежьевского района из Пяльмского леспромхоза, в который входил Набосельский лесоучасток, сообщили, что в километре от поселка Переезд, в лесу, обнаружен труп женщины.

Получив это сообщение, я немедленно совместно с оперативным работником районного отдела милиции выехал на место происшествия. Выезжая, я, разумеется, взял с собой следственный чемодан.

Труп женщины находился в лесу, на расстоянии 150 метров от автотрассы Медвежьевск — Пудож.

Осмотр позволил сделать вывод, что имело место убийство. На шее трупа была обнаружена резаная зияющая рана длиной в 10 см. Семь колотых ран имелись в области грудной клетки. Состояние трупа давало основание полагать, что было совершено преступление за день-полтора до обнаружения трупа.

В кармане жакета погибшей женщины оказалась увольнительная записка на имя рабочей Набосельского лесоучастка Лысенко, которой предоставлялся отпуск на два дня для поездки в Медвежьевск. Других документов, а также и денег при осмотре не обнаружено.

Мы тщательно осмотрели всю местность, в районе которой был обнаружен труп. Под головой убитой на листьях и траве имелись обильные следы крови, часть которой впиталась в землю. Это обстоятельство свидетельствовало о том, что женщину убили на месте обнаружения трупа. Такое предположение подтверждалось еще и тем, что следов волочения трупа или следов транспортных средств, ведших к месту нахождения трупа, обнаружено не было. То, что труп находился на расстоянии 150 метров от автотрассы, позволяло предполагать, что женщину убил какой-то ее знакомый, с которым она не побоялась добровольно (следов борьбы не было) уединиться в сторону от дороги.

При осмотре места происшествия возникло предположение о том, что женщина убита с целью ограбления, так как денег или каких-либо ценностей при ней не оказалось.

После составления протокола осмотра я сфотографировал труп и направил его для судебно-медицинского исследования.

Труп я сфотографировал на фоне окружающей местности. Кроме того, крупным планом была сфотографирована голова и грудь, где находились раны. Одновременно с этим я дал указания сопровождавшему меня работнику милиции о том, чтобы он после судебно-медицинского исследования трупа предъявил его работникам Пяльмского леспромхоза для опознания. Это понадобилось сделать потому, что у меня не было полной уверенности, что убита именно Лысенко, так как, кроме увольнительной записи на ее имя, других документов и, в частности, документов с фотокарточкой при трупе не оказалось. Увольнительная же записка на имя Лысенко могла попасть к потерпевшей случайно или быть подброшенной преступником.

РЕПОЗИТОРИЙ

Не теряя ни минуты, я направился в Пяльмский леспромхоз, где допросил кассира Фыригину. Она показала, что 20 августа Лысенко получила причитающуюся ей зарплату в сумме 126 р. 78 к. Фыригина заметила при этом, что вместе с Лысенко за получением зарплаты приходил какой-то мужчина.

Установление личности человека, в обществе которого непосредственно перед смертью находилась Лысенко, имело для дела чрезвычайно большое значение. Поэтому я попросил Фыригину вспомнить какие-нибудь особенностии во внешности спутника Лысенко. Фыригина вспомнила, что у него была забинтована правая рука.

Примерно то же самое показала бухгалтер леспромхоза Молодцова, которая, кроме того, заявила, что Лысенко и мужчина с забинтованной рукой после получения денег пошли в столовую.

Направленные мною в морг больницы Фыригина и Молодцова опознали в предъявленном им трупе женщины Лысенко.

Работницы столовой Абрамова и Клокова не знали Лысенко, но показали, что вечером 20 августа в столовую заходили неизвестные им молодой мужчина с забинтованной кистью правой руки и женщина. Они обедали, выпивали и вместе покинули столовую.

Абрамова и Клокова сообщили, что они видели труп женщины, найденный в лесу, и узнали в ней женщину, заходившую 20 августа в столовую вместе с мужчиной, у которого была забинтована рука.

Таким образом, передо мной всталася неотложная задача установить мужчину, в обществе которого была Лысенко 20 августа, то есть в день убийства. О нем мне было известно только то, что он молод и что у него забинтована кисть правой руки.

Желая выяснить личность этого мужчины, я стал беседовать с работниками леспромхоза и спрашивать у них, не знают ли они рабочего, у которого забинтована кисть правой руки.

Главный инженер леспромхоза сообщил мне, что на Набосельском лесоучастке он видел рабочего, у которого забинтована кисть правой руки. Фамилии этого рабочего главный инженер не знал.

Получив эти сведения, я немедленно направился в Набосельгу и в поселковом медпункте осмотрел регистрационный журнал. Благодаря этому мне удалось установить, что рабочий Отока Виктор Казимирович, 1934 года рождения, обращался 15 августа в медпункт по поводу рубленой раны кисти правой руки. Других обращений по поводу заболеваний или повреждений рук в журнале медпункта за июль—август зарегистрировано не было.

Фельдшер медпункта сообщил мне, что Отока в связи с повреждением руки с 15 августа на работу не выходит и находится дома—в общежитии лесоучастка.

Мною было принято решение произвести обыск на квартире у Отоки.

Через коменданта общежития я узнал, что Отока находится дома. После этого я, пригласив двух понятых, направился в общежитие и действительно застал Отоку дома.

Прежде всего я произвел личный обыск Отоки и в кармане его пиджака обнаружил три носовых платка маленького размера, один из которых был обвязан голубыми нитками. Размер платков, а также обвязка одного из них свидетельствовали о том, что платки принадлежали женщине. При обнаружении платков Отока заметно волновался. На вопрос о том, чьи это платки, Отока поспешно ответил, что платки принадлежат ему. Это заявление Отоки было в последующем зафиксировано мною в протоколе обыска.

То, что обыскиваемый волновался при обнаружении у него платков, и то, что платки были женские, насторожило меня. Поэтому они были мною изъяты, хотя я еще не представлял себе, какую роль платки могут сыграть в раскрытии преступления. Продолжая личный обыск Отоки, я обнаружил у него в кармане брюк деньги (130 руб.), на которых имелись бурные пятна, похожие на засохшую кровь. Деньги эти я также изъял.

После обыска Отока был задержан.

В Набосельге я допросил местных жителей, хорошо знавших убитую.

Свидетельница Валицкая показала, что 20 августа она, зная, что Лысенко едет в Медвежьегорск, передала ей 125 руб. для покупки там некоторых вещей. Деньги эти были завернуты в носовой платок, обвязанный голубыми нитками.

Я предъявил Валицкой в числе других платков три носовых платка, изъятых при обыске у Отоки. Платок, обвязанный голубыми нитками, Валицкая опознала за тот, в котором она передала деньги Лысенко.

После допроса Валицкой и опознания ею носового платка я решил допросить Отоку.

Давая показания, он утверждал, что вообще не знает Лысенко и что 20 августа с нею в поселке Пяльма не встречался. Он заявил, что вечером 20 августа вместе со своим приятелем Борисом Старовойтовым находился в столовой поселка Пяльма, где они обедали и выпивали.

На этом допросе я не предъявил Отоке собранных мною доказательств его виновности, а ограничился лишь тем, что зафиксировал его показания.

После этого в группе других лиц Отока был мною предъявлен свидетелям Фыргиной, Молодцовой, Абрамовой и Клековой. Все они опознали в нем того мужчину, с которым Лысенко 20 августа приходила сначала в бухгалтерию леспромхоза, а затем в столовую.

После этого мною был разыскан и допрошен рабочий Старовойтова, который категорически отрицал, будто вечером 20 августа он вместе с Отокой заходил в столовую поселка. Более того, Старовойтов заявил, что с Отокой он вообще не виделся уже больше недели.

Показания Старовойтова были мною проверены путем допроса лиц, на которых он ссылался.

Проверка подтвердила правдивость его показаний. После этого я приступил к более подробному допросу Отоки. Этот допрос явился решающим для дела, и вот как он проходил.

Вопрос: Где вы были 20 августа?

Ответ: Я уже говорил, что 20 августа вечером я был в столовой поселка Пяльма вместе с Борисом Старовойтовым. Мы вместе обедали, выпивали, а потом разошлись.

Вопрос: Работницы столовой Абрамова и Клекова утверждают, что видели вас 20 августа в столовой вместе с Лысенко. Была Лысенко с вами в столовой?

Ответ: Нет, мы были с Борисом только вдвоем. Лысенко я не знаю.

Я прервал допрос и произвел очную ставку между Отокой и Абрамовой. На очной ставке Абрамова весьма образно рассказала о том, как она, будучи официанткой, обслуживала Отоку и Лысенко, напомнила отдельные детали их поведения и разговоров.

Отока сначала отрицал показания Абрамовой, а потом признал, что помимо него и Старовойтова в столовой была и Лысенко. Закончив очную ставку, я снова вернулся к допросу Отоки.

Вопрос: Значит, Лысенко была с вами в столовой 20 августа?

Ответ: Да, она была вместе с нами, со мной и Борисом.

Она — знакомая Бориса. После обеда они вместе ушли.

Вопрос: Вы были вместе с Лысенко 20 августа в бухгалтерии леспромхоза, когда Лысенко получала зарплату?

Ответ: Нет, в бухгалтерии вместе с Лысенко я не был.

Допрос был мною снова прерван для проведения очных ставок между Отокой и Фыргиной, Отокой и Молодцовой.

На очных ставках свидетельницы категорически утверждали, что 20 августа в бухгалтерии леспромхоза Лысенко приходила именно с Отокой.

Последний после некоторого запирательства признал, что в бухгалтерии вместе с Лысенко он действительно был.

После этого допрос Отоки был мною возобновлен.

Вопрос: Значит, вы были в бухгалтерии вместе с Лысенко 20 августа?

Ответ: Да, в бухгалтерии вместе с Лысенко я был. Потом, когда она получила зарплату, мы вместе пошли в столовую и там встретили Старовойтова. Втроем пообедали, выпили. Старовойтов и Лысенко ушли, а я пошел в поселок Переезд.

Вопрос: Кому принадлежит изъятый у вас при обыске носовой платок, обвязанный голубыми нитками?

Ответ: Этот платок принадлежит мне.

Вопрос: Когда и при каких обстоятельствах вы приобрели этот платок?

О т в е т: Этот платок у меня давно. Я купил его. Где купил, сейчас не помню.

В о п р о с: Кому принадлежат изъятые у вас при личном обыске деньги?

О т в е т: Это деньги мои. Принадлежат лично мне, остались от зарплаты.

В о п р о с: Когда вы видели Старовойтова в последний раз?

О т в е т: Я видел его последний раз в столовой 20 августа в Пяльме. Больше я с ним не встречался.

В о п р о с: Вам предъявляются изъятые у вас при обыске деньги. Каким образом на них появились пятна крови?

О т в е т: Я осмотрел предъявленные мне деньги и вижу, что они действительно испачканы в крови. Откуда на деньгах кровь, не знаю.

Тут же Отока придумал новую версию происхождения изъятых у него денег, заявив, что после обеда в пяльмской столовой он пошел в поселок Переезд, а Старовойтов и Лысенко ушли куда-то в другое место. Через 40 минут в Переезд пришел также Старовойтов и передал ему, Отоке, 130 руб., которые, как он теперь видит, испачканы в крови.

Я снова вынужден был прервать допрос и произвести очную ставку между Отокой и Старовойтовым.

На очной ставке Отока продолжал утверждать, что 20 августа он, Старовойтов и Лысенко были вместе в столовой, а потом Старовойтов и Лысенко ушли. Через некоторое время Старовойтов будто бы пришел в Переезд и дал ему 130 руб.

После очной ставки я огласил Отоке показания свидетелей, которые заявили, что вечером 20 августа Старовойтов вместе с ними был в поселке Набосельга. Затем Отока был ознакомлен с показаниями свидетельницы Валицкой, опознавшей носовой платок, изъятый при обыске у Отоки, за тот платок, в который она завернула деньги, передавая их Лысенко. Эти показания возымели свое действие, и Отока после некоторого раздумья заявил, что согласен рассказать правду.

Он показал, что случайно познакомился с Лысенко 20 августа 1953 г. в поселке Пяльма. Вместе с ним он ходил в бухгалтерию леспромхоза, где Лысенко получила зарплату. Вместе они были и в столовой, после чего пошли

в поселок Переезд. В лесу, недалеко от поселка, между ними якобы произошла ссора, в результате которой Отока нанес Лысенко несколько ударов ножом. Лысенко, потеряв сознание, упала, а он, взяв имевшиеся при ней 188 руб. и документы, вернулся в Пяльму.

Нож был им брошен где-то в лесу. Несмотря на принятые нами меры, обнаружить нож не удалось.

Что же касается документов, то они, по словам Отоки, были им уничтожены.

Достоверность его показаний подтверждалась тем, что он правильно рассказал о месте, где совершил убийство, и о нанесенных им ранах.

Что касается ссоры, которая будто бы произошла у него с Лысенко, то, очевидно, это обстоятельство обвиняемый придумал, чтобы смягчить свою вину и объяснить совершенное им преступление состоянием аффекта. Однако Отока не отрицал, что после убийства забрал деньги у своей жертвы.

Дело по обвинению Отоки расследовалось мною в течение нескольких дней. Народный суд Медвежьевского района признал Отоку виновным в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Однако Отоку было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Все же Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Следует отметить, что Отока не оправдывалось, и в итоге было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Был один из самых ярких следовательных приемов в практике следователя. Многое из того, что сейчас делают следователи, было изобретено им. Но в своем звании он не был выше остальных. Старший следователь прокуратуры Тверской области Г. Н. Рушманов, юрист 3-го класса, работавший в Тверской области, был первым, кто начал применять методику следователя Рушманова в 1953 году.

ТЩАТЕЛЬНЫЙ ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ПОМОГЛИ РАСКРЫТЬ ХИЩЕНИЕ

В ночь с 11 на 12 октября 1953 г. в деревне Троица Подлесная неизвестные преступники, сломав замки в магазине № 5 Турундаевского сельпо, совершили кражу различных товаров на сумму около 3 тыс. руб.

Через несколько дней, в ночь с 16 на 17 ноября, тот же магазин вновь подвергся ограблению. На этот раз преступники проникли в магазин через чердак, разобрав печную трубу. Похищено было товаров на сумму около 9 тыс. руб. И в том и в другом случае на место происшествия выезжали работники милиции, однако преступников разыскать им не удалось. Оба дела были производством прекращены.

В ночь с 18 на 19 декабря подвергся ограблению другой магазин — № 1 того же Турундаевского сельпо, около деревни Горка.

Утром 19 декабря я выехал на место происшествия.

За ночь выпал снег, и поэтому каких-либо следов около магазина обнаружить не удалось. Применение служебно-розыскной собаки также оказалось безрезультатным.

Сторож магазина по поводу кражи не мог показать ничего существенного, так как из-за отсутствия теплой одежды он с разрешения председателя сельпо ночью уходил греться в деревню Горка.

Для того чтобы проникнуть в магазин, преступники сломали замки. На двери и косяках имелись довольно глубокие вмятины.

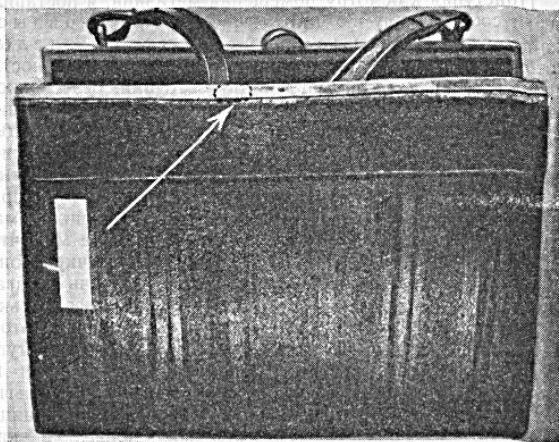
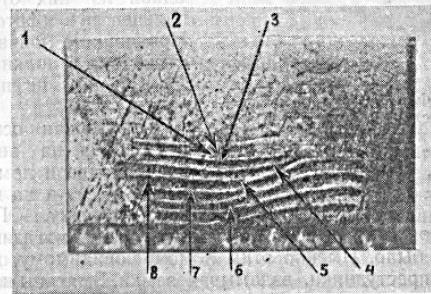


Фото 1. Дамская сумка, на металлической планке которой был обнаружен след пальца (указан стрелкой). Внизу — след пальца в увеличенном виде.



Приступая к осмотру помещения магазина, я поставил перед собой задачу во что бы то ни стало разыскать оставленные преступниками следы, которые в последующем помогли бы установить личность преступников. Я был уверен в том, что они, безусловно, оставили какие-либо следы своего пребывания и нужно только приложить усилия к тому, чтобы их обнаружить.

Мое внимание привлекли две дамские сумки, висевшие на гвоздях, вбитых в стойку полки. Сумки были раскрыты.

Присутствовавшая при осмотре продавщица магазина сообщила мне, что дневную выручку она оставляет на ночь в магазине и сдает ее только утром. Очевидно, об этой практике узнали преступники. Потому-то они и искали в сумках деньги. На этот раз продавщица спрятала деньги в кастрюлю, где мы и обнаружили их при осмотре.

Внимательно осматривая сумки, я заметил на металлической планке одной из них отпечатки пальцев рук (фото №1). Продавщица заявила, что сумок она с полки не брала и к ним не прикасалась.

Продолжая осмотр, я обнаружил на ящике у входной двери лом (фото №№ 2 и 3), а на прилавке — свечку. Продавщица пояснила, что ни лома, ни свечки в магазине прежде не было. Именно этим ломом, повидимому, пользовались преступники, взламывая замки. Вмятины на двери и косяках, очевидно, явились результатом ударов лома.

По заявлению продавщицы, из магазина похитили разных товаров примерно на 20 000 руб.

34

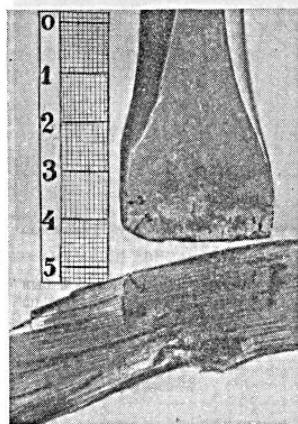


Фото 2. Фотоснимок лома и вдавленного следа от орудия взлома. Пунктиром отмечены совпадающие особенности во вдавленном следе с ломом, обнаруженным в магазине.

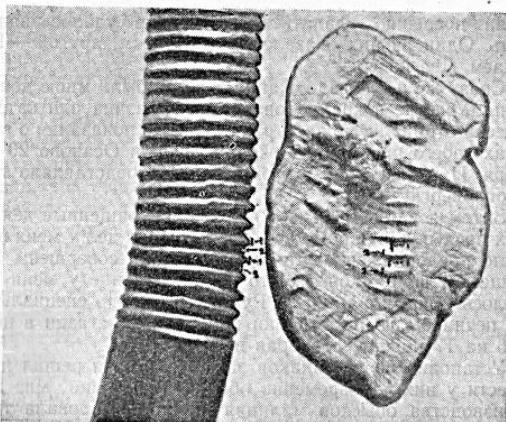


Фото 3. Снимок того же лома с винтовой резьбой и изъятого на пластилиновый слепок вдавленного следа от орудия взлома. Стрелками отмечены совпадающие признаки резьбы лома с вдавленным следом, изъятым на пластилин.

Закончив осмотр, я сделал пластилиновые слепки с вмятин на двери и косяках, тщательно упаковал обе сумки, лом и свечку, изъятые мною в качестве вещественных доказательств.

Магазин я опечатал и предложил произвести проверку, которая в последующем выявила недостачу товаров на 27 192 руб.

Милиция получила от меня задание организовать наблюдение за продажей на базарах товаров, сходных с похищенными из магазина.

На следующий день, то есть 20 декабря, в поле, у деревни Осаново, охотники обнаружили два мешка с различными товарами, похищенными из магазина. Охотники сообщили об этом в милицию, которая организовала около мешков засаду. Однако она была организована плохо: милиционерские работники, которых послали в засаду, не замаскировались. Вследствие этого двое неизвестных, шедших по направлению к мешкам, увидев милиционеров,

3*

35

стали поспешно удаляться. Их все же удалось задержать. Один из них оказался Румянцевым, другой — Николаем Цветковым.

Сразу же после задержания оба они были мною допрошены. Участие в краже товаров из магазина они категорически отрицали, но дали разноречивые показания о причинах своего пребывания около деревни Осаново 20 декабря. Их объяснения в этой части не представляло труда опровергнуть.

Затем я истребовал из милиции прекрасные дела о двух предыдущих кражах. После изучения дел у меня возникло предположение, что и эти кражи совершены Румянцевым и Цветковым. Это предположение у меня появилось в связи с тем, что Румянцев был по специальному печником, а преступники проникли в магазин в ночь с 16 на 17 ноября, разобрав печную трубу.

Установив родственников задержанных, я решил проинформировать у них одновременно обыски. В помощь мне для производства обысков милиция прикомандировала трех оперативных работников. Каждый из них был подробно информирован о том, какие товары похищены в магазине, что надо искать и изымать при обыске.

Обыски дали следующие результаты.

На квартире у Цветкова обнаружили новые кожаные рукавицы, две пары вигоневых носок и кирзовую полевую сумку; у сестер Цветкова — отрезы ситца одинаковой пестрой расцветки; у тещи Цветкова — отрез темного ситца и наволочку из ситца в полоску.

На квартире у Румянцева нашли два отреза ситца, один из которых (14-метровый) был таким же, как и изъятый у сестер Цветкова, а другой — как наволочка, изъятая у тещи Цветкова.

Сестры и теща Цветкова объяснили, что ситец им подарили Цветков.

Кому принадлежат обнаруженные у Цветкова носки, рукавицы и полевая сумка, родственники Цветкова объяснить не смогли. Там же Цветков заявил, что эти вещи ему не принадлежат и как они попали к нему в квартиру, он не знает. Румянцев утверждал, что оба отреза он купил в ларьке на базаре 15 ноября. Мать же Румянцева настаивала на том, что отрезы ситца куплены ею лично еще в 1952 году.

Продавщица магазина № 5, которой были предъявлены предметы, изъятые при обысках, заявила, что подобного рода вещи были похищены из магазина в ночь с 16 на 17 ноября.

Мать Румянцева на вторичном допросе правдиво рассказала все известное ей о краже. Она сообщила, что изъятые при обыске отрезы ей принес в ноябре ее сын, сказав, что купил ситец в городе Вологде. О кражах в магазинах она ничего не знала, но сообщила, что сын ее иногда не ночевал дома, в частности, не было его дома и в ночь с 18 на 19 декабря.

Сосед Румянцева и его жена также подтвердили, что Румянцев часто не ночевал дома и что к нему неоднократно приходил Николай Цветков.

Брат Николая Цветкова — Борис Цветков работал копатчиком. Кузнец предприятия, в котором работал Б. Цветков, опознал предъявленный ему лом и пояснил, что он этот лом выковал для Б. Цветкова.

Криминалистическая экспертиза установила, что вмятины на двери и косяках магазина нанесены ломом, обнаруженным в магазине № 1, то есть ломом, которым пользовался на работе Цветков.

Дактилоскопическая экспертиза дала заключение о том, что следы пальцев на изъятых в магазине дамских сумках принадлежат Румянцеву (фото № 4).

Под давлением этих улик Румянцев и Н. Цветков признали себя виновными в совместной с Б. Цветковым краже товаров из магазина № 1 в ночь с 18 на 19 декабря. Однако кража в магазине № 5 и Цветков и Румянцев категорически отрицали. Между тем я был уверен в том, что и эти кражи совершили они. Надо было собирать новые доказательства. Учитывая, что при производстве первых обысков производились поиски товаров, похищенных в магазине № 1, я решил произвести повторные обыски у всех родственников Цветкова и Румянцева, ставя целью найти что-либо из товаров, похищенных в магазине № 5.

На квартире у Цветкова при повторном обыске я обнаружил в швейной машине обрезки такого же ситца, какой был найден у сестер Цветкова и у Румянцева, две наволочки, спиленные из пестрого ситца, две новые мужские рубашки из штапельного полотна и детскую ситцевую рубашку.

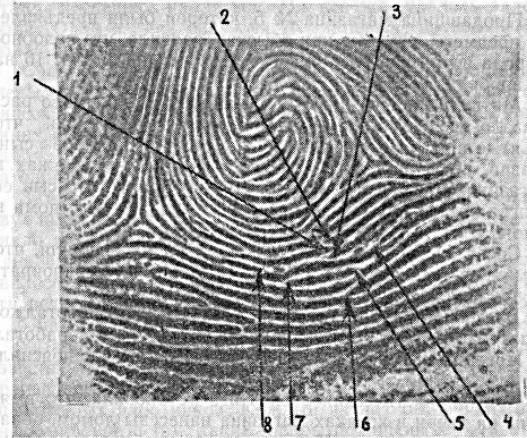
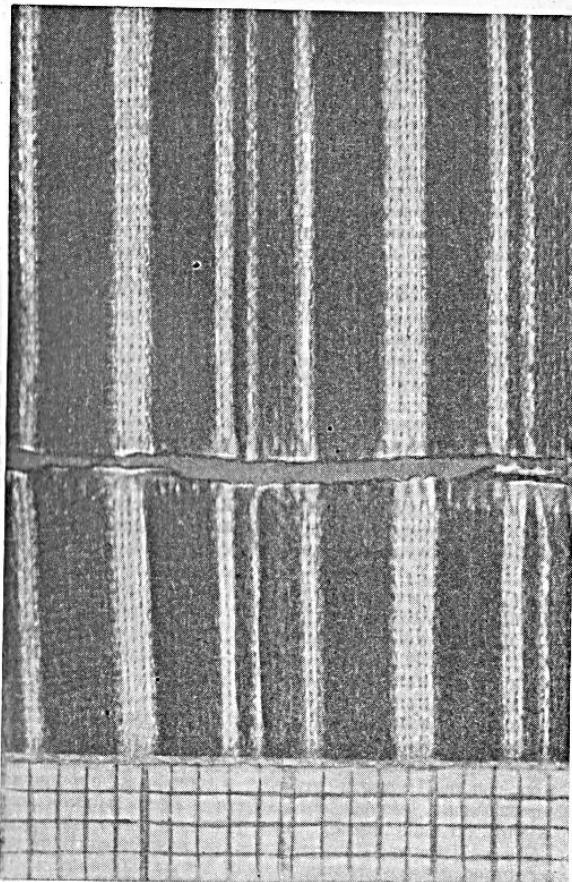


Фото 4. Отпечаток указательного пальца левой руки Румянцева. Стрелками и цифрами отмечены совпадающие особенности папиллярных линий отпечатка этого указательного пальца с такими же особенностями в пальцевом следе, обнаруженном на дамской сумке.

Мать братьев Цветковых показала, что ситец ей дал сын Николай. Последний подтвердил показания матери, но заявил, что ситец он купил перед выездом из лагеря, откуда был освобожден по амнистии, а рубашки из шательного полотна — приобрел у неизвестного мужчины.

Продавщица магазина № 5, осмотрев предъявленные ею наволочки и рубашки, изъятые при обыске у Цветкова, заявила, что материал, из которого сшиты эти изделия, имелся в магазине № 5 и был похищен в ночь с 16 на 17 ноября.

С момента ареста Цветковых и Румянцева прошло 25 дней. Родственники арестованных, повидимому, успокоились и новых обысков уже не ждали. Естественно поэтому, что у них снова могли появиться похищенные из магазина вещи. Поэтому я решил произвести третий обыск на квартире Цветкова, который дал совер-



шенно неожиданные результаты. Мне удалось обнаружить и изъять до тридцати наименований различных товаров, похищенных из магазинов № 1 и № 5. В сундуке с посудой, под бумагой, положенной на дно сундука, я нашел пять отрезов разного материала, на одном из которых имелось два фабричных ярлыка с приведенной карандашом ценой материала.

Ткани я направил на криминалистическую экспертизу. Экспертиза установила, что оба отреза ситца, подаренные Цветковым сестрам, и отрез ситца, изъятый на квартире у Румянцева, являются частями одного и того же куска. Заключение было дано на основании исследования линий отрезов и расцветки боковой каймы (фото № 5).

Все товары, обнаруженные при повторных обысках, были опознаны продавщицей магазина № 5 как похищенные из этого магазина.

Графическая экспертиза установила, что цифры стоимости материала на ярлыке исполнены продавщицей магазина № 5.

Под тяжестью всех собранных по делу улик Н. Цветков признал, что кража в магазине № 5 совершена им.

Народный суд Вологодского района осудил всех троих по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к длительным срокам лишения свободы.

Заместитель начальника следственного отдела прокуратуры г. Москвы
Государственный советник юстиции 3-го класса

А. Г. Дворкин

О ТАКТИКЕ ИЗОБЛИЧЕНИЯ ОБВИНЯЕМОГО ПРИ ДОПРОСЕ

...Дело это возникло несколько необычно. Однажды в прокуратуру Фрунзенского района г. Москвы, где я тогда работал старшим следователем, явился слегка подвыпивший гражданин, который отрекомендовался Скворцовым — главным бухгалтером треста, и сообщил, что вот уже пять лет он, а вместе с ним и другие работники треста занимаются воровством, что он решил покончить с преступлением и поэтому явился с повинной.

Он подробно рассказал, что расхищались денежные средства в тресте и подчиненных ему организациях, указывал на некоторых участников преступной группы и назвал довольно крупную сумму похищенных денег.

Явка Скворцова с повинной объяснялась довольно просто. В тот день один из ревизоров «Главстроя» стал сверять кассовый отчет с кассовой книгой. В отчете отсутствовал расходный ордер на 58 000 руб. В кассовой книге и отчете было указано, что эта сумма выдана конторе № 1, а там она не значилась. Это вызвало у ревизора подозрение. Он пригласил Скворцова для объяснений, и тот заявил, что кассир, повидимому, потерял ордер или подшил его ошибочно к другому отчету. Начались поиски, которые не дали результатов. Одному лишь Скворцову было понятно, в чем дело. Правда, знал об этом и кассир Шапошников, но он значился больным.

Скворцов понял, что Шапошников не успел «оформить» ордер и что случай, вскрытый ревизором, является началом конца их преступной деятельности.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ

Однако Скворцов и компания рассчитывали найти «общий» язык с ревизором. Ведь в свое время они оказали этому ревизору «услугу», незаконно выдав ему из кассы треста довольно солидную сумму под видом командировочных, хотя он выезжал в командировку по заданию главка и там получал деньги.

Но ревизор не рискнул скрыть выявленный факт и заявил Скворцову, что о случившемся доложит руководству главка и следственным органам.

При этих условиях Скворцову ничего не оставалось делать, как явиться с повинной и тем самым заслужить, как он уже потом выражался, снисхождение.

Ревизор главка вручил следователю предварительный акт ревизии по поводу операции с 58 000 руб. К этому времени уже было известно о методах хищения, которые применяли преступники в тресте.

В чем выражался этот метод?

Скворцов и его сообщники почти ежедневно изымали из кассы треста деньги на свои личные нужды и на попойки. Кассир Шапошников, выдавая деньги, отбирал частные расписки, а иногда делал у себя пометку, кому и сколько выдано. К концу месяца подсчитывалась похищенная сумма, расписки уничтожались, и взамен их главные бухгалтеры контор по преступной договоренности со Скворцовым выписывали кассовые ордера, будто бы конторы получили наличные деньги в кассе треста в счет взаимных расчетов.

На основании этих фиктивных ордеров списывалась по кассе треста определенная сумма как выданная конторам. В конторах же треста по подобного рода кассовым ордерам суммы не приходовались, поскольку они фактически туда не поступали.

Следовательно, во взаимных расчетах между трестом и его подразделениями создавался разрыв: в кассе треста значились определенные суммы, выданные той или иной конторе, а в конторах эти суммы поступившими не значились. Чтобы ликвидировать этот разрыв и тем самым защищать похищенные суммы, преступники составляли фиктивные авизовки и мемориальные ордера, по которым суммы, не оприходованные в конторах, относились на различные расходы, а в ряде случаев запутывались расчеты, чтобы усложнить в случае ревизии возможность установления истины.

Точно такими же методами изымались наличные деньги в кассах контор, а взамен частных расписок, выданных участниками преступной группы, кассир треста Шапошников выдавал конторам приходные ордера, будто бы деньги, которые фактически похищены, получены трестом в порядке взаимных расчетов.

На основании этих ордеров конторы списывали у себя эти суммы, а в кассе треста они отражения не находили. Для ликвидации разрыва во взаимных расчетах преступники скрывали эти суммы не на этих, а на различных других счетах. Следовательно, основным каналом для воровства служили взаимные расчеты.

Преступники применяли и другой метод. Если по тем или иным причинам нельзя было списать деньги по фиктивным ордерам контор, Скворцов и его сообщники договаривались с руководителем какой-либо конторы, и тот выдавал расписку на кассовом ордере, будто бы получил аванс на выдачу зарплаты рабочим. Для оправдания аванса фабриковались платежные ведомости.

Иногда перед ревизией Скворцов вызывал к себе главного бухгалтера конторы механизации Максимовского и брал у него расписки на якобы полученные суммы, с помощью этих расписок вуалируя недостачу по кассе.

Так как Максимовский не очень верил Скворцову, что тот после ревизии уничтожит его расписку, он требовал в свою очередь расписку со Скворцова, будто бы он получил от него такую же сумму. Однако Максимовский использовал не один раз такие «гарантийные» расписки Скворцова, чтобы списать на трест якобы выданные ему деньги, а излишне по кассе, образовавшийся от такого списания, брал себе.

Подобным же образом во многих случаях действовал кассир Шапошников, который тоже основательно наживался на таких махинациях и за короткий срок построил себе две дачи.

Для ареста Шапошникова имелись достаточные данные: у него по кассе была обнаружена недостача в сумме 58 000 руб. Вместе с тем Скворцов дал показания о том, что Шапошников являлся активным участником хищений.

После непродолжительного запирательства Шапошников подтвердил способы, которые использовались для хищений. По поводу же недостачи в 58 000 руб. он сообщил следующее: за несколько дней до ревизии Шапошников

подсчитал, что из кассы изъято 58 000 руб. На эту сумму он выписал кассовый ордер. Этот ордер подписал главный бухгалтер конторы Мурашов как получатель этих денег. Ордер был датирован октябрём, а ревизия производилась в декабре. Расход этой суммы проведен по отчету за октябрь, так как в этом месяце был разрыв по кассе. Однако, подписывая ордер как распорядитель кредитов, директор треста Круглов машинально поставил правильную дату (декабрь, а не октябрь).

Как показал Шапошников, Круглов был в курсе дела и знал о том, что этим ордером скрывается хищение денег. Накануне прихода ревизора, о чём было известно Шапошникову заранее, он заметил ошибку, допущенную Кругловым, но исправлять дату было уже поздно.

Скворцов предложил Шапошникову заехать к Круглову домой, а если это не удастся,— не выйти на работу, сославшись на болезнь. Скворцов рассчитывал, что он как-нибудь сумеет договориться с ревизором. Этот ордер, как заявил на допросе Шапошников, был им спрятан в одной из книг его личной библиотеки, где он и был нами обнаружен. Вместе с ордером были обнаружены отдельные листки, где имелись фамилии Круглова, Скворцова и др., а против каждой фамилии — цифры.

Шапошников сообщил в своих показаниях, что изъятием денег из кассы занимались в основном Круглов и Скворцов, а также заместитель главного бухгалтера Булгаков, ревизор треста Мухин, старший бухгалтер Еременков.

На вопрос о том, чем может Шапошников подтвердить, что деньги похищал Круглов, он дал следующий ответ: «Очень часто меня вызывал Круглов и говорил: «принеси два билета». Это означало 2000 руб. Круглов выдавал расписки, но иногда он брал деньги без расписок, тогда я записывал это на листке бумаги. Листки также уничтожены».

Это заявление подтверждалось листками с записями, обнаруженными при обыске у Шапошникова. Последний объяснил, что забыл, будто часть листков он случайно сохранил дома.

Вскоре был арестован ревизор треста Мухин. Он признал, что получал от Скворцова почти ежедневно по 20—30 руб. на выпивку и скрывал выявленные им разрывы по взаимным расчетам, а в последующем, при ревизиях,

вовсе не интересовался этим, хотя и знал, что взаимные расчеты — это канал, по которому расхищаются денежные средства.

Как Мухин, так и Булгаков и Еременков показали, что Круглов изымал из кассы крупные денежные суммы, а им приходилось оформлять кассовые ордера на выдачу денег конторам, чтобы скрыть хищения. Частные расписки Круглова при этом уничтожались.

В процессе следствия удалось обнаружить кассовый ордер, платежную ведомость и пять заявлений, в которых Мухин просил оказать ему материальную помощь по случаю кончины его матери, Булгаков просил выплатить ему за сверхурочную работу в течение полутора лет, Шапошников просил об оказании ему материальной помощи в связи с тем, что при пожаре было уничтожено все его имущество, Скворцов просил об оказании ему материальной помощи по случаю рождения двойни, Еременков просил выдать ему пособие в связи с тем, что у него украли в трамвае полученную зарплату.

На заявлениях были резолюции Круглова о выдаче: Мухину — 2000 руб., Булгакову — 3500 руб., Скворцову — 3000 руб. и Еременкову — 1500 руб., а всего 10 000 руб. Все это было сделано в течение одного дня.

Тщательная проверка показала, что мать у Мухина жива, Булгакову вообще ничего не причиталось за сверхурочную работу, так как у него ненормированный рабочий день, у Шапошникова никогда не было пожара, у Скворцова был лишь один ребенок, и тот уже в возрасте шести лет, случая кражи получки у Еременкова никто не подтвердил.

Этому факту следовало придать значение в свете того, что Круглов, повидимому, являлся одним из участников хищения и должен был что-то делать другим, поскольку они делали для него.

В дальнейшем изложении я буду касаться лишь подготовки допроса и тактики самого допроса Круглова.

Итак, на этом этапе следствие располагало следующими данными о Круглове:

1) показаниями участников преступной группы о том, что Круглов был организатором хищений денежных средств;

2) кассовым ордером на 58 000 руб., выписанным в октябре, но подписанным Кругловым и датированным

декабрем, что косвенно подтверждало осведомленность Круглова о разрыве в документах кассы треста;

3) листками с пометками Шапошникова, где фигурировал Круглов как получатель денег; там значилась сумма 8990 руб., полученная Кругловым в разное время;

4) документами на незаконную выдачу пособия работникам треста с резолюцией Круглова.

Для того чтобы искать расписки Круглова, надо было знать, где он мог брать деньги, кроме уже известных нам контор. Мы проверили, где бывал Круглов в командировках, и установили, что он выезжал также и на отдельные участки, расположенные в Калининской области и в Башкирской АССР.

По нашемуциальному требованию мы получили пять кассовых ордеров, по которым Круглову было выдано в общей сложности 10 000 руб.

Участки отавизовали эти суммы на трест. Однако Скворцов вернул эти авизовки с указанием, что суммы, полученные Кругловым, следует отнести на счет «отчисления тресту» с уменьшением суммы, причитающейся тресту, на 10 000 руб.

Таким образом, из этих документов стало ясно, что сумма, взятая Кругловым, скрыта по учету, а Скворцов утаил это от следствия. С Круглова за все время былодержано лишь 1800 руб. в погашение двух авансов, полученных им в счет зарплаты.

В процессе следствия удалось установить, что шофер Круглова — Баленков и завхоз треста Кротов неоднократно получали в кассах контор № 1 и № 3 денежные суммы в пределах от 300 до 1000 руб., причем в получении денег они никогда не расписывались. Главные бухгалтеры этих контор — сообщники Круглова и Скворцова подтвердили, что подобные выдачи оформлялись ордерами, выданными Шапошниковым.

Таким образом, были получены исчерпывающие материалы для допроса Круглова.

Какую же тактику допроса следовало избрать? Было известно, что Круглов — человек весьма решительный, настойчивый, грубый и самоуверенный и рассчитывает на поддержку со стороны своих «влиятельных» знакомых. С учетом всего этого я решил провести допрос так, чтобы в случае отрицания Кругловым каких-либо обстоятельств предъявлять ему выдержки из изо-

ближающих его показаний свидетелей и обвиняемых, а также уличающие его документы.

Если бы я дал возможность Круглову все отрицать, а потом стал постепенно изобличать его документами, это могло усложнить обстановку: он мог бы голословно от всего отказаться, придерживаясь уже взятой им линии. Было более целесообразно записывать его отрицание по каждому вопросу, а потом предъявлять бесспорные документы. Круглов понял бы, что следствие располагает неоспоримыми доказательствами его вины, что ему бесполезно сопротивляться, а нужно давать правдивые показания.

Приведу часть протокола допроса Круглова.

Вопрос: Каковы были ваши взаимоотношения со Скворцовым?

Ответ: Нормальные, чисто служебные.

Вопрос: Как часто вы выпивали со Скворцовым и кто расплачивался за эти выпивки?

Ответ: Я не считал, сколько раз мы выпивали, но каждый платил за себя. Прошу отметить, что совместная выпивка со Скворцовым не является преступлением.

Вопрос: Следствием установлено, что такие выпивки происходили довольно часто и за счет средств, похищаемых в тресте. Подтверждаете ли вы это?

Ответ: Нет, не подтверждаю.

Вопрос: Подтверждаете ли вы следующие показания обвиняемого Скворцова: «Крупные денежные суммы я и Круглов тратили на совместное пьянство. Я не ошибусь, если скажу, что в рестораны мы ездили с ним не менее трех раз в неделю и каждое такое посещение обходилось в пределах 300—500 руб. Деньги мы брали в кассе, а рассчитывались фиктивными ордерами за счет контор, о чём я уже давал подробные показания»?

Ответ: Эти показания Скворцова я не подтверждаю. Скворцов, повидимому, желает перевалить свою вину на меня, если он действительно в чем-либо виноват. Ни о каких делах Скворцова я не знал.

Вопрос: Подтверждаете ли вы следующие показания начальника отдела треста Семилукова,

являющегося секретарем партийной организации: «Несколько раз я видел, как Круглов и Скворцов приходили вечером на работу подвыпившими. Об этом я специально говорил с Кругловым, предупредив его о недопустимости подобных фактов. Круглов мне ничего не ответил...»?

Ответ: Все это ложь. Больше я сказать ничего не могу.

Вопрос: Что вы скажете по поводу следующих показаний свидетеля шоferа Бабенкова: «Круглов и Скворцов дружили. Они вместе ездили на работу и домой. Вы спрашиваете, ездили ли Круглов и Скворцов в рестораны? Отвечаю, что да, ездили. Они часто бывали в ресторане «Аврора». Как часто они ездили в ресторан, я сказать не могу. Обычно из ресторана Круглов выходил навеселе, а Скворцов быстро пьяел...»?

Ответ: Нет, не было. А вообще я ничего не понимаю, выходит, что все говорились против меня.

Вопрос: Брали ли вы из кассы треста деньги?

Ответ: Иногда брал, но прошу отметить, что всегда давал расписку и в получку с меня удерживали эту сумму, а расписку уничтожали.

Вопрос: Как часто и в пределах каких сумм вы брали деньги в кассе?

Ответ: Я брал от 50 до 100 руб. и не чаще одного-двух раз в месяц.

Вопрос: Брали ли вы деньги в кассах контор, подведомственных тресту?

Ответ: Это исключается. Никогда я не брал там денег, да в этом и не было никакой нужды.

Вопрос: Обвиняемый Шапошников показывает, будто вы изымали из кассы треста крупные денежные суммы, что в месяц составляло не менее 5000 руб. Так ли это?

Ответ: Это неверно. Если я брал такие суммы, то пусть Шапошников предъявит мои расписки и скажет, как он отчитывался. Утверждаю, что брал небольшие суммы и потом эти деньги с меня удерживали.

Вслед за этим мною были предъявлены Круглову заявления Скворцова, Мухина, Еременкова и Шапошникова о выдаче им денежного пособия.

После того, как Круглов ознакомился с этими заявлениями, я продолжал допрос.

Вопрос: Чем объяснить, что все эти заявления датированы одним числом и месяцем?

Ответ: Этого, повидимому, совпадение. С такими просьбами ко мне обратились названные лица, и я им оказал материальную помощь.

Вопрос: Скворцов мотивировал свою просьбу о помощи тем, что его жена родила двойню. На самом деле этого не было. Чем же объяснить, что вы оказали Скворцову помощь?

Круглов, подумав, лаконично ответил:

— Значит, Скворцов обманул меня.

Тогда я напомнил обвиняемому о том, что Мухин в своем заявлении писал, будто у него умерла мать, а затем предъявил Круглову справку о том, что мать Мухина вовсе не умирала, а и по сие время жива. Но Круглов все еще не сдавался, хотя мне стало уже ясно, что его самоуверенность несколько пошатнулась.

Я спросил Круглова:

— На каком основании вы выдали деньги Булгакову за сверхурочную работу, в то время как у него ненормированный рабочий день?

Круглов сразу не нашелся, что ответить. Подумав, он сказал:

— Я скажу правду. Дело в том, что Скворцов мне доложил о недостаче в кассе у Шапошникова, которая образовалась в результате просчета. Чтобы не ставить Шапошникова под удар, он и другие работники бухгалтерии для восполнения недостачи решили добыть деньги под видом материальной помощи. Я на это пошел и теперь понимаю, что поступил неправильно.

— Следовательно, — сказал я, — вы своими действиями скрыли хищение в кассе треста?

— Выходит, что так, — ответил обвиняемый.

Но это, конечно, еще не было тем признанием, которое мне хотелось получить. Продолжая расшатывать самоуверенность Круглова, я напомнил ему, что Скворцов, Шапошников, Еременков и другие показали, будто недостача по кассе образовалась вследствие изъятия лично Кругловым 9000 руб. на покупку радиолы. Для восполнения разрыва по кассе были составлены указанные

заявлений об оказании материальной помощи и выданы деньги.

— Так ли это? — спросил я у обвиняемого.

Уже без свойственной ему самоуверенности, Круглов ответил:

— На покупку радиолы я действительно заимствовал из кассы 9000 руб., но всю эту сумму вернул через Скворцова.

Вопрос: Когда вы брали деньги в кассе, была ли вам выдана расписка?

Ответ: Повидимому, нет.

Вопрос: Следовательно, вы признаете, что были случаи получения вами денег в кассе и без расписок?

Ответ: Возможно, что единичные случаи были.

Вопрос: Вам предъявляется кассовый ордер на выдачу в кантоне № 1 наличных денег в сумме 58 000 руб. Скажите, кем учинена дата рядом с вашей расписью?

Ответ: На этом ордере мною лично поставлена дата — декабрь. Вы можете, гражданин следователь, убедиться, что во всех случаях я ставлю дату своей рукой.

Вопрос: На этом же ордере стоит дата выписки его в октябре, расписка в получении денег учинена тоже в октябре, а ваша разрешительная виза учинена в декабре. Чем это объяснить?

Ответ: Ничего не могу сказать. Это должно быть известно Скворцову и Шапошникову.

Вопрос: Вы снова уклоняетесь от правильного ответа. Дайте объяснение, чем вызвано написание разных дат, как могло получиться, что деньги были выданы в октябре, а вы подписали ордер в декабре?

Ответ: Меня могли подвести. Но раз я поставил эту дату, следовательно, я и подписал ордер в декабре.

Вопрос: Какая была надобность в выдаче кантоне № 1 такой крупной суммы? Ведь кантон имеет свой счет и свои ассигнования?

Ответ: Возможно, что кантон нуждалась в деньгах для выплаты зарплаты командированным.

Вопрос: Установлено, что деньги в сумме 58 000 руб. в кантоне № 1 не оприходованы. Чем это объяснить?

Ответ: Не знаю.

Вопрос: Следствием установлено, что ордер на выдачу 58 000 руб. является фиктивным и что он был составлен для покрытия разрыва, образовавшегося по кассе треста в результате хищения денег. Об этом вам было известно. Подтверждаете ли вы это?

Ответ: Я начинаю вспоминать, что Скворцов просил меня подписать ордер, объяснив, будто он нужен Шапошникову всего на несколько дней, но это совпало с приходом ревизора. Мне стало понятно на допросе, что здесь была какая-то махинация и что меня снова подвели.

Вопрос: Говорили ли вам о разрыве по кассе треста?

Ответ: Что-то в этом роде мне сказали, но я в детали не вдавался.

Вопрос: Объясните подробней, о каком разрыве шла речь?

Ответ: Скворцов говорил, что по кассе есть разрыв и что его нужно восполнить, и поэтому просил подписать ордер.

Вопрос: Вы должны были интересоваться причинами этого разрыва. Так ли это?

Ответ: Конечно, разговор был о том, что деньги взяли в кассе, а отдавать нечем.

Вопрос: Что вы имеете в виду под словом «взяли»?

Ответ: Под этим словом нужно понимать «похитили».

Вопрос: Кто похитил?

Ответ: Скворцов и его друзья.

Вопрос: Кто именно?

Ответ: Точно не знаю.

Вопрос: А вы участвовали в этом?

Ответ: Мне давали деньги, но как их потом оформляли, я не знаю.

Вопрос: Вы похищали деньги и не знали, как скрываетесь это по документам?

Ответ: Я старался не вдаваться в подробности.

Вопрос: Сколько денег вы лично похитили?

Ответ: Не помню. Это дело длилось, по крайней мере, четыре года.

Вопрос: Почему вы не называете сумму?

Ответ: Я ее не помню.

Вопрос: Вам предъявляются пять кассовых ордеров с вашими расписками в получении 10 000 руб. Эти деньги вы присвоили?

Ответ: Да, они остались у меня.

Вопрос: Назовите сумму, которую вы лично похитили?

Ответ: Прошу дать мне очные ставки со Скворцовыми и Шапошниковым, и тогда сумма будет определена.

Такие очные ставки были проведены, и размер похищенных сумм был выявлен.

Дело о Круглове, Скворцове и др. было рассмотрено в мае 1953 года Московским городским судом. Обвиняемые приговорены к длительным срокам лишения свободы по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Чтобы и избежать ошибок, а также избежать злоупотреблений, допрос обвиняемого виноваты в том, что он не может определить, кто из них совершил преступление, то есть, кто из них является виновным.

Следователь по важнейшим делам прокуратуры Казахской ССР

Младший советник юстиции

Н. Л. Гриневич

ПРАВИЛЬНО ИЗБРАННАЯ ТАКТИКА ДОПРОСА ОБВИНИЕМЫХ ПОМОГЛА ПОЛУЧИТЬ ПРАВДИВЫЕ ПОКАЗАНИЯ

По делам о бандитских нападениях большое значение имеет правильное проведение допроса обвиняемых. Это объясняется тем, что часто потерпевшие (если они остаются в живых) не запоминают внешность нападавших и, следовательно, не всегда могут их опознать. Свидетелей-очевидцев по делам этой категории, как правило, не бывает, а вещественные доказательства — предметы, похищенные при нападении, удается обнаружить далеко не всегда. В связи с этим правдивые показания обвиняемых играют важную роль для выявления в полном объеме преступлений, совершенных участниками банды. Получить же от обвиняемых правдивые показания о совершении ими тех или иных преступлений при отсутствии в распоряжении следователя бесспорных, прямо изобличающих обвиняемого доказательств можно только в результате тактически правильно проведенного допроса.

В настоящей статье я и хочу рассказать о некоторых тактических приемах, использованных мною при допросах обвиняемых по одному из таких дел.

Дело поступило в Прокуратуру Казахской ССР, где я работал следователем по важнейшим делам, из республиканского управления милиции для дальнейшего расследования и принять мною к производству.

Из материалов дела было видно, что Долотказин, Музапаров и Шарабарин после освобождения из исправительно-трудовых лагерей по указу «Об амнистии»

приехали в мае 1953 года в г. Алма-Ату, где занялись преступной деятельностью. Вооружившись ножами и пистолетом-пугачом, весьма похожим на настоящий пистолет, они в течение двух месяцев совершили в г. Алма-Ате ряд нападений на граждан. При этих нападениях бандиты нанесли четверым потерпевшим ножевые ранения, от которых один из потерпевших — Щербачев — умер.

При задержании бандитов 3 октября и при обысках по месту их жительства работникам милиции удалось обнаружить вещественные доказательства, изображающие Долотказина в совершении двух, а Музапарова — трех нападений. У Долотказина при задержании был изъят пиджак, а у Музапарова — джемпер, снятые ими 3 октября под угрозой ножом с одного гражданина, оказавшегося Ненайшили. Кроме этого, у Долотказина изъяли пистолет-пугач. При обысках на квартире у Долотказина нашли часы «Аристо», отобранные им 27 сентября при нападении на Любимцеву и Быктаева, а при обыске на квартире у Музапарова изъяли пиджак и часы марки «Звезда», отобранные им 30 сентября у Хосида и Контровича, и макинтош, взятый 2 октября при нападении на Жургенбекова и Кенжибаеву.

На допросах в милиции Долотказин, изобличенный вещественными доказательствами, признал себя виновным в совершении вместе с Музапаровым двух нападений: на Любимцеву и Быктаева 27 сентября и на Ненайшили — 3 октября¹. Музапаров на допросах показал, что действительно 3 октября вместе с Долотказиным он напал на Ненайшили. Нападение же на Хосида и Контровича 30 сентября и на Жургенбекова и Кенжибаеву 2 октября он совершил вместе с неким «Сашкой», место нахождение которого ему неизвестно. Кроме того, Музапаров рассказал, что вместе с Долотказиным 3 октября он совершил нападение на Попову и Федорова, во время которого Федорову нанес ножевые ранения, а 30 сентября вместе с «Сашкой» напал на Кондрашеву и Щербачева, причем последнему они также нанесли ножевые ранения. Нападение на Полянского и Каняева 10 сентября он совершил вместе с Долотказиным и «Сашкой».

¹ Конечно, фамилий пострадавших бандиты не могли знать, но по описанию времени, обстановки и результатов нападения можно было сделать правильный вывод о том, какие именно конкретные случаи нападения имелись ими в виду в их показаниях.

Нападение на Любимцеву и Быктаева 27 сентября, о котором рассказал Долотказин, Музапаров категорически отрицал.

Таким образом, Музапаров признал себя виновным в совершении семи нападений.

По предложению работников милиции Долотказин и Музапаров в присутствии понятых указали каждый в отдельности все места, где, по их показаниям, они совершили нападения на граждан.

Совершение других нападений Долотказин и Музапаров категорически отрицали. Не хотели они назвать и своего соучастника, который, судя по показаниям потерпевших, принимал участие в нападениях.

Доказательств, изображающих Долотказина и Музапарова в совершении других нападений, собрать не удалось. Потерпевшие их опознать не могли, так как все нападения были совершены после наступления темноты.

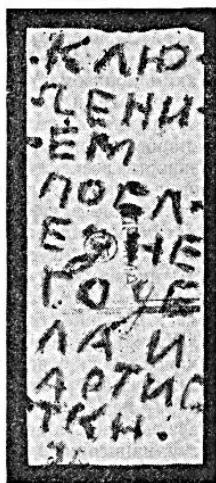
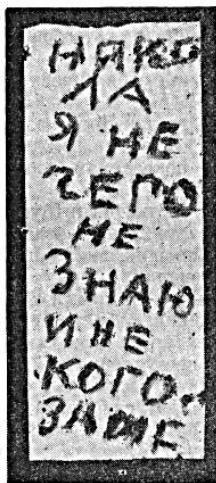
Узнав на допросе, что Музапаров изображает его в нападении на Попову и Федорова, Долотказин попытался переслать содержащемуся в другой камере Музапарову записку, написанную им на папиросной бумаге от сигареты мокрой спичечной головкой. В этой записке, которую благодаря установленному наблюдению удалось своевременно обнаружить в щели щита, ограждающего в уборной батарею водяного отопления¹, Долотказин писал Музапарову: «Николай, я ничего не знаю, никого, за исключением последнего дела и артистки» (то есть нападения на Ненайшили и Любимцеву). Этую записку приобщили к делу (фото на сл. стр.).

Проверив связи Долотказина и Музапарова, работники милиции выявили и 7 октября арестовали третьего участника банды — Шарабарина, по кличке «Сашка».

На первом допросе в областном управлении милиции 7 октября Шарабарин дал показания о том, что он вместе с Долотказиным и Музапаровым совершил восемь нападений. В тот же день Шарабарин указал в присутствии понятых места, где он вместе с Долотказиным и Музапаровым совершал нападения.

Однако, когда через несколько дней дело было передано для расследования в республиканское управление милиции, Шарабарин изменил свои показания и заявил на

¹ Видимо, у Долотказина был уговор с Музапаровым вести таким образом переписку.



Записка, написанная на папиросной бумаге от сигареты. В первом же допросе, что никаких преступлений он не совершал, а его показания в областном управлении 7 октября работники милиции написали сами на основании показаний потерпевших, после чего, применяя будто бы незаконные методы, заставили его подписать эти показания.

Из числа потерпевших только двое — Кондратенко и Гребенников — опознали Шарабарина и показали, что он в одном случае вместе с одним, а в другом случае — с двумя соучастниками, которых они опознать не смогут, совершил нападение на них и шедших с ними спутников. Однако и после этого опознания Шарабарин продолжал все отрицать.

Не изменил своих показаний Шарабарин и после того, как на допросе 17 октября Музапаров признался, что одним из его соучастников был и «Сашка» — Шарабарин. Из показаний потерпевших было видно, что большинство нападений совершалось бандой, состоящей из двух человек, а в отдельных случаях — из трех. Места нападе-

ния, указанные обвиняемыми, в том числе и Шарабарином, на первом допросе, совпадали с местами, указанными потерпевшими, однако выявить в полном объеме все преступления обвиняемых и роль каждого из них в этих преступлениях не представлялось возможным без получения от них правдивых показаний.

На этой стадии дело поступило в прокуратуру республики.

Таким образом, передо мной стояла задача раскрыть все совершенные этой бандой нападения, изобличить обвиняемых в совершении этих нападений и установить, кто из них принимал участие в каждом из нападений. Я понимал, что решить эту задачу можно только путем применения правильной тактики допроса обвиняемых.

Тщательно изучив все материалы дела, я решил начать работу с детальных допросов обвиняемых. Как я и предполагал, первый допрос обвиняемых почти ничего нового не дал. Все они повторили свои показания, данные на допросах в республиканском управлении милиции. Музапаров признал себя виновным в совершении указанных выше семи нападений в соучастии с Долотказиным и Шарабарином:

- 1) на Полянского 10 сентября,
- 2) на Кониева 10 сентября,
- 3) вместе с Шарабарином на Хосида и Конторовича 30 сентября,
- 4) на Щербачева и Кондрашева 30 сентября,
- 5) на Жургенбекова и Кенжибаеву 2 октября,
- 6) на Ненайшвили 3 октября,
- 7) на Федорова и Попову 3 октября.

Долотказин заявил, что признает себя виновным в совершении вместе с Музапаровым двух нападений, но, узнав от меня, что Музапаров изобличает его в нападении на Попову и Федорова, Долотказин признался и в этом нападении. Таким образом, Долотказин признался в совершении вместе с Музапаровым трех нападений:

- 1) на Быктаева и Любимцеву 27 сентября,
- 2) на Ненайшвили 3 октября,
- 3) на Попову и Федорова 3 октября.

Шарабарин свое участие в нападениях категорически отрицал, хотя на первом допросе в милиции, как указывалось выше, он признался в совершении восьми нападений:

- 1) на Черных и Апасова 10 августа,

- 2) на Шахназарова и Кондратенко 10 августа,
- 3) на Пшеницину 20 августа,
- 4) на Жургенбекова и Кенжибаеву 2 октября,
- 5) на Полянского 10 сентября,
- 6) на Коняева 10 сентября,
- 7) на Гребенникову и Дюкова 14 сентября,
- 8) на Омельченко и Штраух 26 сентября.

17 ноября я приступил к детальным допросам обвиняемых. Учитывая, что Музапаров давал наиболее полные показания, я решил допросить его первым.

Перед допросом я еще раз проанализировал показания Музапарова и составил план допроса.

Как указывалось выше, Шарабарин, признавшись на первом допросе 7 октября в совершении восьми нападений, впоследствии отказался от своих показаний. Данные, содержащиеся в этих показаниях, полностью совпадали с показаниями потерпевших о времени, месте и обстоятельствах нападений. В подтверждение своего заявления о применении к нему работниками милиции незаконных методов следствия Шарабарин не смог сказать ничего конкретного.

Имея, таким образом, два процессуальных документа в виде двух противоречивых показаний Шарабарина, я был обязан проверить, какой из них является правильным. Для этого я решил подробнейшим образом допросить Музапарова по поводу первых показаний Шарабарина.

Допрашивая Музапарова по поводу каждого нападения, совершенного им совместно с Шарабарином, я называл ему отдельные подробности, которые почерпнул из тех показаний Шарабарина, от которых он впоследствии отказался.

На Музапарова моя осведомленность произвела сильное впечатление, и он признал свое участие в нападениях на Гребенникову и Дюкова 14 сентября и на Омельченко и Штраух 26 сентября. Исправляя имеющиеся у меня данные, Музапаров заявил, что 30 сентября он совершил нападение на Хосида и Конторовича не с «Сашкой» (то есть Шарабарином), а с Долотказиным. Кроме того, Музапаров рассказал о нападении на Ахметову и Онгарбаева, совершенном им вместе с Долотказиным в середине сентября, при котором Долотказин нанес Онгарбаеву ножевые ранения.

Таким образом, мне удалось проверить и подтвердить первоначальные показания Шарабарина.

Проверяя показания Музапарова, я установил, что в милиции имеется материал о нападении, совершенном 17 сентября двумя неизвестными преступниками на Ахметову и Онгарбаева, и о ранении последнего. Этот материал я приобщил к делу.

На следующем допросе Музапаров дал показания еще об одном нападении, совершенном им вместе с Долотказиным и Шарабарином 19 сентября, на Таукелева и Буллатову. Материал об этом нападении, имевшийся в милиции, я также приобщил к делу.

Таким образом, Музапаров, признавшись в одиннадцати нападениях, отрицал нападения на Пшеницину 26 августа и на Быктаева и Любимцеву 27 сентября.

На другой день я приступил к допросу Шарабарина. На мой вопрос, почему он отказался от своих показаний, данных 7 октября, Шарабарин ответил, что никаких показаний он не давал, а протокол его допроса написан работниками милиции, которые заставили его этот протокол подписать.

Аналогичные показания он дал и по поводу протокола выезда на места нападений.

Далее допрос протекал так.

Вопрос: В протоколе вашего допроса от 7 октября указано, что в одних случаях нападения были совершены вами вместе с Музапаровым, а в других — с Долотказиным, в третьих — с тем и другим вместе. Объясните, каким образом работник милиции, который вас допрашивал, мог знать о ваших соучастниках, если вы сами о них не говорили?

Ответ: В тех случаях, когда в заявлении потерпевших говорилось, что нападавших было трое, работник милиции, не спрашивая меня, писал, что нападение совершили мы втроем. В тех же случаях, когда нападавших было двое, я произвольно называл фамилии Музапарова или Долотказина в качестве соучастников.

Вопрос: Почему в таком случае ваши якобы вымышленные показания о соучастниках нападений соответствуют действительности? Вот, например, на допросе 7 октября вы показали, что ограбление

мужчины и женщины 2 октября совершили вместе с Музапаровым. Музапаров в своих показаниях полностью признает этот факт. Чем вы можете объяснить такое совпадение?

В ответ на этот вопрос Шарабарин заявил, что никаких показаний он больше давать не будет до тех пор, пока лично на очной ставке не услышит показания Музапарова, хотя бы по одному эпизоду. Но я отказал в очной ставке, ибо считал, что в тот момент она является преждевременной, так как опасался, что Шарабарин сможет использовать очную ставку, чтобы повлиять на Музапарова.

Тогда Шарабарин попросил зачитать ему показания Музапарова о нападении, совершенном 2 октября. Выслушав показания Музапарова, Шарабарин заявил, что для очной ставки основания есть, так как пистолет-пугач в момент нападения был не у него, Шарабарина, а у Музапарова.

Я понял, что в поведении Шарабарина наступил перелом, и предложил ему самому написать показания по этому вопросу. Согласившись с моим предложением, Шарабарин сам написал свои показания о нападении на Жургенбекова и Кенжибаеву 2 октября, указав при этом, что он просит дать ему очную ставку с Музапаровым, так как пистолет-пугач в момент нападения был у Музапарова, а не у него.

На другой день между Музапаровым и Шарабарином была проведена очная ставка по факту нападения 2 октября.

На очной ставке Шарабарин полностью подтвердил показания Музапарова и признал, что пистолет-пугач находился у него.

После очной ставки Шарабарин дал подробные показания о восьми нападениях, в том числе и о нападении на Таукелева и Булатову, совершенном им 19 сентября вместе с Долотказиным и Музапаровым. Нападение на Полянского 10 сентября, о котором Шарабарин рассказал на допросе 7 октября, он продолжал отрицать, видимо, потому, что это было единственное нападение с его участием, при котором потерпевшему были нанесены ножевые ранения.

Тогда я провел очную ставку, на которой Музапаров полностью изобличил Шарабарина как соучастника напа-

дения на Полянского. Под давлением показаний Музапарова Шарабарин признал себя виновным и в этом нападении. В свою очередь Шарабарин на очной ставке с Музапаровым изобличил его в нападении на Пшеницину. Музапаров признал свою вину в этом нападении.

Перед тем как приступить к допросу Долотказина, я дал ему очную ставку с Музапаровым. Выслушав показания Долотказина о нападении на Быктаева и Любимцеву 27 сентября, совершенном вместе с Музапаровым, Музапаров подтвердил их и признал свое участие в этом нападении.

Располагая показаниями Шарабарина и Музапарова, полностью признавших свою вину, я приступил к допросу Долотказина, признавшего только три нападения. Чередуя допросы Долотказина с очными ставками, на которых Шарабарин и Музапаров шаг за шагом изобличали Долотказина как соучастника совершенных ими преступлений, я добился того, что Долотказин дал правдивые показания и признал свою вину в совершении еще девяти нападений.

Показания всех обвиняемых полностью совпадали с объективными данными, установленными при осмотрах мест нападений, и с обстоятельствами, сообщенными потерпевшими в своих показаниях.

Кроме этого, Шарабарин и Долотказин на допросе показали, что несколько ручных часов, снятых с потерпевших, они продали в скученный пункт «Ювелирторг». Продавая часы, они называли работнику пункта, выписывавшему квитанции, вымышленные фамилии.

Проверкой на скученном пункте удалось обнаружить квитанции, по которым были проданы часы, отобранные при нападении на Аласова, Дюкова и Хосида. Номера часов, указанные в квитанциях, совпали с номерами в паспортах на часы, предъявленных потерпевшими.

Проверкой лиц, значившихся в квитанциях в качестве продавцов, было установлено, что эти лица по указанным в квитанциях адресам никогда не проживали.

Шарабарин показал, что по двум квитанциям часы от имени Исакова и Ануфриева продал он, а Долотказин заявил, что часы от имени Иванова по третьей квитанции проданы им.

В результате расследования установлено, что из пятнадцати нападений четыре совершили Шарабарин,

Музапаров и Долотказин, два нападения — Долотказин и Шарабарин, три нападения — Шарабарин и Музапаров и шесть нападений — Долотказин и Музапаров. Таким образом, Музапаров участвовал в одиннадцати нападениях, Долотказин — в тринадцати и Шарабарин — в девяти. Была выяснена и роль каждого обвиняемого во всех этих нападениях. 4 декабря 1953 г. следствие по делу было окончено. Верховный суд Казахской ССР признал обвиняемых виновными по ст. 59³ УК и по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Приговор суда осужденные не обжаловали.

*Старший следователь прокуратуры
Московской области
Младший советник юстиции
E. A. Саконов*

ОЧНАЯ СТАВКА МЕЖДУ ОБВИНЕЯЕМЫМИ
ПОМОГЛА РАСКРЫТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

К допросам обвиняемых и очным ставкам следователю необходимо серьезно и вдумчиво готовиться. Если по делу проходит несколько обвиняемых, нужно подумать, в какой последовательности надлежит их допрашивать, между кем из них целесообразно произвести очные ставки. Очень важно из числа всех обвиняемых допрашивать сначала того, кто, по имеющимся данным, наиболее склонен показывать правдиво. Это облегчает работу следователя с другими обвиняемыми.

В моем производстве как старшего следователя прокуратуры Московской области находилось дело о бандитизме, поступившее ко мне для окончания следствия из милиции.

Опыт расследования этого дела представляет интерес с точки зрения избранной мною тактики допроса обвиняемых, которая привела к весьма положительным результатам.

На протяжении июля 1953 года в г. Бабушкине Мытищинского района Московской области действовала устойчивая бандитская группа, вооруженная пистолетом «ТТ», «финкой» и кухонными ножами. Эта группа систематически нападала на граждан, у которых под угрозой оружием отбирались деньги, часы и другие вещи.

Банда нападала внезапно и так же внезапно скрывалась. 20 июля, около 12 часов ночи, было совершено нападение на Смирнова и Кириллову, шедших домой. Угрожая «финкой», бандиты (избыло четверо) потребовали деньги и часы. Когда Смирнов оказал сопротивление, он

был избит. Бандиты сняли с него пиджак, полуботинки, отобрали авторучку и другие мелкие вещи и скрылись.

В ту же ночь, несколько позднее, группа, тоже в составе четырех человек, напала на Макарову, шедшую с поездом домой по Институтской улице. Угрожая ножом, бандиты потребовали у нее деньги и ценные вещи. Макарова крикнула о помощи, и ее крик был услышан двумя мужчинами, шедшими впереди. Когда эти двое мужчин приблизились, то, по показаниям Макаровой, от нее отошел один из бандитов, что-то крикнув. Затем послышались выстрелы. После этого все бандиты разбежались. Макарова, испугавшись выстрелов, также бросилась бежать. Кто в кого стрелял и каковы были последствия, она не видела. На допросе Макарова заявила, что никого из нападавших она опознать не может, так как в момент нападения было темно. Всего она слышала три выстрела.

Нападение было совершено напротив дома № 35/2, и кто-то из жителей этого дома позвонил по телефону в милицию и сообщил, что на улице происходит стрельба. Когда на место происшествия прибыли работники милиции, то на Институтской улице, в кювете, около дома № 32/2, они обнаружили смертельно раненного майора милиции Щербакова, одетого в штатский костюм. Будучи доставлен в больницу, Щербаков, не приходя в сознание, умер.

На месте происшествия нашли стреляные гильзы от пистолета: одну — калибра 7,65 мм и три — калибра 7,62 «ТТ».

Во время осмотра места происшествия к работникам милиции подошел некий гр-н Берлин и передал пистолет «Браунинг». При этом он заявил, что видел, как ночью четверо неизвестных напали на женщину и как ей на помощь устремились двое мужчин. Берлин услышал три выстрела и, испугавшись, убежал. Когда же все успокоилось, Берлин вернулся к месту происшествия и нашел пистолет «Браунинг», калибра 7,65 мм. Кому принадлежит этот пистолет, он не знает, кто из него стрелял, ему также неизвестно, кто в кого стрелял, — он сказать не может. Майора Щербакова Берлин не знал, как и не знал лиц, напавших на Макарову, никого опознать он не мог.

Позднее удалось установить человека, который вместе с майором Щербаковым прибежал на помощь к Макаровой. Этот гражданин оказался Генатулиным. Он показал,



Фото 1. Пистолет № 194196, гильза и пуля, обнаруженные на месте происшествия.

что, возвращаясь домой с железнодорожной станции, услышал крик женщины о помощи и побежал на этот крик вдвоем с неизвестным ему мужчиной, также шедшим со стороны станции. Когда они приблизились к женщине, около которой было четыре человека, один из них отделился от группы, подошел к нему, Генатулину, и его спутнику и крикнул им: «Не подходите!» В это же время раздался выстрел. Генатулин, испугавшись, побежал в сторону и, когда бежал, услышал еще два выстрела.

В убийстве майора Щербакова Генатулин опознал того человека, который вместе с ним прибежал на помощь женщине, подвергшейся ограблению. Таким образом, никто из очевидцев происшествия не мог показать ничего существенного для обнаружения преступников.

Необходимо было установить, кому принадлежал пистолет «Браунинг», доставленный на место происшествия свидетелем Берлиным, и кто из него стрелял.

В результате проверки оказалось, что пистолет «Браунинг» № 194196 — оружие майора милиции Щербакова, находившееся при нем в момент происшествия. Поэтому обнаружение стреляной гильзы пистолета калибра 7,65 мм свидетельствовало о том, что майор Щербаков тоже стрелял, что вследствие этого выстрела мог быть ранен кто-либо из преступников, так как, по показаниям свидетелей, стрельба производилась на весьма близком расстоянии.

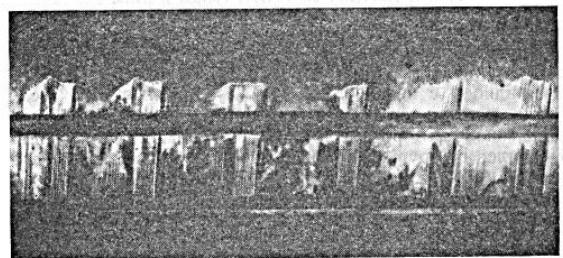
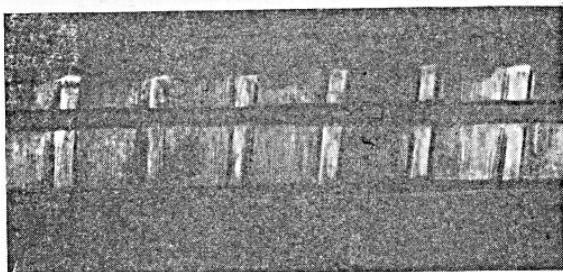


Фото 2.1 Развёрнутый фотоснимок следов нарезов на пуле, извлеченный из тела Бабкина, и на экспериментальной пуле.

Поэтому сразу же после осмотра места происшествия были запрошены больницы г. Бабушкина по поводу того, не поступали ли туда лица с огнестрельными ранениями. Запросили и институт имени Склифосовского в г. Москве, куда обычно доставляют лиц, получивших ранения и тяжкие телесные повреждения.

Уже утром 21 июля из института имени Склифосовского сообщили, что ночью к ним был доставлен Бабкин, проживающий в г. Бабушкине, со слепым пулевым ранением грудной клетки и что при операции пуля будет извлечена.

Мать и сестра Бабкина показали, что ночью к ним приходил их сосед Цыганов и просил медикаментов для оказания помощи Бабкину. Мать и сестра Бабкина подагали, что Цыганов доставил Бабкина в больницу.

Немедленно на квартире Цыганова произвели обыск, в результате которого обнаружили шинель и плащ-палатку с обильными пятнами крови. Допрошенный по этому поводу Цыганов показал, что часа в четыре утра его разбудил знакомый Кусов и сообщил, что он вместе с Осипенковым несет пьяного Бабкина, что нести его трудно и что поэтому он просит Цыганова помочь им. Цыганов мог перенести Бабкина к себе на квартиру, потому что Бабкин просил не носить его к нему домой.

Лишь у себя на квартире Цыганов заметил, что Бабкин ранен. Вместе с Осипенковым Цыганов пошел к проживающему поблизости приятелю Бабкина — Борису Климову и взял у него иод и бинт для перевязки. После этого Цыганов организовал транспортировку Бабкина в Москву, в институт имени Склифосовского. На допросе Цыганов заявил, что ему неизвестно, кто, где и при каких обстоятельствах ранил Бабкина.

Кусов, Осипенков и Климов были задержаны. Осипенков и Кусов подтвердили показания Цыганова и заявили, что Бабкин был ими подобран около завода, который находится примерно в километре от места происшествия, что им ничего неизвестно об обстоятельствах ранения Бабкина, а также о нападении на Макарову и убийстве майора Щербакова.

Климов также утверждал, что он ничего не знает о ранении Бабкина и убийстве Щербакова.

После операции Бабкин был допрошен об обстоятельствах ранения и показал, что в ночь на 21 июля в него выстрелили неизвестные ему лица в Останкинском парке в г. Москве. Он категорически отрицал, что ему оказывалась помощь Осипенковым и Кусовым и что первоначально его доставили на квартиру к Цыганову. При допросе он грубил, вел себя вызывающе и отказался давать какие-либо показания.

Пуля, извлеченная из раны Бабкина, гильза, обнаруженная на месте происшествия, и пистолет «Браунинг» майора Щербакова были направлены для производства баллистической экспертизы.

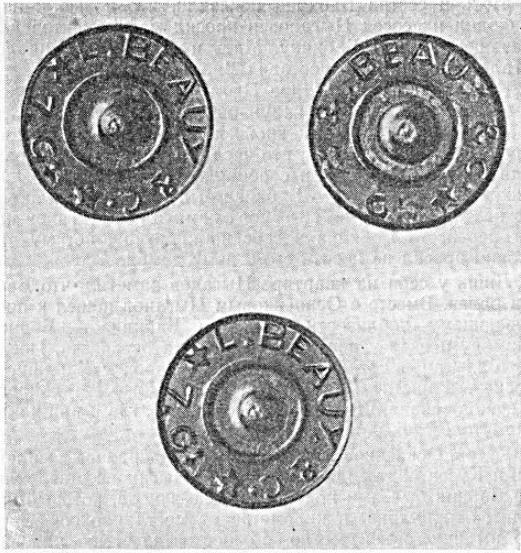


Фото 3. Слева наверху—снимок шляпки гильзы, найденной на месте происшествия; справа наверху—снимок шляпки гильзы, полученной при экспериментальном выстреле; внизу—сравнение обоих снимков.

Экспертиза дала категорическое заключение, что гильза, обнаруженная на месте происшествия, и пуля, извлеченная из раны Бабкина, выпущены из пистолета системы «Браунинг» № 194196, то есть из «Браунинга» майора Щербакова.

Одновременно с расследованием дела об убийстве майора Щербакова производилось расследование и других бандитских нападений, совершенных в июле в г. Басушике, но не раскрытых.

При обыске на квартире у Бабкина удалось обнаружить «финку» и пиджак, похожий на пиджак, похищен-

ный у Дубравова. Пиджак этот впоследствии был опознан потерпевшим Дубравовым как отобранный у него при нападении 10 июля. Тот же Дубравов опознал одного из участников нападения — Бориса Климова.

Другой участник бандитской группы — Осипенков был опознан потерпевшими Андреевым и Гольдбергом. Смирнов и Кириллова опознали Кусова и Кокарева (пятого участника бандитской группы) как участников в нападении 20 июля. Под давлением собранных доказательств Кусов и Кокарев признали, что они вместе с Климовым и Осипенковым совершили нападение на Смирнова 20 июля. Остальные обвиняемые ни в чем не признавались и отрицали свое участие в ограблениях и убийстве Щербакова.

Бабкин не был допрошен потому, что он отказался давать какие-либо показания.

В таком виде дело поступило для окончания расследования в прокуратуру Московской области. Климов, Осипенков, Кусов, Кокарев содержались в тюрьме № 2, а Бабкин — в тюрьме № 1.

Перед мной всталая задача получить подробные показания от Бабкина и Климова. По всему чувствовалось, что они являются организаторами и главарями банды. Оба они в прошлом дважды судимы, отбывали наказание в лагерях и освобождены в связи с указом «Об амнистии». Таким образом, Климов и Бабкин были достаточно искушены в вопросах следствия, и получить от них правдивые показания было делом нелегким.

Первым я решил допрашивать Климова. Перед допросом я тщательно изучил его биографию, привычки, слабости и привязанности. Я знал, что Климов любил хорошо одеваться, следил за собой, любил похвастаться своими подвигами. Знал я и о том, что о многих бандитских налетах, в которых он участвовал, Климов рассказывал своей приятельнице Людмиле Лесковой.

Все это мне стало известно из допросов свидетелей — товарищей, соседей и родственников Бориса Климова. О многом мне рассказала и Людмила Лескова.

Моя осведомленность об образе жизни и поведении Климова сыграла большую и, пожалуй, даже решающую роль в его допросе.

Допрашивал я Климова в тюрьме, в следственном кабинете. Когда его привели на допрос, я сразу же обратил внимание на его подтянутость, некоторую щеголеватость в одежде, непринужденную манеру держаться.

Разговор с Климовым начался издалека. Мы говорили о его жизни, о том, как он отбывал наказание в лагерях, как работал после освобождения. Климов говорил обо всем охотно; рассказывая, он заметно рисовался, стремился изобразить себя в наиболее выгодном свете. Он как-то особенно разоткровенился. У меня даже создалось впечатление, будто он потерял представление о том, что находится в роли обвиняемого. Возможно, и в самом деле он забыл об этом и беседовал со мной так, как беседовал бы с приятелем. И в этот момент, момент какого-то его особенного душевного подъема, я внезапно задал Климову вопрос: «А кто же все-таки убил майора Щербакова?» Климов, не колеблясь, ответил: «Щербакова убил я...»

Далее Климов подробно рассказал о том, как он, Бабкин, Осипенков и Кусов ночью 20 июля напали на Макарову, как на помощь к Макаровой прибежал Щербаков, которому Бабкин предложил не связываться и уйти. Когда же Щербаков стал активно вмешиваться в действия бандитов и выстрелил в Бабкина, Климов стоявший несколько сбоку от Бабкина и Щербакова, выстрелил в спину последнего из пистолета «ТТ». Щербаков согнулся и схватился за живот. Климов выстрелил в него еще раз, а затем побежал мимо дачи, перелез через забор одного дома и выбросил пистолет в траву. Как ушли с места убийства остальные бандиты, Климов не знал.

При судебно-медицинском исследовании трупа майора Щербакова было установлено, что оба входные пулевые отверстия находятся на спине. Это обстоятельство подтверждало правдивость показаний Климова.

Но чтобы закрепить показания Климова, я предложил ему нарисовать схему места происшествия. Климов такую схему нарисовал.

Затем вместе с понятыми я вывез Климова к месту убийства. На месте Климов подробно рассказал об обстоятельствах нападения на Макарову, о появлении Щербакова, о том, что делал в этот момент каждый из соучастников бандитской группы. Показания Климова нашли отражение в протоколе выезда на место происшествия.

70

Там же я составил схему места происшествия, полностью совпавшую со схемой, нарисованной ранее Климовым.

Результаты выезда на место в целом были положительными. К сожалению, нам не удалось найти выброшенного Климовым пистолета «ТТ». За это время траву уже скосили и убрали, а пистолет, очевидно, был ком-нибудь найден.

Показания Климова казались правдоподобными. Такие детальные показания мог дать только человек или сам совершивший убийство, или присутствовавший при этом. Однако у меня возникла мысль, не берет ли Климов всю вину на себя, выгораживая своих соучастников и, в частности, Бабкина?

В связи с этим возникла крайняя необходимость в допросе Бабкина. Допрос его я начал с предъявления обвинения. Бабкин вел себя вызывающее. Вначале он вообще отказался даже подписать постановление о привлечении его в качестве обвиняемого. Затем, подписав его, он снова стал утверждать, что ранен в Останкинском парке неизвестным лицом.

Я терпеливо разъяснял Бабкину бесполезность дальнейшего запирательства, доказывал абсурдность его показаний.

Бабкин продолжал упорствовать и на все мои доводы отвечал, что он ничего не знает и ничему не верит. Однако неожиданно он вдруг изменил тактику поведения и заявил, что, если его переведут в тюрьму № 2 и дадут очную ставку с Климовым, он расскажет обо всем. Тут же Бабкин сообщил, что для него эта тюрьма — «дом родной», где он «раньше сидел и теперь не пропадет».

Мне стало очевидно, что пойти на удовлетворение просьбы Бабкина — значит поставить следствие в зависимость от его желаний и настроений. Более того, на очной ставке Бабкин мог воздействовать на Климова — второго главаря банды. Очная ставка была, безусловно, преждевременной.

На данном этапе следствия я решил произвести очную ставку между Бабкиным и второстепенным участником банды Кусовым. Кусов в это время уже признавал себя частично виновным и, в частности, говорил о том, что Бабкин был ранен на месте нападения на Макарову.

Кусов на очной ставке должен был показать только об одном эпизоде, как он, Кусов, и Осипенков подобрали

71

РЕПОЗИТОРИЙ ГУРМАН

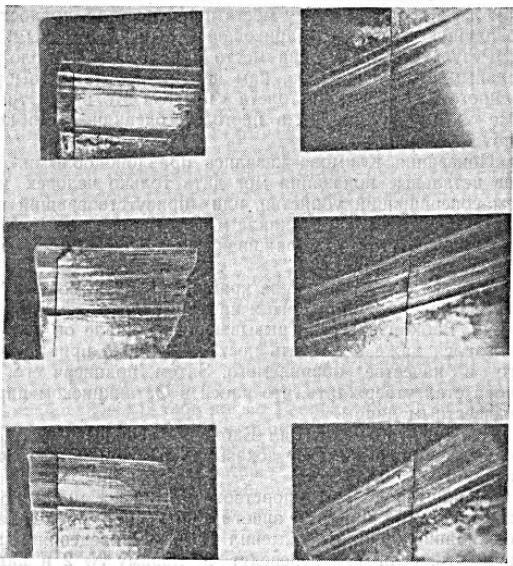


Фото 4. Совпадения особенностей в следах полей нарезов на пуле, извлеченной из тела раненого Бабкина, и пуле, выпущенной из «Браунинга» № 194196.

Бабкина, раненного в г. Бабушкине, и доставили в дом к Цыганову. Это важно было сделать для того, чтобы убедить Бабкина в бессмыслиности его заявления о том, что его кто-то ранил в Останкинском парке.

Наочной ставке Кусов подтвердил свои показания о том, что ночью 20 июня в г. Бабушкине он вместе с Осинниковым и Цыгановым доставили раненого Бабкина в дом Цыганова. Выслушав показания Кусова, Бабкин смутился, а потом попросил меня очную ставку прервать и удалить Кусова. Очевидно, эта очная ставка

72

произвела большое впечатление на Бабкина, и после удаления Кусова он начал давать откровенные показания.

Бабкин рассказал, что ночью 20 июля он вместе с Климовым, Кусовым и Осипенковым совершил нападение на Макарову. На ее крик прибежали два человека, один из них — высокий (Щербаков) стал активно препятствовать действиям бандитов. Бабкин подошел к этому человеку и ударил его, в ответ на что он выстрелил в Бабкина, и в тот же момент в стрелявшего выстрелил Климов. Бабкин отошел на расстояние 5—6 метров и упал, но тут же был поднят Кусовым и Осипенковым, которые унесли его с места происшествия и доставили на квартиру к Цыганову. Как удалось скрыться Климову, Бабкин не знал.

Эти показания Бабкина соответствовали объективным материалам дела. Для проверки их я выехал с Бабкиным и понятыми на место происшествия. Здесь Бабкин подробно указал, где было совершено нападение на Макарову, что сделал каждый из участников, где произошло его столкновение с Щербаковым.

Дело по обвинению Бабкина, Климова и других слушалось выездной сессией Московского областного суда. Преступники осуждены по ст. 59³ УК РСФСР.

*Народный следователь прокуратуры
Сталинского района г. Москвы*

Младший юрист

N. F. Кузьменков

ДОПРОС ПОДОЗРЕВАЕМОГО В УБИЙСТВЕ

В 4 часа дня 28 сентября 1953 г. сотрудники 125-го отделения милиции сообщили мне по телефону, что в подвале дома № 48 по 9-й Парковой улице обнаружен труп мужчины.

На месте происшествия, не приступая к осмотру до приезда вызванного судебно-медицинского эксперта, я переговорил с работниками милиции и комендантом дома, которые ввели меня в курс дела.

Оказывается, комендант здания, спустившись в 3 час. 30 мин. дня по делам службы в подвал, увидел в одной из комнат большую лужу крови. Заинтересовавшись этим, он внимательно осмотрел комнату и заметил в ее дальнем углу труп, заброшенный стульчиками. Об этом он сразу же сообщил в милицию.

По приезде судебно-медицинского эксперта и эксперта-криминалиста я произвел осмотр места происшествия.

Комната подвала, где лежал труп, была не велика по размерам. В центре комнаты была большая лужа крови. В углу комнаты, под небольшим окном, лежал труп молодого человека 20—22 лет. В области лица и головы трупа имелось до двадцати колотых и резаных ран, изо рта торчала суконная кепка, игравшая роль кляпа. Смерть неизвестного, по мнению судебного медика, наступила за 14—16 часов до осмотра, то есть прошлой ночью. В карманах одежды убитого не оказалось документов или вещей, которые дали бы указания на его личность.

Осмотром окна подвала мы установили, что стекла его выбиты, а два прута решетки сломаны, причем по следам излома можно было судить, что образовались они давно.

На одном из осколков стекла обнаружены бесцветные отпечатки пальцев. Этот осколок был изъят как вещественное доказательство. На подоконнике мы обнаружили помарки, похожие на кровь.

Дверь комнаты подвала выходила в коридор, откуда в первый этаж дома вела лестница. На первом этаже размещалось женское общежитие. У входа с улицы на первый этаж, через который можно было попасть в подвал, был пост комендантской охраны, функционировавший круглые сутки. Вахтер, находившийся на посту в ночь на 28 сентября, утверждал, что при нем никто в общежитие или в подвал не проходил.

Из совокупности всех приведенных данных можно было сделать вывод, что убийцы проникли в подвал дома через окно, причем и убитый ими человек пришел вместе с ними. Повидимому, это был их знакомый, ибо трудно предположить, чтобы преступники могли насильно затянуть человека в окно через довольно узкое отверстие между уцелевшими прутьями.

Исключалось также предположение о том, что человек этот был убит в другом месте, а его труп перетащен в подвал, так как под трупом и около него было обильное количество крови, а следы волочения трупа отсутствовали.

Решающую роль в раскрытии этого преступления могло сыграть установление личности убитого.

В связи с тем что на одежде трупа имелись пятна краски и штукатурки, можно было предположить, что убитый, возможно, является строительным рабочим и проживает где-нибудь неподалеку, так как в районе 9-й Парковой улицы имелось много общежитий строительных рабочих.

На место происшествия для опознания трупа были приглашены управляющие близлежащих домов и коменданты соседних общежитий. Перед предъявлением трупа с лица убитого была смыта запекшаяся кровь. Опознание дало успешные результаты. Убитым оказался строительный рабочий Анашкин, проживавший, как я и предполагал, неподалеку в одном из общежитий.

В тот же день негласная проверка установила, что вечер 27 сентября Анашкин провел у себя в общежитии вместе с соседом по комнате Сидоренковым и с неким Сорокиным, проживавшим в другом общежитии. Выпив

РЕПОЗИТОРИЙ ГУРМАН

водки, они все вместе куда-то ушли. Сидоренков возвратился один и лишь поздно ночью.

Сидоренков был задержан в общежитии. Когда ему предложили отправиться в отделение милиции, он пытался надеть на себя чужое пальто. Это было нами замечено и указано в протоколе задержания.

На брюках и пальто Сидоренкова были найдены пятна, похожие на кровь (капелька перекиси водорода, насыщенная на эти пятна, бурно закипала). Такие же пятна оказались и на одежде задержанного в тот же день Сорокина. Одежда подозреваемых была направлена на судебно-медицинскую экспертизу.

При личном обыске Сидоренкова и Сорокина, а также при обыске в их комнатах никаких доказательств преступления мы не нашли.

Допрос рабочих, проживавших вместе с Сидоренковым, подтвердил, что 27 сентября Сидоренков выпивал в обществе Анашкина и Сорокина, с которыми он и ушел. Сидоренков действительно вернулся в свою комнату лишь около 2 часов ночи, однако до этого, часов в 12 ночи, его видели у дверей комнаты Анашкина. В день задержания — 28 сентября Сидоренков, как выяснилось, не вышел на работу. Сорокин, как и Сидоренков, явился домой во втором часу ночи.

Я разработал подробный план допроса Сидоренкова и Сорокина, суммировав для этого все те немногие доказательства их виновности, которые у меня имелись.

Первым на следующий день после задержания я допрашивал Сидоренкова. Выяснив подробно все, что касалось его биографии, я начал допрос по существу. Воспроизвожу его полностью.

— Знаете ли вы гр-на Анашкина?

— Да, знаю. Он мой односельчанин и живет со мною в одном общежитии.

— Известно ли вам, что Анашkin найден убитым?

— Нет, неизвестно. Я слышал, что нашли какого-то парня убитым в подвале, но не думал, что это может быть Анашкин.

— В каком подвале нашли убитого?

— Здесь поблизости. Там вчера вечером собралась целая толпа.

— Вы там тоже были?

— Да, я немного постоял, потом ушел домой.

— Откуда вы знаете, что труп найден в подвале?

— Я видел, что там горел свет и стояли работники милиции.

— Как вы могли видеть, что делается в подвале, если на расстоянии 100 метров от подвала было поставлено оцепление?

— Я оговорился. Я сам не видел, что делается в подвале, а только слышал от людей, что там нашли убитого парня.

— Как вы провели вчера день?

— Как обычно. Был на работе.

— Во сколько вы начали и во сколько кончили работать?

— Я работал с 7 утра до 4 часов дня. С работы пришел в общежитие, где меня задержали.

— Следствием установлено, что вы вчера на работу не явились. Ознакомьтесь со справкой табельщицы по этому вопросу и объясните, почему вы говорите неправду.

— Справка правильная. На работе я не был. Я проспал и испугался ехать на работу. Кроме того, меня к 10 часам утра вызывали в военкомат, куда я и пошел.

— У кого вы были в военкомате на приеме?

— Я точно не помню номера комнаты. Меня принял офицер. Звания его я не помню. Он уточнял анкетные данные.

— Из отобранной у вас при обыске повестки видно, что в военкомат вас вызывали не на 28 сентября, а на сегодня — 29. Вы опять говорите неправду.

— Я боялся, что меня могут уволить за прогул, если выяснится, что я не был в военкомате, и поэтому на допросе сказал неправду.

— Где же вы в действительности были 28-го?

— Я просто хотел отдохнуть от работы и бесцельно ходил по улицам и по магазинам.

— Чем вы занимались вечером 27 сентября 1953 г.?

— Вместе с Сорокиным и еще одним знакомым парнем (его зовут Павлом, а где он живет и работает я не знаю) мы ходили на танцы около наших

корпусов. Часов около 11 мы разошлись, и я отправился домой спать.

— А не были ли вы вечером 27 сентября у себя в общежитии вместе с Анашкиным и Сорокиным?

— Нет. Я Анашкина не видел.

— Как же вы не видели Анашкина, если вечером 27 в комнате общежития в присутствии всех проживающих вы выпивали вместе с Сорокиным и Анашкиным, а затем все вместе ушли, заявив, что уходите в общежитие к девушкам? Огласить Вам показания ваших соседей по комнате по этому вопросу?

На этот вопрос Сидоренков продолжительное время отвечал. Я наблюдал за его поведением и видел, что ему не по себе.

После тягостного молчания Сидоренков произнес:

— Ну, выпивали. Что ж тут такого?

— Куда вы пошли с Сорокиным и Анашкиным?

— Мы хотели пойти в общежитие к девушкам, но потом Анашкин не захотел с нами идти, сказав, что ему нужно встретиться с какими-то ребятами и получить с них долг. Тогда Сорокин пошел к себе, а я к себе.

— В какое женское общежитие вы хотели пойти? Не в то, что в доме № 48 по 9-й Парковой улице?

— Нет, в другое.

— В какое именно?

— Я сам не знаю. Нас хотел повести Анашкин.

— Расставшись с Анашкиным и Сорокиным, вы сразу же пошли домой?

— Да, сразу.

— В котором часу вы пришли к себе в комнату?

— В начале двенадцатого.

— Показаниями ваших соседей по комнате установлено, что вы пришли во втором часу ночи. Вы опять даете неправильные объяснения!

— Я вспомнил. Действительно, перед тем как пойти домой, я, примерно, до часу ночи гулял около дома и явился домой во втором часу.

— Кого-нибудь вы встретили около дома?

— Нет, никого.

— В какой одежде вы проводили вечер 27 сентября?

— На мне были плащ и брюки, которые у меня изъяли после доставления в милицию, а также пиджак, который на мне.

— Участвовали ли вы в последние три дня до задержания в каких-нибудь драках? Били ли вы кого-нибудь до крови, били ли вас до крови?

— Ни в последние три дня, ни в течение двух-трех лет вообще я ни в каких драках не участвовал. Это я утверждаю категорически.

— Получали ли вы в последнее время какие-либо травмы или ушибы, сопровождавшиеся кровотечением?

— Нет. Ничего подобного не было.

После того как Сидоренков отрицательно ответил на два предыдущих вопроса, я счел своевременным задать ему следующий вопрос:

— Объясните, откуда у вас на брюках и на плаще свежие пятна крови?

Сидоренков молчал. Однако я не был склонен дать ему возможность придумывать какие-либо объяснения и требовал, чтобы он сразу же ответил на мой вопрос.

Наконец, Сидоренков выдавил из себя:

— Я вспомнил. 27 сентября вечером я из-за каких-то пустяков подрался с Анашкиным и разбил ему в кровь нижнюю губу.

— Почему же вы об этом сразу не сказали?

— Я боялся сказать, что дрался с Анашкиным, думая, что мне могут «пришить» дело.

— Вы утверждаете, что разбили Анашкину нижнюю губу?

— Да. Я сам видел, как у него из губы текла кровь.

— Каким же образом кровь из губы Анашкина попала к вам на внутреннюю сторону обшивки брюк?

— Понять не могу.

— Ваши объяснения о том, что вы разбили Анашкину губу, неправдоподобны. Ознакомьтесь с актом судебно-медицинского исследования трупа Анашкина.

Можете убедиться, что никаких повреждений губы или зубов у Анашкина не имелось.

— Я не знаю, как это получилось.

— Но, может быть, вы скажете, почему вы 28 сентября в общежитии, когда вам предложили следовать в милицию, пытались надеть чужое пальто?

— Это была просто ошибка. Я спутал.

— Как же могли вы спутать свой коричневый прорезиненный плащ с черным драповым пальто?

— Не могу объяснить.

— Может быть, это объясняется тем, что вы не хотели следовать в милицию в плаще, на котором, как вы думали, могла быть кровь убитого Анашкина? Сидоренков молчал.

Нетрудно было доказать Сидоренкову, что он на протяжении допроса несколько раз давал ложные объяснения, чего не было бы, если бы он не имел никакого отношения к преступлению.

Сидоренков внимательно меня выслушал и, опустив голову, спросил, задержали ли Сорокина.

— Да, — ответил я, — задержан, на его одежду, как и на вашей, найдена кровь. После некоторого молчания Сидоренков сказал:

— Ну, раз попались, надо сознаваться.

И Сидоренков подробно рассказал, как 27 сентября, вечером, после выпивки произошла драка с подвыпившим Анашкиным, который укорял его в том, что он не расплачивается с долгами, и как потом под предлогом пойти вместе в женское общежитие он, Сидоренков, и Сорокин завели Анашкина через разбитое окно в подвал. Там они вновь затеяли драку, во время которой и убили Анашкина.

Заткнув рот Анашкина его кепкой, он — Сидоренков и Сорокин выбрались из подвала тем же путем, что и вошли, то есть через окно.

Далее Сидоренков признался, что, совершив убийство, они около 12 часов ночи проникли в комнату Анашкина и, разыскав его документы, сожгли их, бросив пепел в унитаз. Это было сделано с целью создать впечатление, будто Анашкин куда-то уехал.

Записав показания Сидоренкова, я решил немедленно принять меры к их проверке.

В этих целях Сидоренкову в присутствии понятых мы предложили показать подвал, в котором был убит Анашкин. Он подвел нас к окну именно того подвала, в котором нашли труп Анашкина.

Я уже говорил, что между уцелевшими прутьями решетки окна промежуток был довольно узкий. Действительно ли через него мог проникнуть человек? Этот вопрос мы разрешили путем проверки на месте. Сидоренков действительно пролез через довольно узкое отверстие. Далее мы предложили Сидоренкову показать место, где было совершено убийство, место, куда они спрятали труп, чем его завалили. Сидоренков на все эти вопросы дал подробные объяснения.

Затем Сидоренков продемонстрировал, как он и Сорокин выбирались из подвала через то же окно.

Сорокин же на допросе все отрицал, утверждая, что к убийству Анашкина он никакого отношения не имеет. Показаниями Сидоренкова я при допросе Сорокина не опровергал, решив сделать для него небольшой «сюрприз». И вот внезапно для Сорокина, прервав допрос и введен в комнату Сидоренкова, я предложил ему на очной ставке показать, как они совершили тяжкое преступление. Сидоренков повторил свои показания.

Это было полной неожиданностью для Сорокина, который, видимо, не мог себе представить, что его соучастник так быстро «сдался».

Очная ставка закончилась признанием Сорокина.

Сразу же после составления протокола очной ставки мы вышли с Сорокиным на место происшествия. Он указал дом, в котором было совершено преступление, показал, каким образом они пролезли в окно и объяснил в присутствии понятых некоторые обстоятельства преступления.

Убедительным свидетельством виновности Сорокина и Сидоренкова явилось то, что они дали одинаковые, совпадающие в деталях, показания, которые полностью соответствовали объективным материалам дела.

Признания преступников явились исключительно важным доказательством. Дело в том, что пальцевые отпечатки, найденные на осколке стекла из подвального окна, оказались непригодными для идентификации. Кровь, обнаруженная на одежде Сидоренкова, как заключила экспертиза, по группе и типу совпадала не только с кровью

Анашкина, но и с кровью самого Сидоренкова, а не большое количество крови, найденное на одежде Сорокина, не позволяло определить ее группу.

Народный суд признал Сидоренкова и Сорокина виновными в преступлении, предусмотренном ч. 1 п. «а» ст. 136 УК РСФСР.

Примечание. Следует отметить, что т. Кузьменков, который энергично провел расследование по делу и раскрыл тяжкое преступление, однако допустил серьезную ошибку. Он лично не возбудил уголовного дела, что должен был сделать сразу же после осмотра места происшествия. Дело было возбуждено милицией.

Проведя фактически большинство следственных действий, т. Кузьменков тем не менее дело принял к своему производству только через два дня после осмотра. — Ред.

Народный следователь прокуратуры
г. Ашхабада

юрист 2-го класса

Б. И. Березовский

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ ОБВИНЯЕМЫМИ ПРИ ДОПРОСЕ

Рано утром 18 июня 1953 г. в одном из скверов г. Ашхабада был обнаружен труп мужчины.

На место происшествия вместе с работниками милиции выехал дежурный следователь прокуратуры.

Картина, представившаяся прибывшим, давала достаточно оснований полагать, что имело место убийство с целью ограбления: карманы одежды трупа были вывернуты и т. д.

Установить личность убитого не представляло труда, так как тут же на месте валялись разбросанные документы: удостоверение личности, партийный билет и ряд справок на имя Федорова.

При наружном осмотре трупа на груди была обнаружена рана, проникающая в область грудной клетки, размером $0,5 \times 2$ см, с ровными краями. Глубокая резаная рана имелась также на ладонной поверхности правой руки. По заключению судебно-медицинского эксперта, эти повреждения могли быть нанесены колюще-режущим орудием.

Общий вид места происшествия был сфотографирован.

Несмотря на активный розыск, предпринятый милицией, напасть на след преступника в течение нескольких дней не удавалось.

На помощь пришел случай.

26 июня 1953 г. поздно ночью к возвращавшемуся домой студенту Агаджанову обратился неизвестный с просьбой дать ему закурить. Заподозрив, что он останов-



Место обнаружения трупа Федорова

лен с целью ограбления, Агаджанов не растерялся и сказал: «Папирос у меня нет, но если подойдешь ближе, то получишь по заслугам».

Неизвестный, однако, продолжал приближаться. Тогда Агаджанов опустил правую руку в карман и скомандовал: «Стой, иначе получишь пулю в лоб!»

Как раз в этот момент со стороны рынка появился вооруженный сторож, делавший обход охраняемой им территории. Агаджанов предложил неизвестному итти в сторону сторожа, предупредив, что если он побежит, то получит пулю в затылок.

Неизвестный повиновался. Подведя его к сторожу, Агаджанов попросил последнего охранять задержанного, а сам пошел в дежурный магазин, откуда позвонил в городское отделение милиции. Оттуда вскоре прибыли двое работников, которые доставили задержанного в отделение. При проверке оказалось, что это Фомичев, 1926 года рождения, недавно освобожденный по указу «Об амнистии» из места заключения.

Фомичев сразу же сознался, что собирался ограбить Агаджанова, но не сделал этого, так как неожиданно для него появился сторож и, кроме того, он думал, что Агаджанов — работник милиции, имеющий оружие.

На следующий день помощник прокурора г. Ашхабада т. Вайнер допросил Фомичева, который признал, что на кануне ночью он слонялся по глухим улицам г. Ашхабада с целью кого-либо ограбить и для этого захватил с собой нож, который он, по его словам, выбросил, когда его вели в отделение милиции. Поиски этого ножа не увенчались успехом.

Фомичев не отрицал, что применил бы оружие против того, кого хотел ограбить, если бы тот сопротивлялся. Такое заявление обвиняемого позволило предположить, что он убил человека, труп которого нашли 18 июня.

Допрос в этом направлении закончился положительным результатом: допрашиваемый сознался, что это убийство совершил он.

Фомичев показал, что несколько дней назад в двенадцатом часу ночи он после выпивки шел по скверу. Увидев идущего по тротуару гражданина, он решил его убить и ограбить. Фомичев зашел сзади и ударил этого человека кулаком в висок. Человек упал. Тогда Фомичев нанес ему удар ножом в грудь. Убедившись в смерти своей жертвы, Фомичев сорвал с руки убитого наручные часы, а из кармана вытащил оказавшиеся там 100 руб.

При выходе на место происшествия Фомичев точно показал место убийства.

Допрос Фомичева на месте совершения преступления был оформлен протоколом, а само место, на которое указал Фомичев, — сфотографировано.

Производство дальнейшего расследования по этому делу поручили мне как народному следователю прокуратуры г. Ашхабада.

Ознакомившись с собранными материалами, я пришел к выводу, что, несмотря на признание Фомичева, доказательства, объективно подтверждающих его виновность, явно недостаточно. Вызывало сомнение утверждение Фомичева о том, что убийство он совершил без чьей-либо помощи. Из протокола осмотра яствовало, что убитый Федоров в момент нападения на него оказывал сопротивление (на ладонной поверхности его правой руки имелся глубокий порез). Федоров был физически здоровым, высоким и сильным человеком. Преодолеть его сопротивление было не так легко. Все это позволяло думать, что Фомичеву кто-то помогал.

Готовясь к допросу Фомичева, я поставил перед собой задачу добить от него сведения, которые, с одной стороны, послужили бы новыми доказательствами, объективно подтверждающими его виновность, а с другой,— помогли бы установить соучастников этого преступления.

Фомичев показал, что после освобождения из места заключения он поступил на работу в строительно-монтажное управление (СМУ) № 4 разнорабочим. Проживал он в общежитии СМУ № 4, в отдельной комнате; в момент убийства на нем была синяя майка-безрукавка, брюки серого цвета и белые тапочки на резиновой подошве. Этую одежду после убийства он снял, и находится она в общежитии, в его комнате. Фомичев утверждал, что убийство совершено им одним и что друзей и товарищей в городе у него нет.

После допроса я немедленно выехал в общежитие СМУ № 4 для изъятия одежды Фомичева. При обыске я обнаружил и изъял синюю майку-безрукавку и белые тапочки с пятнами, похожими на кровь. Майку и тапочки я предъявил Фомичеву, который подтвердил, что эти майка и тапочки были надеты на нем в момент совершения убийства.

На майке экспертиза обнаружила кровь человека I группы. Кровь убитого Федорова относилась также к I группе. Кровь обвиняемого относилась ко II группе.

Таким образом, показания Фомичева подтверждались вещественными доказательствами. Оставалось установить соучастника.

С этой целью я решил допросить коменданта и жильцов общежития с тем, чтобы подробнее узнать, что собой представляет Фомичев, каков его образ жизни, каковы его связи.

Комендант общежития сообщил мне, что однажды Фомичев похитил из общежития постельные принадлежности.

Одна из свидетельниц, проживающая в этом же общежитии, показала, что она неоднократно видела Фомичева с неким Майзаковым, с которым он часто выпивал. Этот Майзаков, со слов свидетельницы, знает подробности кражи Фомичевым постельных принадлежностей.

Майзаков, допрошенный мною, подтвердил, что видел, как Фомичев заворачивал постель, которую куда-то затем

унес. Однако факт совместных выпивок с Фомичевым он отрицал, утверждая, что ничего общего с ним не имеет. При этом он так настойчиво уверял меня в этом и так нервничал, что это невольно обращало на себя внимание. Не он ли помощник Фомичева в убийстве Федорова? Я еще раз допросил Фомичева, чтобы выяснить его взаимоотношения с Майзаковым. Этот допрос я начал с выяснения обстоятельств хищения постельных принадлежностей, но Фомичев стал отрицать, что совершил эту кражу. Тогда я тут же решил использовать это обстоятельство для проверки моих подозрений в отношении Майзакова.

Если Фомичев выгораживает Майзакова, то он, наверное, перестанет это делать, думал я, как только узнает, что Майзаков изобличает его в хищении. Поэтому я изменил тактику допроса и, как говорится, в лоб спросил Фомичева, почему его друг Майзаков утверждает, будто он украл простины и одеяло из общежития. При этом я показал Фомичеву протокол допроса Майзакова. Эффект от этого превзошел мои ожидания. Фомичев с криком и руганью заявил: «Ну, если он сам продал меня за простины, пусть идет вместе со мной. Я больше месяца шел по делу один, я молчал о нем, а теперь пойдем вместе. Я убил Федорова вместе с Майзаковым».

После этого взрыва негодования Фомичев подробно рассказал, как он с Майзаковым убил Федорова. 17 июня после работы, в 7 час. вечера, он позвал Майзакова «на дело». Майзаков после некоторых колебаний согласился.

Выпив водки, они отправились в парк, но подходящего случая им не представилось. Возвращаясь домой в двенадцатом часу ночи, они выбирали темные улицы, рассчитывая встретить одинокого прохожего и ограбить его. Около сквера они увидели человека, шедшего со стороны базара.

Фомичев дважды ударил неизвестного кулаком по голове. Затем Фомичев и Майзаков свалили его, сорвали часы и, вывернув карманы, вытащили 100 руб. Оказывая сопротивление, Федоров пытался вырвать нож, которым замахнулся на него Фомичев. Но убийце помог Майзаков. Он схватил Федорова за руку, чем воспользовался Фомичев, нанесший своей жертве удар ножом в грудь.

Деньги были разделены между преступниками, а ча-
сы взял себе Фомичев, на следующий день продавший их
на базаре за 250 руб. неизвестному гражданину.

Решив проверить эти показания, я провел между Фо-
мичевым и Майзаковым очную ставку, на которой Фоми-
чев подтвердил свои показания, а Майзаков категориче-
ски отрицал свою вину.

Выяснив у Фомичева, что Майзаков в момент совер-
шения убийства был в серых брюках в полоску и в серой
рубашке, я произвел обыск у него на квартире. При обыс-
ке я обнаружил и изъял восемь лоскутов от распоротых
серых брюк в полоску, серые брюки, на которых имелись
заплаты из материала, однородного лоскутам в полоску,
и серую хлопчатобумажную рубашку. На всех этих ве-
щах я обнаружил темнобурье пятна, напоминающие по
своему виду кровь.

Майзаков признал, что эти вещи принадлежат
ему. Однако происхождение пятен на них он объяснить
не смог.

Судебно-медицинская экспертиза установила, что на
одной из заплат брюк, а также на рубашке имеется кровь
человека. Группу крови не удалось определить из-за ма-
лого ее количества.

Как выяснилось впоследствии, Майзаков, предполагая,
что на его одежду могла остьяться кровь, решил после
первого же допроса распороть свои брюки и выстирать
рубашку, пытаясь скрыть тем самым следы преступления.
Лоскуты от распоротых брюк он забросил под кровать,
где я их и обнаружил во время обыска.

Заключение судебно-медицинской экспертизы явилось
серезной уликой против Майзакова. Я использовал это
заключение при допросе Майзакова. Предложив Майзакову
прочитать его, я вслед за этим предъявил ему фотогра-
фии общего вида места убийства и обнаружения
трупа Федорова.

Запирательство Майзакова было сломлено. Распла-
кавшись, он признался, что вместе с Фомичевым убил
Федорова, и подтвердил обстоятельства совершения этого
преступления так, как об этом показывал и Фомичев.

Полагая, что Фомичев после совершения убийства
уехал из г. Ашхабада, Майзаков решил изобличить его в
хищении, рассчитывая, что этим отведет от себя всякие
подозрения в дружеских отношениях с Фомичевым.

На очной ставке с Фомичевым Майзаков подтвердил
ранее данные показания об ограблении и убийстве Фе-
дорова.

Ашхабадский областной суд, рассмотрев дело Фоми-
чева и Майзакова, признал их виновными по ч. 2 ст. 2
Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 ию-
ня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности
граждан».

П р и м е ч а н и е. Отмечая высокое качество расследования
дела по обвинению Фомичева и Майзакова, тем не менее необходимо
указать на допущенные при съемке места происшествия нару-
шения правил судебно-оперативной фотографии.

Как известно, фотографирование места происшествия по
делам об убийствах предполагает несколько последовательных
съемок: общего вида места происшествия с охватом окружаю-
щей обстановки (ориентирующая фотосъемка); места происшес-
тия со всеми находящимися там предметами и в первую оче-
редь с трупом (обзорная фотосъемка), а также и съемку самого
трупа (узловая фотосъемка).

В последнем случае рекомендуется делать два снимка — по
одному с каждой стороны трупа. При возможности рекоменду-
ется фотографировать также труп сверху.

По данному делу был сделан один обзорный фотоснимок
места происшествия (см. фото стр. 84), причем фотографирование
произведено таким образом, что по снимку трудно судить, где
произошло событие — в лесу или в сквере.

Ориентирующего и узлового снимка места происшествия
сделано не было.— Ред.

При фотографировании места происшествия с охватом окружающей
обстановки (ориентирующая фотосъемка) необходимо
сделать один обзорный фотоснимок, включая в кадр все
обстоятельства места происшествия, чтобы можно было
все предметы и обстоятельства, имеющие значение для
разрешения дела, видеть на снимке. Для этого необходимо
сделать съемку с разных точек, с разных сторон, с разных
высот. Для этого необходимо использовать различные
способы съемки, различные виды камеры, различные
объективы, различные виды света, различные
способы обработки снимка. Для этого необходимо
иметь хорошие знания в области фотографии, знать
правила фотографии, знать технику съемки, знать
способы обработки снимка, знать способы
изображения на снимке различных предметов и
обстоятельств места происшествия.

Народный следователь прокуратуры
г. Оха Сахалинской области
юрист 3-го класса
A. A. Салов

ОПЕРАТИВНОСТЬ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОМОГЛА БЫСТРО ОБНАРУЖИТЬ ПРЕСТУПНИКА

Быстрота действий следователя в сочетании с правильным планированием следствия является залогом успешного раскрытия преступлений.

Особое значение приобретает оперативность при расследовании дела, возникающего по сообщению о только что совершенном преступлении, когда преступник неизвестен. В этих случаях следователю необходимо сразу же направить свою работу на выявление лица, совершившего преступление.

Опытом расследования по одному такому делу я и хочу поделиться с читателями «Следственной практики».

Однажды зимой я находился в командировке в поселке Эхаби. Примерно в 9 ч. 30 м. вечера, когда я был в кабинете участкового уполномоченного милиции, председатель поселкового Совета по телефону сообщил, что в поселковой больнице несколько минут назад доставлена с пробитой головой в бессознательном состоянии 18-летняя жительница поселка Эхаби Валентина Цветкова.

Председатель поселкового Совета узнал об этом происшествии от дежурной телефонистки.

Я сразу же приступил к расследованию. Прежде всего надо было установить, при каких обстоятельствах и где обнаружена Цветкова, а также кем она доставлена в больницу.

Дежурная телефонистка ничего существенного сообщить мне не могла, так как сама о происшествии узнала от командира взвода охраны Иванова, просившего ее

90

срочно разыскать председателя поселкового Совета и сообщить ему о случившемся.

Связаться по телефону с Ивановым мне не удалось, ибо он находился на территории нефтепромысла. Я немедленно пошел в больницу и от дежурного врача узнал, что Цветкова вскоре после того, как ее привезли в больницу, приходила в себя и успела рассказать, при каких обстоятельствах она пострадала. Часов около девяти вечера при возвращении из клуба, когда она проходила по территории промысла, недалеко от помещения пожарной команды на нее напал неизвестный пьяный мужчина и шахтерским фонarem ударил ее несколько раз по голове, вследствие чего она потеряла сознание. Цветкова сообщила врачу, что нападавший был одет в серое полупальто с меховым воротником, шапку-ушанку и черные валенки.

Рассказав все это, Цветкова вновь потеряла сознание. В момент моего посещения больницы она находилась в очень тяжелом состоянии. Это обстоятельство лишило меня возможности лично поговорить с Цветковой.

Из истории болезни потерпевшей было видно, что ранение ей нанесено тупым тяжелым предметом.

Вернувшись в милицию, я дал задание дежурному обойти промысел и проверить, все ли рабочие находятся на своих местах, нет ли среди них посторонних лиц. Сам же я занялся составлением плана следственных действий.

В первую очередь я сгруппировал те данные, которые мне были известны. Данных было пока немного.

1. Нападение на Цветкову произошло около девяти часов вечера, то есть когда уже было темно.

2. Произведено нападение на территории промысла недалеко от здания пожарной команды.

3. Напавший на Цветкову мужчина был в нетрезвом состоянии.

4. По словам Цветковой, он был одет в серое полупальто с меховым воротником, шапку-ушанку и черные валенки.

Моя работа по составлению плана была прервана телефонным звонком.

Дежурный по промыслу доложил мне, что на участке, расположенному около здания пожарной команды, все рабочие находятся на своих местах, посторонних лиц на участке нет. Он сказал также, что в помещении

91

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

«исследовательской»¹, находящейся в 200 метрах от здания пожарной команды, кто-то сломал дверь и похитил один шахтерский фонарь. В «исследовательской» находится, помимо оператора Лактионовой и ее помощника Хабибулина, работник транспортной конторы Верепов, — последний в нетрезвом состоянии.

Меня насторожило то, что Верепов ночью находился в «исследовательской», где ему делать было абсолютно нечего.

С учетом всех этих данных мною были запланированы следственные действия, имевшие целью проверить следующие версии:

1. Нападение на Цветкову совершено кем-либо из дежуривших в то время на промысле рабочих.

2. Нападение совершено Вереповым.

3. Нападение совершено каким-либо случайнм прохожим.

Помимо этого, мне надлежало выяснить мотивы нападения. Поскольку из вещей у Цветковой ничего взято не было, нападение с целью ограбления исключалось.

Возможными мотивами нападения могли быть:

1. Ревность или месть.

2. Хулиганские побуждения.

Для проверки первой версии надлежало выяснить образ жизни Цветковой, людей, с которыми она дружила, с кем состояла в близких отношениях. С этой целью мною было намечено допросить соседей и мать потерпевшей. Предположение о том, что нападение на Цветкову совершено из хулиганских побуждений, возникло в связи с тем, что нападавший был в состоянии опьянения.

Осмотр места происшествия пришлось отложить до наступления рассвета. Рано утром совместно с участковым уполномоченным милиции я вышел на место совершения преступления. При осмотре дороги, по которой шла Цветкова, ничего обнаружено не было.

Путем допроса командира взвода пожарной команды Иванова удалось установить обстоятельства, при которых была обнаружена раненая Цветкова.

Накануне, в 9 час. 30 мин. вечера, Иванов, находясь

¹ «Исследовательской» на промысле называют помещение, где находится оператор и его помощник — рабочие, в обязанности которых входит наблюдение за правильной работой нефтяных скважин и замерка поступления нефти в резервуары.

в дежурной комнате, услышал крик человека, а через несколько минут под окнами появилась женщина, просившая выйти к ней. Когда Иванов вышел, женщина лежала на земле без сознания. Это и была Цветкова.

Из допроса свидетелей, я узнал что Верепов, который находился ночью в «исследовательской», был в сейном полупальто, шапке-ушанке и черных валенках.

Таким образом, описание одежды Верепова совпадало с рассказом Цветковой об одежде человека, напавшего на нее. Это еще более укрепило мои подозрения в том, что нападение совершено Вереповым.

В целях проверки этой версии я произвел на квартире Верепова тщательный обыск, но фонаря обнаружить не удалось. После обыска Верепов был мною задержан. Затем я занялся допросом свидетелей, проверяя все возникшие у меня версии.

Мать потерпевшей показала, что дочь ее накануне в 7 часов вечера направилась в клуб. С нею никого из знакомых не было. А уже в 10 часов вечера из больницы сообщили, что Валентина находится там. От некоего Вавилова мать слышала, что дочь ее ударили шахтерским фонарем Верепов.

Из допроса других свидетелей выяснилось, что Цветкова была скромной девушкой. Среди ее знакомых не было человека, который бы имел основания мстить или ревновать.

Свидетели Лактионова и Хабибулина показали, что накануне, примерно в 8 часов вечера, в «исследовательскую» в состоянии сильного опьянения пришел Верепов, ранее сожительствовавший с Лактионовой. Он стал уговаривать Лактионову вернуться к нему, но она наотрез отказалась. Примерно в 9 час. 30 мин. вечера они втроем вышли из «исследовательской». Лактионова и Хабибулина отправились в обход участка, а Верепов пошел в противоположную сторону. Примерно в 400 метрах от «исследовательской» Лактионова увидела Цветкову, которая шла по дороге, ведущей на 23-й участок, то есть в ту же сторону, куда ушел Верепов. Минут через 40—45 Лактионова и Хабибулина вернулись в «исследовательскую». Входная дверь ее была сломана, а из помещения исчез шахтерский фонарь. Вслед за Лактионовой и Хабибулиным в «исследовательскую» зашел Верепов. Он объяснил, что был на 23-м участке и решил вернуться назад.

Лактионова и Хабибулина показали, что на Вертелове были серое полупальто, шапка-ушанка и черные валенки.

Располагая перечисленными данными, я приступил к допросу Вертелова. Вначале он отрицал нападение на Цветкову и заявлял, что фонаря он не брал. Выйдя из «исследовательской» вместе с Лактионовой и Хабибулиным, он, Вертелов, будто бы пошел на 23-й участок к своему товарищу, но не застал его дома, а поэтому на обратном пути вновь зашел к Лактионовой.

Однако в процессе дальнейшего допроса, когда я предложил Вертелову назвать фамилию его товарища, проживающего на 23-м участке, и людей, у которых он спрашивал об этом товарище, он запутался и рассказал, что на самом деле произошло.

В тот вечер он, выпив с товарищем 300 г спирта, пошел в «исследовательскую», где дежурила его бывшая сожительница Лактионова. Он стал ее уговаривать возобновить с ним прежние отношения, однако Лактионова отказалась. Это обозлило Вертелова, и он решил ей отомстить. Вместе с Лактионовой и Хабибулиным он вышел из «исследовательской» и пошел в противоположную сторону. Затем он вернулся, сорвал с петель дверь и, взяв шахтерский фонарь, вышел на дорогу, ожидая Лактионову с целью расправиться с ней. Встретив идущую по дороге Цветкову и в темноте приняв ее за Лактионову, Вертелов пропустил ее мимо себя, а затем сзади нанес ей шахтерским фонарем несколько ударов по голове. Цветкова упала, а Вертелов,бросив фонарь в снег, ушел. Через некоторое время Вертелов вновь зашел в «исследовательскую» и, увидев там живую и невредимую Лактионову, понял, что по ошибке ударил какую-то другую женщину.

Все основные следственные действия по собиранию доказательств и обнаружению преступника по этому делу были проведены мною за один день. Окончание расследования дела задержалось еще на несколько дней, так как необходимо было получить заключение судебно-медицинской экспертизы о тяжести телесных повреждений, причиненных Цветковой.

Получив заключение этой экспертизы, я привлек Вертелова к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 142 УК РСФСР. Народный суд признал его виновным в предъявленном обвинении.

Прокурор г. Львова
Советник юстиции
Б. Т. Антоненко

ЗАДЕРЖАНИЕ БАНДИТОВ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРАВИЛЬНО ОРГАНИЗОВАННОГО РОЗЫСКА

При расследовании разбойных и бандитских нападений важное значение имеет правильная организация оперативно-розыскных мероприятий и их умелое сочетание со следственными действиями.

В качестве примера можно привести уголовное дело Веселова, Тимошука и Хомика, совершивших ряд бандитских нападений в г. Львове и обвинявшихся по ст. 56¹⁷ УК УССР¹, ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и ч. 2 ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Фабула этого дела такова. Вечером 8 августа 1953 г. в помещение буфета № 26 Львовского треста столовых, расположенного на окраине города, вошли трое молодых людей, которые сели за столик и заказали пива и вина. В помещении буфета, кроме пришедших и буфетчицы Самойловой, находились еще два посетителя — Медведев и Сумин.

Минут через двадцать двое неизвестных уплатили буфетчице за выпитые напитки и вышли из буфета, а третий остался сидеть за столиком. Несколько минут спустя двое ушедших снова вернулись, и один из них — высокого роста, в белой соломенной шляпе и в темных очках с белой оправой — вынул из кармана пистолет и, направив его на присутствующих,

¹ Соответствуют ст. 59³ УК РСФСР.

РЕПОЗИТОРИЙ ГУР

скомандовал: «Спокойно! Не двигаться, буфетчица — выручку!»

Третий неизвестный, сидевший за столиком, быстро поднялся, зашел за прилавок, забрал из кассового ящика деньги, а с витрины взял две бутылки шампанского, которые положил в карманы брюк. После этого один из преступников сказал, обращаясь к Медведеву и Сумину: «Будьте свидетелями, что выручку у буфетчицы забрали мы и она не виновата». Затем преступники скрылись.

О случившемся немедленно было сообщено в милицию. Однако при осмотре места происшествия никаких следов и вещественных доказательств обнаружить не удалось. Розыскные мероприятия, проведенные работниками милиции в течение ночи и следующего дня, также не дали результатов. Снятием остатков в буфете была выявлена недостача на сумму 2527 руб.

9 августа на противоположной окраине города было совершено нападение на магазин № 8 пицеторга Красноармейского района г. Львова. Произошло это при следующих обстоятельствах. В 10 часов вечера в магазин вошли трое молодых людей. Один из них встал в дверях и, вынув пистолет, предложил продавцу Конарской и заведующему магазином Петракову выдать денежную выручку. Один из преступников зашел за прилавок и забрал находящиеся в кассе деньги. Кроме этого, вынув из витрины на прилавке несколько бутылок с пивом и водкой, он достал стоявшие за этими бутылками 14 «четвертинок» с коньяком и ликером. Разложив «четвертинки» по карманам, преступники скрылись.

О случившемся заведующий Петраков немедленно сообщил в милицию.

Прибыв на место происшествия и приступив к его осмотру, следственные работники обнаружили в магазине на семи бутылках с пивом и водкой, вынутых одним из преступников из витрины, несколько маловидимых, слабо выраженных отпечатков пальцев рук. Бутылки со следами пальцев были изъяты.

Очевидцы нападения, допрошенные о приметах нападавших, показали, в частности, что один из преступников был низкого роста, в белой соломенной шляпе и в темных очках с белой оправой. Полученные данные дали основание предположить, что оба нападения совершены одними и теми же лицами. Не-

ясным оставалось только одно обстоятельство: очевидцы нападения на буфет № 26 утверждали, что преступник в белой соломенной шляпе был высокого роста, а очевидцы нападения на магазин № 8 в один голос заявили, что белая соломенная шляпа и темные очки были у преступника низкого роста.

В тот же вечер, около полуночи, на улице имени Калинина трое неизвестных, вооруженных пистолетом, напали на идущую домой гр-ку Юрчик и стали вырывать у нее из рук сумку, в которой находились 1300 руб. денег, и продукты питания, в том числе 150 г карамели розового цвета. Так как гр-ка Юрчик оказывала сопротивление и не отдавала сумку, то один из нападавших ударил ее рукояткой пистолета по руке. Забрав сумку, преступники скрылись.

При осмотре места нападения была найдена обойма № ПГ-4754 от пистолета «ТТ». В обойме находился один патрон. Эта обойма, видимо, выпала из пистолета в момент, когда один из нападавших ударил гр-ку Юрчик рукояткой пистолета по руке.

Стало очевидным, что в городе действует вооруженная группа преступников.

Прежде всего были подробнейшим образом допрошены все потерпевшие и свидетели-очевидцы. В результате этих допросов удалось выяснить приметы нападавших и особенности их одежды, а также перечень предметов, похищенных при нападениях.

Так как нападавшие, судя по показаниям свидетелей, были молодыми людьми, действовали весьма дерзко и, совершив за короткое время три нападения, получили в свое распоряжение крупную сумму денег, имелись все основания предполагать, что преступники будут посещать рестораны, кафе, кинотеатры, танцевальные площадки в парках. Поэтому были созданы пять поисковых групп. В эти группы наряду с работниками милиции, одетыми в штатское, были включены очевидцы нападения, хорошо запомнившие внешность преступников.

Поисковые группы с утра 10 августа направились в места возможного появления преступников. Они обошли парки, водные бассейны, вокзалы, рестораны, автобусные станции, закусочные, пивные, кинотеатры и т. д. Руководители групп докладывали по телефону о ходе поисков;

В 8 часов вечера поисковая группа, в состав которой входила буфетчица Самойлова, обнаружила и задержала в кафе «Украина» двух молодых людей, оказавшихся Веселовым и Тимошуком — рабочими завода «Львовсельмаш». При личном обыске у Тимошука изъяли деньги в сумме 1302 руб. На Веселове была белая соломенная шляпа, похожая на ту, в которой был один из бандитов в момент нападения.

Немедленно вслед за задержанием были произведены обыски по месту жительства Веселова и Тимошука. При обыске в комнате общежития, где проживал Тимошук с семьей и другие рабочие, в его тумбочке обнаружили темные очки в белой оправе, шесть «четвертинок» ликера и коньяка и 150 г карамели розового цвета.

На допросах Веселов и Тимошук отрицали свою причастность к нападению на буфет, магазин и гр-ку Юрчик и давали неправдоподобные показания о приобретении обнаруженных у них денег, коньяка, ликера и конфет. Даже после того как ряд свидетелей-очевидцев опознали Веселова и Тимошука и изобличили их на очных ставках, они продолжали отрицать свою вину.

Принятыми мерами розыска пистолет, которым были вооружены нападавшие, обнаружить не удалось.

По делу была назначена дактилоскопическая экспертиза, на которую направили изъятые из магазина № 8 бутылки со следами пальцев рук и дактилоскопические карты Веселова, Тимошука и работников магазина Конарской и Петракова. Дактилоскопическая экспертиза дала заключение, что следы пальцев, обнаруженные на одной из бутылок с этикеткой «Львовское пиво», оставлены безымянным пальцем и мизинцем правой руки Тимошука (фото на сл. стр.). Однако и после ознакомления с заключением экспертизы Тимошук продолжал отрицать свою причастность к нападению на магазин № 8.

Перед органами расследования всталая задача установить третьего участника банды. С целью выяснения связей задержанных были допрошены их соседи по месту жительства и лица, работающие вместе с ними на заводе. В результате выяснилось, что ближайшим приятелем Веселова и Тимошука является некий Хомик, проживающий с Тимошуком в одной комнате общежития и также работающий на заводе «Львовсельмаш».

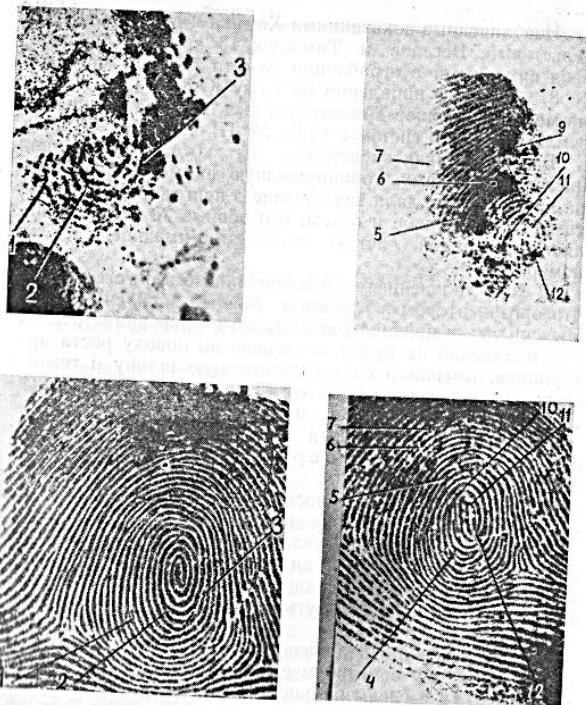


Фото 1. Пальцевые отпечатки, обнаруженные на бутылке (два верхних снимка), отпечаток безымянного пальца (слева внизу) и отпечаток мизинца Тимошука (справа внизу).

13 августа Хомика задержали. Вначале он отрицал участие в бандитских налетах, но после того, как его опознали буфетчица Самойлова и другие свидетели-очевидцы, Хомик изменил свои первоначальные показания и рассказал о преступлениях, совершенных им совместно с Веселовым и Тимошуком.

Изобличенные показаниями Хомика и другими доказательствами, Веселов и Тимошук 13 августа признали себя виновными в ограблении буфета № 26 и магазина № 8, а также в нападении на гр-ку Юрчик. При выходе на место, указанное Тимошуком, был изъят закопанный в землю пистолет системы «ТТ» № ПГ-4754 без обоймы.

Баллистическая экспертиза, на которую направили пистолет и обойму, обнаруженную на месте нападения на гр-ку Юрчик, дала заключение о пригодности пистолета «ТТ» к стрельбе и о том, что обойма № ПГ-4754 является составной частью пистолета, имеющего тот же номер.

В ходе дальнейшего расследования было установлено, что организатором и главарем банды являлся Веселов. Выяснилась и причина разногласий в показаниях очевидцев нападений на буфет и магазин по поводу роста преступника, имевшего белую соломенную шляпу и темные очки. Оказалось, что Веселов, Тимощук и Хомик в целях затруднения их опознания после каждого нападения обменивались головными уборами и передавали друг другу темные очки.

Таким образом, виновность Веселова, Тимошука и Хомика была полностью доказана:

- а) показаниями свидетелей;
 б) опознанием шести свидетелей-очевидцев;
 в) вещественными доказательствами, изъятыми при обысках (шляпа, очки, бутылки с коньяком и ликером, деньги, конфеты);
 г) вещественными доказательствами и следами, обнаруженными при осмотре мест нападений (обойма от пистолета «ТТ» и следы пальцев на бутылке);
 д) пистолетом «ТТ», добровольно выданным Тимофеем ком;
 е) заключениями дактилоскопической и баллистической экспертиз;
 ж) признанием самих обвиняемых.

ж) признанием самих обвиняемых.
Так, благодаря правильной организации оперативно-розыскной и следственной работы и деловому контакту с органами милиции удалось в короткий срок выявить и изобличить группу опасных преступников.

*Старший следователь прокуратуры
Иркутской области
юрист 1-го класса
Ф. Е. Белоусов*

**ИНИЦИАТИВА СЛЕДОВАТЕЛЯ
И БЫСТРОТА ДЕЙСТВИЙ СПОСОБСТВОВАЛИ
РАСКРЫТИЮ КРУПНОГО ХИЩЕНИЯ ХЛЕБА**

Инициатива следователя, его стремление во что бы то ни стало, преодолевая все трудности, раскрывать все без исключения преступления — решающее условие повышения уровня следствия.

Следователь не может, разумеется, ограничивать свою работу только оформлением поступивших к нему материалов. В необходимых случаях он должен расширять рамки следствия и обязательно выявлять всех без исключения участников преступления.

Когда я работал народным следователем прокуратуры Качугского района Иркутской области, мне пришлось расследовать хищение ржи на мелькомбинате № 6. Дело это возникло по сигналу, поступившему в районную прокуратуру. Внимательно отнесшись к этому сигналу, прокурор района юрист 1-го класса С. Ф. Рылов (ныне прокурор г. Тулун) умело собрал первичные материалы, из которых вытекало, что колхозник Хамза Манышев доставил в колхоз 3 тонны ржи, купленной, по его объяснению, на колхозные средства в г. Иркутске у частных лиц. Манышев утверждал, что эту рожь продал ему неизвестный щофер по имени «Борис», которого Манышев случайно встретил на Колхозной улице г. Иркутска, недалеко от рынка. Узнав от Манышева, что он интересуется покупкой ржи, «Борис» заявил ему, что «этую коммерцию мы тебе сегодня же устроим».

В конце дня в условленное Манышевым место на Якутской улице «Борис» доставил на автомашине 3 тонны

ржи. Здесь рожь была перегружена на другую автомашину, с шофером которой договорился «Борис». Шофер второй машины «Борис» называл «Андреем». Этот «Андрей» за условленную сумму вывез рожь за пределы г. Иркутска, где она на попутной машине была Манышевым доставлена к себе в село. По словам Манышева, расчет за рожь производился вечером того же дня в квартре «Бориса», где-то на улице Дзержинского.

Было совершенно ясно, что рожь похищена.

В связи с этим возникло три версии:

1. Рожь похищена шоферами «Борисом» и «Андреем» и продана Манышеву.

2. Рожь похищена самим Манышевым с участием неизвестных лиц.

3. Рожь похищена еще кем-то и продана Манышеву.

Во всех трех версиях требовалось выяснить, откуда могла быть похищена рожь.

Проверку этих версий я начал с подробного, по заранее составленному плану, допроса Манышева. Он отлично понимал, что купленная им рожь похищена. На допросе Манышев вел себя как человек, случайно вовлеченный в преступление и желающий загладить свою вину искренними показаниями и готовностью помочь разыскать преступников.

Манышев показал, что фамилий «Бориса» и «Андрея» он не знает и не слыхал, номеров автомашин не заметил, где живет «Андрей», также не знает, а на номер дома по улице Дзержинского, где живет «Борис», он не обратил внимание. Манышев сообщил, что квартира «Бориса» находится на втором этаже, и описал некоторые подробности, касавшиеся квартиры, в частности, указал место расположения стола, тумбочки, кровати и коридорной лампочки.

Далее он объяснил, что при расчете за рожь присутствовала какая-то женщина, которая там же выписывала «Андрею» путевку для выезда из города с рожью через контрольный пункт на Якутский тракт. Когда у Манышева при расчете нехватило денег, он взамен их отдал «Борису» свои карманные часы.

В кабине машины «Бориса» находился одетый в авиационную форму человек, который затем вылез из кабины и ушел неизвестно куда.

Одновременно с этим я выяснил, где и у кого останавливался Манышев, будучи в г. Иркутске.

Таким образом, в деле появилось два новых, также неизвестных участника — женщина, оформившая путевку на машину, и человек в авиационной форме.

Однако ничего больше сказать об этих лицах Манышев не мог или не хотел.

Необходимо было срочно выехать в г. Иркутск и там попытаться найти лиц, указанных Манышевым, либо опровергнуть его утверждения.

Приехав в г. Иркутск, я прежде всего сделал запросы во все районные отделы милиции о том, не поступали ли в милицию сигналы о хищении 3 тонн ржи.

Затем я допросил хозяйку квартиры, у которой останавливался Манышев. По вопросу покупки и продажи ржи она ничего сказать не могла, но по отдельным вопросам, в частности, во что был одет Манышев, что имел при себе, когда он уходил и приходил, ее показания подтверждали в этой части правдоподобность показаний, данных Манышевым. Затем я вызвал Манышева в г. Иркутск.

Манышев показал, где именно на Колхозной улице он встретил «Бориса». Место это расположено почти рядом с центральным базаром, и поэтому казалось вполне вероятным, что преступники искали здесь лиц, которым они могли бы сбыть рожь.

Найти улицу Дзержинского Манышев не смог, а когда я привел его на эту улицу, он не смог указать того дома, в котором происходили расчеты за рожь, но вместе с тем продолжал настаивать на своих объяснениях относительно покупки ржи.

Я уже начал было раскаиваться в том, что вызвал Манышева в г. Иркутск, ибо если он хорошо знал преступников, то ему ничего не стоило найти их, сговориться с ними, и тогда вся работа по расследованию дела могла оказаться напрасной. Чтобы предотвратить такую возможность, я принял самые срочные меры к проверке показаний Манышева и установлению лиц, работающих шоферами и проживающих по улице Дзержинского.

Домашние адреса этих шоферов я рассчитывал получить в автоинспекции. Мой расчет, однако, не подтвердился: там нужных мне адресов не оказалось. Тогда я решил привлечь на помощь работников милиции, совместно с которыми произвел проверку в домах, расположенных

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

на улице Дзержинского, выясняя в домоуправлениях по домовым книгам, кто из жильцов по имени «Борис» работает шофером. Пока я производил эту проверку, Манышев находился в прокуратуре области, куда он был специально мною приглашен.

Среди ряда шоферов, проживающих по улице Дзержинского, я обнаружил одного по имени Борис. Это был некий Ласточкин, квартира которого находилась на втором этаже дома № 37. Ласточкин работал в качестве шофера в транспортной конторе «Золотопродснаб». Со слов управдомов, я набросал схему расположения квартиры Ласточкина. Эта схема в общем совпадала с показаниями Манышева.

Допрос Ласточкина я построил таким образом, что он терялся в догадках о цели вызова в прокуратуру и заметно волновался. Рассказав подробно о том, где он работает и с кем, кто его знакомые и кого он хорошо знает из работников транспортной конторы и других организаций, Ласточкин в числе знакомых по транспортной конторе назвал шофера гаража Андрея Михалева.

Естественно, что этот человек, носивший имя «Андрея», привлек мое внимание, ибо не исключалось, что это как раз тот самый «Андрей», который интересовал меня не менее чем сам «Борис».

— Зачем же вы все-таки пригласили меня к себе и что конкретно хотите от меня узнать? — с некоторым раздражением спросил Ласточкин.

— Не торопитесь, Борис Александрович, нам еще есть о чём поговорить, и вы без сомнения все узнаете, — ответил я Ласточкину.

Вторая часть допроса была посвящена выяснению состава семьи Ласточкина и его близких родственников. На мои вопросы Ласточкин ответил, что у него есть жена по фамилии Шишкова, которая работает дежурным диспетчером автоконного парка «Золотопродснаб». Указал Ласточкин также фамилии и адреса родственников своих и жены. Все это впоследствии помогло мне правильно ориентироваться в деле.

Закончив эту часть допроса, я перешел к выяснению основного вопроса.

— Вот теперь вы, так же как рассказывали предыдущее, расскажите, какую и кому вы продавали рожь?

— Я не понимаю вас, гражданин следователь. О какой рожи вы ведете речь? — заерзая на стуле, смущенно спросил Ласточкин.

— О той, которую вы продавали гражданам.

— Я никому не продавал рожь, я шофер, где же я могу взять рожь, — заявил Ласточкин.

Он стал утверждать, что Манышева не знает и никогда ему никакой рожи не продавал.

Будучи в числе других лиц предъявлен Манышеву, Ласточкин был опознан Манышевым за того человека, который продавал ему рожь.

На очной ставке с Манышевым Ласточкин категорически все отрицал.

Манышев вел себя на очной ставке так же, как и на предыдущих допросах, и полностью подтверждал свои показания, изобличая Ласточкина в том, что он продал ему рожь.

Убедившись, что от Ласточкина ждать признания в хищении рожи бесполезно, я перешел к выполнению очередных следственных действий.

Нужно было найти и срочно допросить Андрея Михалева, названного Ласточкиным, выяснить, — не тот ли это «Андрей», о котором говорил Манышев. Поэтому мне немедленно пришло выехать за Михалевым на место его работы.

Когда я приехал в гараж транспортной конторы, то оказалось, что Михалев только что выехал по Якутскому тракту на Качуг и вернется не ранее чем через два дня. Дело не требовало отлагательств, и я решил догнать Михалева. Это я сделал на машине, затратив на поездку всего лишь полтора часа.

Предъявленный в числе других лиц Манышеву Михалев также был им опознан.

Первоначально Михалев категорически все отрицал, но потом в процессе допроса признал, что 16 мая его случайно встретил Ласточкин и попросил отвезти за город рожь. Согласно этой договоренности Михалев прибыл в указанное место по Якутской улице, где рожь была перегружена в его машину. Для переезда через контрольный пункт Ласточкин вручил ему путевку, которую по возвращении в город Михалев уничтожил.

На вопрос, видел ли он в момент перегрузки человека в авиационной форме, Михалев ответил утвердительно.

Тут же Михалев пояснил, что этого же гражданина, но без формы, а в гражданской одежде и авиационном шлеме он видел на территории мелькомбината № 6 в момент доставки Михалевым ржи на этот комбинат.

Чтобы проверить показания Михалева и уличить Ласточкина, я провел между ними очную ставку и в присутствии Михалева спросил Ласточкина, подтверждает ли он показания Михалева. На очной ставке Ласточкин все категорически отрицал.

Услыхав показания Ласточкина, Михалев также отказался от ранее данных показаний, заявив, что он дал их в результате якобы применения к нему неправильных методов допроса.

Мне стало ясно, что с очной ставкой я поторопился, так как для изобличения Ласточкина объективных доказательств было еще мало. В тот же день я произвел обыски в квартирах Ласточкина и Михалева, причем в квартире Ласточкина обнаружил чистые бланки путевых листов. Обыск же в квартире Михалева ничего не дал.

Необходимо было заняться розыском человека в летней форме. На другой день на территории мелькомбината № 6 я нашел гражданина в авиационном шлеме и пригласил его с собой в прокуратуру. Были все основания полагать, что это и есть человек, которого я ищу. И я не ошибся. Манышев опознал его, он оказался Никольским, заведующим складом мелькомбината № 6.

Допрос Никольского я начал так же, как и допрос Ласточкина, с подробного выяснения условий его работы. Никольский сначала утверждал, что Ласточкина и Михалева он не знает, но уличенный Манышевым, а затем и Михалевым, признал Ласточкина и Михалева как знакомых по работе.

Однако свое участие в хищении ржи, Никольский рассказал следующее. 16 мая он отгрузил рожь со складов государственных резервов. Ласточкин и многие другие шоферы «Золотопродснаба» доставляли эту рожь на машинах в склад мелькомбината. С последним рейсом Ласточкина Никольский доехал в его машине до Якутской улицы, где их остановил шофер Михалев. Он, Никольский, выйдя из кабины, ушел на комбинат пешком. Машина же с рожью прибыла на склад мелькомбината, где рожь была принята и оприходована им, Никольским.

Требовалось немедленно проверить показания Николь-

ского. Для этого из конторы «Золотопродснаба» я изъял путевой лист, оформленный 16 мая на имя Ласточкина. В путевом листе имелась отметка о том, что Ласточкиным в этот день со складов госрезервов в склады мелькомбината доставлено две машины ржи.

Я стал тщательно проверять документы на складе мелькомбината. Осмотрев книги учета по подотчету Никольского, я обнаружил, что обе машины ржи оприходованы складом.

Как же открыть источник хищения ржи? Ведь для того, чтобы установить истину и изобличить в хищении Никольского, Ласточкина и Михалева, надо доказать, что они взяли рожь на мелькомбинате № 6 или из складов госрезервов.

В складах госрезервов я изъял пропуска за 16 мая, выданные для проезда машины, водителем которой работал Ласточкин. В них значилось время отбытия. Одновременно я изъял пропуска за это же число и на эту же машину в мелькомбинате, полагая, что если Ласточкин не завез вторую машину в мелькомбинат, то на нее не должен быть выписан для въезда в мелькомбинат пропуск.

Исследуя этот вопрос, я установил, что за 16 мая на имя Ласточкина выписан всего один пропуск для въезда на территорию мелькомбината. Из этого вытекало, что данный пропуск выписан на первую машину, а на вторую машину пропуск на въезд и выезд не выписывался. Стало ясно, что вторая машина с рожью, хотя и оприходована Никольским, но в склад мелькомбината не поступала.

Допрашивая по этому вопросу работников мелькомбината, я выяснил, что в мелькомбинате есть диспетчер, который регистрирует в журнале прибытие и убытие машин. Проверив этот журнал, я установил, что второй рейс Ласточкина записан между строк записей диспетчера, причем другими чернилами и другим почерком. Работники диспетческой показали, что это, по их мнению, почерк Никольского.

Никольский, Михалев и Ласточкин были арестованы.

Так как, по показаниям Манышева, путевку на машину в квартире «Бориса» оформляла какая-то женщина, я предположил, что это могла быть жена Ласточкина — Шишкина. Следовало немедленно вызвать ее, предъявить для опознания Манышеву и допросить относительно обнаружения в ее квартире чистых бланков путевых

листов, а также по поводу оформления путевки на вывоз ржи, купленной Манышевым.

Предъявленную среди других женщин Шишкуну Манышев опознал за ту женщину, которая находилась в квартире Ласточкина в момент расчетов за проданную рожь и которая оформила путевку на машину.

Жена Ласточкина — Шишкина призналась в совершенном преступлении и рассказала, что машину ржи Ласточкин похитил совместно с Никольским. Для того чтобы обеспечить перевозку похищенного, она, Шишкина, взяла из диспетчерской «Золотопродснаба» чистые бланки путевых листов. Один бланк был использован для перевозки похищенной ржи. Шишкуну после допроса я арестовал. В квартире ее родителей мне удалось при обыске найти карманные часы, опознанные Манышевым за те, которые принадлежали ему и были им переданы Ласточкину в качестве доплаты за рожь.

Как и следовало ожидать, на очной ставке Ласточкин и Михалев продолжали отказываться от ранее данных ими показаний.

Очная ставка Ласточкина с женой опровергла все его расчеты. Уличенный женой, найденными часами и другими доказательствами, Ласточкин дал подробные показания о хищении ржи.

Основную роль в хищении ржи, как показало следствие, играл Никольский. Получая зерно на складе госрезервов, он приходил его по складу мелькомбината, и, таким образом, документально-книжного расхождения между полученным и оприходованным зерном не создавалось. Никольский не опасался недостачи, учитывая, что на складах мелькомбината имеется огромное количество зерна, перевешивать которое практически не было возможности. Вступив вговор с шоферами, перевозившими зерно, Никольский похитил сразу машину ржи.

После того как Ласточкин все подробно рассказал и подтвердил свои показания на последующих очных ставках с Никольским и Михалевым, оба они также признали себя полностью виновными.

Все обвиняемые были осуждены судом по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Народный следователь прокуратуры

Сталинского района, г. Запорожье

юрист 3-го класса

Е. Я. Корабельник

ВИНОВНИКИ ИЗНАСИЛОВАНИЯ ИЗОБЛИЧЕНЫ БЛАГОДАРЯ БЫСТРОМУ И ПРАВИЛЬНОМУ ПРОВЕДЕНИЮ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

8 июля 1953 г. в 1-е отделение милиции г. Запорожье во второй половине дня обратилась студентка Роза Л. с заявлением о том, что несколько часов назад на пляже Днепра ее изнасиловали двое неизвестных. Милиция, однако, уголовного дела не возбудила и никаких мер к установлению и розыску преступников не приняла, ограничившись направлением потерпевшей к судебно-медицинскому эксперту на освидетельствование.

В связи с этим 11 июля 1953 г., утром, Роза Л. явилась со своей 14-летней сестрой Надей в прокуратуру Сталинского района г. Запорожье на прием к районному прокурору. Она сделала заявление о ее изнасиловании и жаловалась на бездействие милиции, работник которой, по ее словам, сказал, что установить виновников насилия невозможно, так как «на пляже все имеют одинаковый вид, все без одежды, все загорелые».

Возбудив уголовное дело, прокурор поручил его расследование мне.

Сначала мною была допрошена потерпевшая. Она показала, что 8 июля 1953 г. с утра вместе со своей сестрой Надей находилась на городском пляже. Надя купалась, а она лежала на песке и читала книгу. К ней подошли трое молодых людей и стали знакомиться. Один из них назвал себя Сашей, второй представился лейтенантом Костей, а третий, самый младший из них, на вид 16–17 лет,— Владимиром Свищуновым.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ

Сказав, что у них есть своя лодка, они пригласили Розу и Надю поехать купаться на противоположный берег Днепра, где очень хороший пляж с чистым песком. Девушки согласились и сели в лодку. Разговаривая, Саша и Костя называли друг друга по кличкам — «Убой» и «Разбой». С ними была небольшая собачка — «Джем-ка», белая с черными пятнами. Кому из молодых людей принадлежала собака, Роза не знала.

Выехав на середину Днепра, новые знакомые не повезли их, как было условлено, к противоположному берегу, а направили лодку в сторону острова Хортица. Поняв, что их увозят в другое место, Роза и Надя стали плакать и просить отвезти их обратно на городской пляж, но Костя, сидевший на велсах, продолжал грести в том же направлении. Пытаясь успокоить девушек, Костя говорил, что им нечего бояться, так как они поедут несколько подальше, где есть красивое место, там они выкупаются и вернутся назад.

Проехав несколько километров, молодые люди привели лодку к берегу и уговарили Розу выйти из лодки. Вместе с ней из лодки выпрыгнули Костя и Саша. Надя выйти не успела, так как Саша оттолкнул лодку от берега, приказав Владимиру Свищунову отвезти ее обратно и после этого возвратиться за ними.

Оставшуюся с ними Розу, они здесь же изнасиловали. Ее попытки оказать сопротивление двум насильникам оказались безуспешными. Кричать и звать на помощь в этом пустынном месте было бесполезно, и, кроме того, преступники пригрозили ей, что если она будет кричать, то они ее привяжут к дереву. Через некоторое время Свищунов на лодке возвратился и перевез Розу Л. на противоположный берег Днепра, высадив ее в безлюдном месте, откуда она добралась до отделения милиции и сообщила о случившемся.

Об обстоятельствах знакомства и поездки на лодке Надя дала такие же показания, как и Роза.

На мой вопрос, смогут ли они опознать преступников, Роза и Надя уверенно заявили, что хорошо запомнили их внешность и приметы. У Кости спереди два верхних зуба золотые, а у Саши на верхней части предплечья небольшая татуировка с изображением не то лодки, не то кораблика. Сильно загоревшие, они, судя по всем данным, много времени проводят на пляже.

Я выяснила, что обе девушки после этого случая на пляж не ходили, так как боялись этих парней.

Проанализировав эти показания, мне стало очевидным, что и Костя и Саша — завсегдатаи пляжа. Следовательно, искать их нужно там.

День 11 июля был солнечный и безветреный. Если эти лица часто бывают на пляже, то вполне вероятно, рассуждала я, что и сегодня они там. Не исключалась возможность, что преступники могли появиться где-либо в общественных местах, парках, летних кинотеатрах. В парке имени Дробязко и саду имени Франко, обычно в субботу вечером (11 июля была суббота) и воскресенье собиралось очень много молодежи.

Учтя все это, я, не теряя времени, немедленно предприняла ряд мер для обнаружения и задержания преступников.

По моему указанию начальник 1-го отделения милиции выделил двух оперативных работников и направил их ко мне в прокуратуру. Коротко проинформировав их, я поручила одному из них сопровождать, разумеется, в штатском костюме, Розу Л. вечером 11 и 12 июля в парке имени Дробязко и задержать лиц, которых она опознает. Другому же работнику милиции было дано поручение гулять вечером с Надей в районе сада имени Франко.

Затем я дала указание Розе и Наде посещать пляж и в случае обнаружения и опознания ими преступников заявить немедленно об этом в водное отделение милиции. Здесь же, при них, я позвонила в это отделение и попросила, в случае обращения к ним какой-либо из сестер по поводу опознания ими преступников, задержать и доставить опознанных в 1-е отделение милиции.

Следовало также подумать, как девушки будут искать преступников на пляже. Каждый неосторожный шаг мог их спугнуть.

11 июля я послала на пляж одну Надю. Поступила я так потому, что из допроса девушек мне стало ясным, что Надя, хотя и младше Розы, но девушка смеленная и энергичная. Она даже больше Розы возмущалась происшедшем и лучше запомнила приметы преступников. Роза инертна, подавлена случившимся, поэтому она не смогла бы принять мер к задержанию преступников так, как это могла сделать Надя. Обеих послать на пляж я

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

считала рискованным, так как в этом случае преступники скорее могли их заметить и скрыться. Посылая одну Надю, я также учитывала, что она не являлась потерпевшей, и если бы ее даже заметили участники преступления, они не обратили бы на нее внимания.

Я посоветовала Наде пригласить с собой на пляж одну из своих подруг, не посвящая, конечно, ее в суть дела, с тем, чтобы, когда Надя пойдет звать милиционера, ее подруга осталась наблюдать за преступником.

Надя в точности выполнила мои указания. Спустя несколько часов мне сообщили из 1-го отделения милиции, что к ним доставлен из водного отделения милиции Виктор Климченко, в котором Надя опознала одного из преступников, называвшегося при знакомстве Сашей, которого его соучастники называли «Убой».

В милицию была вызвана Роза. Она также опознала в Викторе Климченко того парня, который назывался при знакомстве на пляже Сашей и который вместе с Костем изнасиловал ее.

На вопросы о том, где и с кем он был 8 июля, кто его друзья и знакомые, есть ли у него собака, какова ее кличка, Климченко ответил, что 8 июля он был на пляже один, собаки у него нет, а есть у его брата Степана. Кличка собаки — «Джемка». На пляж он ее никогда не берет, так как этого не разрешает брат. 8 июля собаки с ним тоже не было. Среди его друзей и знакомых нет военнослужащих, кто такой Костя и Свищунов, он не знает. Отрицал Климченко и факт изнасилования им Розы, заявив, что ни ее, ни Нади он никогда ранее не видел.

На проведенных мною здесь же в отделении милиции очных ставках с Надей и Розой Климченко упорно утверждал, что, очевидно, девушки его с кем-то перепутали.

Мы предложили Климченко снять рубашку. На верхней части предплечья у него имелась небольшая татуировка с изображением кораблика. Об установлении этого факта был составлен соответствующий протокол. Сомнений в том, что Виктор Климченко и Саша («Убой») — одно и то же лицо, более не оставалось.

Случай помог мне обнаружить в отделении милиции неожиданного свидетеля по этому делу. Выходя из кабинета, где проводилась очная ставка, я встретилась с

инспектором детской комнаты этого же отделения милиции — Целуйко. Она сообщила мне, что знает того парня, которого сегодня задержали на пляже. «Он называл себя Сашей», — сказала Целуйко, — и с одним лейтенантом, по имени Костя, несколько дней назад приставал ко мне вечером на улице, пытаясь познакомиться. При этом Саша называл Костя «Разбоем», а Костя в свою очередь именовал его «Убоем».

Я допросила Целуйко в качестве свидетеля, предъявив ей для опознания Климченко и провела между ними очную ставку. Климченко упорно все отрицал.

Собранных данных в отношении Климченко оказалось достаточно для того, чтобы заключить его под стражу.

Активный розыск двух других преступников продолжался. На мой запрос адресное бюро г. Запорожья сообщило, что среди проживающих в городе значится Свищунов Владимир, 1925 года рождения, работающий шофером. Позвонив в ряд транспортных организаций, я установила, что этот Свищунов работает шофером в «Союззаготтранс» и выехал 5 июля 1953 г. на хлебозаготовки в Розовский район. 8 июля он в город не возвращался.

Было совершенно очевидно, что это не тот Свищунов Владимир, которого я разыскивала.

Тогда я решила допросить родителей Виктора Климченко и его брата Степана о друзьях и знакомых Виктора, а также выяснить, есть ли у них собака «Джемка», кому конкретно она принадлежит, где она была 8 июля 1953 г. Я считала более целесообразным самой посетить их на квартире, а не вызывать на допрос в прокуратуру. Пригласив с собой управляющего домами и совместно с ним посетив квартиру Климченко, я предложила его родителям предъявить мне имеющихся у них собак. Они предъявили мне двух белых с черными пятнами собак с кличками «Джек» и «Джемка».

В числе четырех собак «Джемка» была предъявлена для опознания Розе и Наде.

Не обошлось без курьезов. При предъявлении собаки перегрызлись, лаяли, и хозяева их с трудом сдерживали.

Роза и Надя опознали в «Джемке» ту собаку, которая находилась 8 июля с преступниками на пляже и в лодке.

Допрошенные родители Виктора Климченко ничего не могли сказать о товарищах сына, заявив, что не интересовались его знакомыми. Что же касается «Джемки», то она принадлежит их сыну Степану. Брал ли Виктор «Джемку» 8 июля на пляж, они не знают, но вообще Степан запретил Виктору брать собаку на пляж.

Степана дома не оказалось. Он находился в командировке. Через несколько дней он возвратился в г. Запорожье, и я допросила его. На этот допрос я возлагала большие надежды, потому что Степан Климченко, будучи не на много старше Виктора, безусловно, должен был знать, с кем дружит его брат, кто его товарищи. Не исключалось, что он, как хозяин собаки, мог знать, где она находилась 8 июля, кто и когда ее привел с пляжа домой.

Допрос Степана Климченко я начала с предложения рассказать, чем занимается его брат Виктор, с кем дружит, как проводит время. Отвечая на эти вопросы, Степан показал, что Виктор парень общительный и у него много товарищей, но чаще всего у него бывает один лейтенант, фамилию которого он не знает, а зовут его Владимир. Недавно, 8 июля, он приезжал к Виктору на мотоцикле. Другого его товарища, Владимира Водопьянова, живет с ними по соседству, учится в Днепропетровском транспортном техникуме.

Так как я нисколько не сомневалась в том, что собаку «Джемку» в тот день брали на пляж, я прямо задала вопрос допрашиваемому: «Кто брал «Джемку» 8 июля на пляж и кто ее привел домой?»

Степан Климченко пояснил, что собаку он не разрешал Виктору брать на Днепр, но 8 июля, когда Степан пришел с работы домой, то в сарае, где он оставил свою собаку, ее не оказалось. Ребяташки, находившиеся во дворе, сказали ему, что «Джемку» забрали Виктор и лейтенант, и при этом Степан Климченко добавил: «Ведь Вовка привел собаку домой, он, наверно, вообще все знает».

На вопрос: «Кто этот Вовка и сколько ему лет?» — последовал ответ, что это пасынок соседа Вишневского, Водопьянов, лет 17—18.

В тот же день я вызвала на допрос Водопьянова. Поздравив, что Вовка Водопьянов и Владимир Свистунов — одно и то же лицо, я избрала тон допроса реши-

тельный и твердый, заявив ему, что если он не будет правдив, то изобличить его во лжи не составит никакого труда. Для этого достаточно будет пригласить Розу и Надю.

Водопьянов изложил в своих показаниях событие, имевшее место 8 июля 1953 г. на пляже Днепра так же, как его рассказывали Роза и Надя, признав, что при знакомстве с ними он назывался Свистуновым, Виктор Климченко — Сашей, его товарищ Владимир — лейтенант Костяй. Водопьянов утверждал, что с Виктором Климченко и лейтенантом Владимиром, фамилию которого он не знал, в сговор не вступал и что произошло на острове Хортица между Розой и его товарищами, не знает.

Итак, были установлены двое из трех разыскиваемых мною лиц. Осталось выяснить, кто же этот лейтенант Владимир, он же Костя, он же «Разбой», разыскать его и принять меры к задержанию.

При дополнительных допросах потерпевшей, я установила, что Роза в начале знакомства сказала «Косте» о своей учебе в институте. Костя при этом заявил, что знает одну студентку института Майю, и просил передать ей привет, напомнив ей об их пребывании в г. Харькове.

В институте я выяснила, что Майя выехала на время каникул в Камышевахский район. Она была вызвана оттуда и затем допрошена о ее знакомых. Я напомнила ей о лейтенанте Владимире. Она подтвердила свое знакомство с ним, рассказав, при каких обстоятельствах оно произошло. В мае 1953 года она с группой товарищей, среди которых был военнослужащий по имени Владимир, направлялась в г. Харьков Комитетом по делам физкультуры и спорта на состязание по фехтованию. Фамилию лейтенанта Владимира этим допросом мне установить не удалось, так как Майя никак не могла ее вспомнить. Как на приметы его внешности, она указала на два золотых верхних зуба.

Этот допрос дал мне в руки еще одну нить, которая помогла мне установить и разыскать лейтенанта Владимира.

В Комитете по делам физкультуры и спорта я проверила список лиц, направлявшихся в мае на состязание по фехтованию в г. Харьков. Среди 11 человек в этом

списке значился лейтенант Владимир Степанов, однако, в списке отсутствовало его отчество и указание о месте его службы. Выяснить это не составило труда. Я установила также, что лейтенант Владимир Иванович Степанов 8 июля 1953 г. выехал в отпуск в г. Черновцы.

Степанов был отозван из отпуска и задержан прямо на вокзале.

Степанов сразу же сознался в совершенном им и Виктором Климченко преступлении. Его показания были подкреплены протоколами опознания и очными ставками с Розой, Надей и Водопьяновым.

Моя задача была выполнена: преступники установлены, разысканы и изобличены, дело направлено по подследственности военному прокурору.

Климченко и Степанов по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» были осуждены к 15 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях.

Владимир Водопьянов к уголовной ответственности не был привлечен, так как доказательств соучастия его в этом преступлении не было.

*Старший следователь прокуратуры
г. Ленинграда
юрист 3-го класса
Д. П. Филатов*

ТЩАТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛОВ
ДЛЯ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
СПОСОБСТВОВАЛА ИЗОБЛИЧЕНИЮ СИМУЛЯНТА

В марте 1953 года мною было принято к производству поступившее из Кильдина дело по обвинению че-

В марте 1953 года мною было принято к производству поступившее из милиции дело по обвинению некоего Хасина по ч. 2 ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан».

Хасин был задержан днем 3 февраля 1953 г. при попытке скрыться от преследовавших его граждан, узнавших о совершенном Хасиным разбойном нападении на группу Тимофееву, проживавшую в доме № 108 по Невскому проспекту.

Преступник проник к ней под видом агитатора и, угрожая Тимофеевой ножом, потребовал у нее денег. В завязавшейся борьбе преступника тяжело ранил Тимофееву, нанеся ей 58 ранений. Считая ее умершой, грабитель стал искать ценностей. Тимофеева, между тем, истекая кровью, все же сумела незаметно для преступника выползти из квартиры и поднять тревогу.

Хасин на первом допросе в милиции отрицал свою виновность. Он говорил, что случайно находился в подъезде дома № 108 по Невскому проспекту и увидел спускавшегося по лестнице мужчину, у которого были руки в крови. Решив, что этот мужчина совершил преступление, Хасин, по его словам, пытался задержать этого человека. Последний, однако, бросился бежать. Догоняя его, он, Хасин, выбежал на улицу, но «преступник» куда-то исчез. А вместо него милиция, мол, по ошибке задержала его, Хасина.

Следы крови на пальто и порезы на руках Хасин объяснял результатом борьбы между ним и неизвестным преступником, которого он, будто бы, пытался задержать.

Через два часа Хасин был снова допрошен в том же отделении милиции. На этот раз он признал себя виновным в разбойном нападении на Тимофееву. К удивлению допрашивавшего его работника милиции, Хасин неожиданно заявил, что совершил еще одно преступление: в первых числах января того же года он под видом агитатора проник в какую-то квартиру дома № 3 по улице Маяковского, где в это время находилась пятнадцатилетняя Лида Разумнина. Угрожая ей кухонным ножом, который он носил с собой, Хасин связал девочке руки заранее приготовленной веревкой и потребовал, чтобы она сказала, где хранятся ценностей. Узнав от своей жертвы, что в буфете имеются деньги, Хасин забрал их оттуда (там оказалось 375 руб.) и скрылся.

При дальнейшем расследовании дела в милиции Хасин признался еще и в том, что в 1952 году он совершил изнасилование и убийство 15-летней девочки Сони Ямщиковой, которую завлек за город под предлогом найма ее в качестве домработницы на даче.

Кроме того, Хасин заявил, что летом 1941 года, перед вторжением немецко-фашистских войск в г. Витебск, где он тогда проживал, им было совершено убийство матери и младшего брата. Они будто бы не имели возможности эвакуироваться, и он их убил, чтобы избавить от мучительной расправы фашистов, поголовно уничтожавших евреев. Сам он, Хасин, намеревался покончить жизнь самоубийством. Однако этого он не сделал, а сумел эвакуироваться из г. Витебска.

Признавая совершение этих преступлений, Хасин заявил, что сделал это «движимый голосом неба»... Поведение Хасина вызвало сомнение у работников милиции в его психической полноценности.

Была назначена стационарная психиатрическая экспертиза, а дело в порядке ст. 108 УПК РСФСР передано в прокуратуру.

К основному делу (о разбойном нападении на Тимофееву) были приобщены материалы об ограблении квартиры в доме № 3 по улице Маяковского и об изнасиловании и убийстве Сони Ямщиковой, труп которой 21 октября 1952 г. был обнаружен вблизи станции Трубников

Бор Октябрьской ж. д. (около 100 км от г. Ленинграда). Что касается убийства Хасиных матери и младшего брата, то каких-либо материалов по этому вопросу милиция не смогла получить по причине того, что г. Витебск был районом военных действий, и квартал, где Хасин проживал ранее, во время войны подвергся разрушению.

Должен еще отметить, что работники милиции обнаружили в служебном столе Хасина, служившего корректором в Гидрометеорологическом издательстве, тетради с различными записями религиозного и порнографического содержания. Эти документы свидетельствовали о повышенной и извращенной сексуальности Хасина.

Ознакомившись с этими материалами, внимательно изучив протоколы допросов Хасина, я пришел к убеждению, что Хасин симулирует психическое заболевание.

Вопрос о вменяемости Хасина должна была решить судебно-психиатрическая экспертиза. Однако мне представлялось, что я как следователь обязан обеспечить экспертов максимальным количеством материалов, все стороны освещавших личность и поведение обвиняемого.

Прежде всего, я решил собрать материал о поведении Хасина в рабочей обстановке — в Гидрометеорологическом издательстве.

Старший корректор Голощекина, в подчинении которой находился Хасин, дала отличный отзыв о его работе, охарактеризовав его как трудолюбивого и исполнительного работника, грамотного корректора. Каких-либо странностей за Хасиным свидетельница никогда не замечала. Он принимал активное участие в общественной жизни.

Один из свидетелей — сослуживец Хасина — сообщил, что однажды Хасину кто-то сказал, что он похож на Иисуса Христа. После этого Хасин часто разговаривал на эту тему и вслед за своей подписью на каком-либо документе ставил крест.

Другому свидетелю Хасин говорил, что читает Библию.

Нередко Хасин заявлял о своем умении гипнотизировать и демонстрировал кухонный нож, который будто бы необходим при гипнотических сеансах, так как блестящий кончик ножа сосредоточивает внимание гипnotизируемого.

На одном из допросов в милиции Хасин заявил, что он... Иисус Христос, и говорил о своей «божественной миссии». В его объяснениях фигурировали также «голоса». Хасин, судя по всему, действовал в строгом соответствии с описанием психического заболевания, имеющимся в учебниках по психиатрии. Вот почему я решил найти литературу, которой пользовался Хасин.

Проверка читательских абонентов Хасина в библиотеках ничего не дала. Тогда я решил произвести повторный обыск на квартире Хасина. Этот обыск увенчался успехом, в частности, была обнаружена и изъята книга проф. А. К. Ленца «Криминальные психопаты» (издана в 1927 году), где приводились примеры поведения людей, заболевших душевным расстройством. Один пример особенно напомнил поведение Хасина, который даже в деталях воспроизводил состояние человека, описанного проф. Ленцем.

При обыске была также обнаружена и изъята различная юридическая литература. Места в книгах, где шла речь о преступлениях против жизни и здоровья человека, были отмечены.

В связи с тем, что милиция, отправив Хасина на судебно-психиатрическую экспертизу, в своем постановлении не поставила перед экспертами каких-либо вопросов, я вынес новое постановление, в котором сформулировал эти вопросы.

Эксперты были всесторонне ознакомлены с собранными по делу материалами и признали Хасина вменяемым как в период совершения преступления, так и в момент освидетельствования. Симуляция Хасина, таким образом, была разоблачена.

Впоследствии Хасин подробно рассказал о том, как он начал симулировать маниакально-депрессивный психоз.

К симуляции Хасин начал готовиться в связи с тем, что одна его случайная знакомая грозила пожаловаться на него, Хасина, неэтичное поведение. Боясь каких-либо действий с ее стороны, он решил прикинуться ненормальным, избрав ту форму психоза, при которой маниакальное и депрессивное состояния делятся короткими промежутками, часто сменяя друг друга.

«Для симуляции,— показывал Хасин,— я пользовался учебником судебной психиатрии для юридических вузов.

В связи со свойственной маниакам идеей величия, я изобразил себя Иисусом Христом».

Хасин признал также, что, будучи задержан после разбойного нападения на Тимофееву, первоначально рассчитывал вывернуться и без симуляции.

«Однако,— признал Хасин,— дальнейший ход следствия вынудил меня начать симуляцию перед следователями».

При этом он не старался точно воспроизводить данные из учебника, так как «копил силы для симуляции перед более опытными в этом отношении судебными психиатрами». Он учтивал при этом, что его «дневник» (обнаруженный при обыске) попадет к психиатрам, и старался «произвести впечатление».

Относительно убийства матери и младшего брата Хасин заявил, что выдумал это специально для будущей экспертизы.

Узнав об амнистии, Хасин решил отказаться от симуляции, так как по ошибке полагал, будто амнистия распространится и на него. Психиатрам, осматривавшим его до издания указа «Об амнистии», он не признавался в симуляции, ибо рассчитывал, что они признают его невменяемым на момент совершения преступления.

Наряду с разоблачением Хасина как симулянта, перед следствием стояла задача установить мотив нападения на Тимофееву, которой он нанес 58 ножевых ранений, а также добить убедительные доказательства изнасилования и убийства Хасиным несовершеннолетней Ямчиковой, совершенных в 1952 году, так как имевшихся в деле доказательств было недостаточно. Мне было ясно, что нападение на Тимофееву совершено не с целью покушения на изнасилование, как это первоначально представлялось по делу, а с целью ограбления. Я поставил задачу доказать это. Допросами ряда лиц, близко знавших Хасина по работе, удалось установить, что, получив 2 февраля 1953 г. свою зарплату, он всю ее израсходовал. Однако жене Хасин обещал на следующий день принести деньги. Были установлены лица, которым Хасин говорил после получения зарплаты о том, что у него нет денег и что они ему необходимы.

При сопоставлении этого обстоятельства с тем, что следы окровавленных рук Хасина были обнаружены на различных предметах и ящиках письменного стола, туале-



Фото 1. Труп Ямщиковой, обнаруженный вблизи дороги.

та и тумбочек, т. е. там, где он мог рассчитывать найти деньги, стало очевидным, что Хасин совершил нападение на Тимофееву с целью ограбления. Особенно изобличали намерения Хасина следы крови, которые оказались на вещах (вблизи карманов), висевших в платяном шкафу Тимофеевой.

По поводу убийства Сони Ямщиковой было установлено, что 29 сентября 1952 г. несколько человек видели Хасина вместе с Соней Ямщиковой в г. Ленинграде. После 29-го Соня больше дома не появлялась, а через несколько дней была найдена убитой в лесу, в ста километрах от г. Ленинграда.

Необходимо было доказать, что именно Хасин завез Соню Ямщиковой на станцию Трубников Бор и там, изнасиловав, убил. Мне удалось установить, что Хасин с Соней Ямщиковой на станцию Трубников Бор приехали на рабочем поезде около часу ночи 30 сентября 1952 г. и, хотя с этого времени прошло более полугода, я все же решил выяснить, не видел ли кто-либо Хасина и Соню Ямщикову в поезде и не сошел ли кто-нибудь с этого поезда на станции Трубников Бор вместе с Хасиным и Ямщиковой.

После долгих поисков я установил, что на станцию Трубников Бор на поезде, о котором идет речь, приезжало несколько человек, и в том числе Афанасьев и Сысоев, которых я разыскал и допросил. Они вспомнили, что ночью, накануне 30 сентября (так называемый день «Веры, Надежды, Любви и Софии»), они, сойдя с поезда, действительно видели мужчину и девушку и описали их приметы, которые совпадали с приметами Хасина и Сони Ямщиковой. Изготовив план прилегающей к станции местности, я предложил свидетелям нарисовать путь их движения в районе станции и путь следования к деревне.

По заявлению свидетелей Афанасьева и Сысоева, они через несколько минут пошли вслед за ушедшими ранее мужчиной и девушкой, однако их не догнали, хотя и шли быстро.

Это заявление свидетелей находило полное подтверждение в материалах дела, так как примерно в 300 метрах от станции преступник и Ямщикова свернули с дороги в лес.

У трупа Ямщиковой был найден носовой платок, ей не принадлежавший. В период симуляции душевного расстройства Хасин признавал этот платок за свой, но затем от этих показаний отказался. Каких-либо других данных, подтверждающих принадлежность этого платка Хасину, милицией добыто не было, несмотря на то, что по этому поводу были допрошены все лица, совместно работающие и проживающие с Хасиным, в том числе и его жена, отрицавшая принадлежность платка, о котором идет речь, ее мужу. Между тем, это обстоятельство имело существенное значение для изобличения Хасина в убийстве Ямщиковой.

Дело в том, что обвиняемый признавал, что он в самом деле ездил с Ямщиковой на станцию Трубников Бор, куда он заманил ее с целью изнасилования. Однако, приехав на станцию Трубников Бор, он якобы поругался с Ямщиковой и вернулся в г. Ленинград. Куда девалась Ямщикова, он «не знает».

Вот почему я решил допросить жену Хасина.

К этому допросу я тщательно подготовился. Предварительно жена Хасина, отвечая на мои вопросы, подробно обрисовала свои взаимоотношения с мужем, охарактеризовав его как вполне нормального человека.

Затем я перешел к интересующему меня вопросу и спросил Хасину, помнит ли она о своих предыдущих показаниях, касающихся платка. Хасина заметно смущалась. Помолчав, она приглушенным голосом сказала:

— Помню...

— Тогда,— заметил я,— вы отрицали, что платок принадлежит вашему мужу.

Хасина наклонила голову.

— Читайте,— сказал я и предъявил Хасиной показания ее мужа, признавшего на допросе в милиции, что платок, обнаруженный у трупа, в самом деле принадлежит ему.

Хасин показывал тогда: «...Если и нанесены мною ранения Софье, по соседству с шеей, то уточнить этого не могу вследствие темноты. Уходя, я ее оставил в лежачем положении на животе. Думая, что у меня руки в крови, я вытер их о мокрую траву и, кажется, о свой носовой платок, белый в зеленую клетку, который я там же около трупа оставил. Думаю, что жена этого платка у меня не видела, точно не знаю. Несколько платков (два) я сам купил незадолго до момента преступления. Кроме того, в нашей семье, где трое мужчин, носовые платки часто переходят от одного к другому...»

В дальнейшем я ознакомил Хасину и с другими показаниями ее мужа. Узнав из этих показаний, а также с моих слов о том, что собой представляет Хасин, свидетельница разрыдалась и заявила, что отказывается от своих предыдущих показаний, касающихся злополучного платка.

— В действительности, — показала Хасина, — у моего мужа был белый платок в зеленую клетку, который я купила ему в каком-то магазине на Старо-Невском летом 1951 года.

— Почему вы изменили свои показания? — спросил я свидетельницу.

— Раньше, — ответила она, — я говорила неправду, так как думала, что если я скажу, что платок не мужа, то этим облегчу его положение. На самом деле я говорю правду сейчас: у Хасина действительно имелся с 1951 года платок белого цвета в зеленую клетку.

В дальнейшем свидетельница уточнила адрес магазина, где она купила платок, и сказала, когда именно это произошло.

Проверкой, произведенной мною в магазине, было установлено, что в указанный Хасиной период времени в этом магазине действительно имелись в продаже такие платки.

Таким образом, последними звенями в цепи косвенных улик против Хасина явились по этому эпизоду показания свидетелей Афанасьева, Сысоева и жены Хасина.

Все материалы дела характеризовали Хасина как ловкого и опасного преступника. Я был убежден, что им совершены и другие преступления, которые он скрывает. Я вступил в тесный контакт с органами дознания, и в результате этого удалось обнаружить прекращенное уголовное дело, по которому преступник не был найден и приметы личности которого в известной степени совпадали с приметами Хасина. Я обратил внимание главным образом на сходство методов совершения преступления как в этом случае, так и в случае с Ямчиковой. Потерпевшими в обеих случаях являлись несовершеннолетние, которые были завезены за город и изнасилованы при одинаковых, примерно, обстоятельствах.

Таким образом, имелось основание полагать, что и это преступление совершил Хасин. Мною было установлено, что потерпевшая 14-летняя девочка — ученица 7-го класса — Римма Х. находилась в последнее время в г. Таллине. Туда были посланы фотографии Хасина, которые среди других фотографий были предъявлены Римме Х. Она безошибочно опознала Хасина, а в дальнейшем изобличила его и на очной ставке.

Хасин встретил Римму Х. в книжном магазине и под видом продажи нужного ей учебника, который якобы находился у него на квартире, завез ее за город в пустынное место Шуваловского парка. Там под угрозой ножом Хасин изнасиловал девочку, не преминув забрать все имеющиеся у нее деньги, в сумме 29 руб.

При слушании дела в Ленинградском городском суде Хасин заявил, что считает себя вполне нормальным и отказывается от симуляции, к которой он прибег во время предварительного следствия в порядке «защиты». Но вместе с тем Хасин отказался признать себя виновным в преступлениях, совершение которых ему вменялось. По утверждениям Хасина получалось, что Тимофеева напала на него, когда он «по недоразумению» оказался в ее квартире, что убийство Ямчиковой он «взял на себя» с

целью усилить впечатление врачей о его ненормальном психическом состоянии. Эпизод с Риммой Х. Хасин вообще полностью отрицал. Признавал он себя виновным только в ограблении квартиры на улице Маяковского.

Ленинградский городской суд признал Хасина виновным по ст.ст. 16—59³ УК РСФСР и по ч. II ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование» и приговорил к строгому наказанию.

Верховный суд РСФСР оставил приговор в силе.

*Старший следователь прокуратуры
Дагестанской АССР
Младший юрист
С. Д. Миловидов*

О РОЛИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ПРОВЕРКЕ ВЕРСИИ

На примере расследованного мною убийства Лидии Олейниковой я хочу показать, какое значение может иметь для раскрытия преступления во-время назначенная и правильно проведенная криминалистическая экспертиза.

- Исходя из этой основной задачи, я не буду подробно рассказывать о всех следственных действиях и о расследовании дела в целом.

Кратко обстоятельства дела сводились к следующему. 17 июля 1953 г. в доме Олейниковых, проживавших по Кавказской улице в г. Махач-Кала, раздались выстрелы. Его услышали проходившие граждане, которые начали стучать в ворота дома, огражденного высоким забором. Однако на стук никто не откликнулся, только минут через 15 из калитки вышел хозяин дома — Н. С. Олейников. Он заявил, что в результате случайного падения на пол охотничьего ружья, висевшего на стене, произошел выстрел, которым ранило его невестку — жену его сына — Лидию Олейникову. Собравшиеся зашли в дом и увидели Лидию, лежавшую на полу в бюстгальтере и трусах. В области груди у Олейниковой имелась обширная рана. Okolo раненой сидел ее муж — Александр Олейников, которому она со спиной говорила: «Сашка, уйди от меня».

Бывший врач оказал потерпевшей первую помощь, после чего «Скорой помощью» она была доставлена в больницу, где, однако, умерла во время операции.

О том, кто и при каких обстоятельствах ее ранил, Олейникова, пока она находилась в сознании, ни слова не сказала.

При осмотре места происшествия на полу комнаты были обнаружены какие-то разрубы и вмятина. С них были изготовлены гипсовые слепки. В комнате также нашли и изъяли медную гильзу к ружью 16-го калибра с разбитым капсюлем и простыню с тремя отверстиями. На простыне имелись пятна, похожие на кровь, а около одного из отверстий — следы копоти. В огороде было обнаружено трехствольное охотничье ружье «Зауэр». Приклад его оказался переломленным, а отдельные металлические части погнутыми.

В момент происшествия в доме, кроме потерпевшей, находились три человека — ее муж Александр Олейников и родители мужа — Н. С. Олейников и П. Г. Олейникова. Каждый из них был подробно допрошен об обстоятельствах происшествия. Все они дали противоречивые показания.

Н. С. Олейников (отец) показал, что происшествие случилось при следующих обстоятельствах. Поужинав во дворе, он, его жена, сын и Лидия направились в комнату. Первой вошла Лидия. Как только она вошла в комнату, раздался выстрел, и Лидия упала. Оказалось, что охотничье ружье свалилось с оленевых рогов, на которых оно висело. От удара его об пол произошел выстрел, ранивший Лидию.

Александр Олейников (муж погибшей) случившееся объяснил так. Вечером, придя домой с прогулки вместе с Лидией, они пошли посидеть во дворе. Через некоторое время он в освещенное окно увидел, что его мать с отцом по поводу чего-то скандалят, и отец, схватив ружье, наставил его на мать. Увидев это, он, Александр Олейников, вбежал в комнату, выхватил у отца ружье, ударил его об пол и переломил приклад. От удара произошел выстрел, которым и была смертельно ранена Лидия, вбежавшая за ним следом в комнату.

Иначе, чем муж и сын, объяснила происшествие П. Г. Олейникова (мать). По ее показаниям, вечером 17 июля, после прихода сына и невестки домой, она легла спать в кухне, накрывшись простыней. В это время к ней подошел муж и стал ее упрекать в том, что она возражает против приезда к ним его отца. Однако она

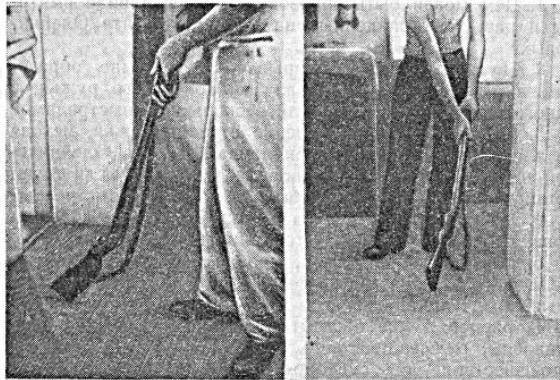


Фото 1. Положение ружья и направление стволов при ударах прикладом об пол.

не стала его слушать. В связи с тем, что ей понадобилась забытая ею во дворе сумка, она послала за ней сына. Последний принес сумку и бросил ее на стол. Затем она услышала какой-то стук и, подняв голову, увидела, что сын разбивает ружье отца. Вскочив с постели и накинув на себя простыню, она бросилась к сыну, продолжавшему ударять ружье об пол. В этот момент произошел выстрел, которым была ранена запавшая в комнату Лидия. От выстрела чуть не пострадала и она, П. Г. Олейникова: дробь пробила в нескольких местах накинутую на нее простынь.

Естественно, возник вопрос, почему три человека, каждый из которых утверждал, что являлся очевидцем происшествия, по-разному объясняли, при каких обстоятельствах оно произошло. Не потому ли, что на самом деле был не несчастный случай, а умышленное убийство Лидии Олейниковой?

Важнейшую роль для проверки этих версий (несчастный случай или убийство) сыграла назначенная мною криминалистическая экспертиза. На ее разрешение я поставил следующие вопросы:

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ

1. Чем могли быть образованы следы в виде вмятины и разрубов, найденные на полу в комнате Олейниковых?

2. Не могли ли три разрыва на простыне образоваться в результате выстрела из охотниччьего ружья, с какого расстояния, одним или несколькими выстрелами?

3. Каково было направление стволов ружья, исходя из направления раневого канала на трупе Л. Олейниковой и расположения разрывов на простыне, если будет установлено, что последние были образованы выстрелом?

4. Не мог ли выстрел из ружья, изъятого у Олейникова, произойти от удара его прикладом о пол?

5. Мог ли заряд ружья, пробив простыню, изъятую у Олейниковых, не задеть человека, на котором эта простыня была накинута?

В распоряжение эксперта-криминалиста были представлены: ружье, простыня, слепки, сделанные на месте происшествия, акт судебно-медицинского исследования трупа Л. Олейниковой.

Проведенным криминалистическим исследованием было установлено, что вмятина на полу образовалась, вероятнее всего, в результате удара об пол прикладом ружья. Что же касается разрубов на полу, они могли быть образованы, как заключил эксперт, ударами металлических частей ружья.

Разрывы на простыне образовались, по заключению эксперта, в результате одного выстрела из ружья. Это было установлено по степени закопченности вокруг разрывов и внедрившимся в ткань порошинкам.

По степени отложившейся пороховой копоти, размерам разрывов, их взаимному расположению было точно установлено, в какой последовательности произведены разрывы. Это имело значение для решения другого вопроса, поставленного эксперту, — мог ли заряд ружья, пробив простыню, изъятую у Олейниковых, не задеть человека, на которого она была накинута.

Однако, прежде чем сказать, как разрешила экспертиза этот вопрос, добавлю, что при исследовании простыни экспертом было установлено, что:

а) закопченение первого разрыва на простыне располагалось во все стороны равномерно. Это свидетельствовало о том, что направление ствола оружия в момент выстрела было горизонтальным;

б) выстрел произведен с расстояния 5—10 см от поверхности простыни;

в) брызги темнобурого цвета, похожие на засохшую кровь, были характерны для брызг, попавших на простыню, когда она находилась в вертикальном положении.

В различных положениях обертывая и набрасывая простыню на плечи женщины такого же роста и комплекции, как и покойная, и совмещая при этом три разрыва в порядке прохождения через них заряда, эксперт установил, что заряд от выстрела, пройдя через простыню и произведя три разрыва, не может не ранить человека. При совмещении трех разрывов получаемое отверстие располагалось в области груди человека.

Попытка совместить разрывы на простыне, накинутой на плечи человека, находившегося в каком-либо ином положении, не удалась.

Исследование простыни позволило сделать два вывода:

а) она не была накинута на плечи П. Г. Олейниковой (матери), иначе та была бы неминуемо ранена;

б) простыня находилась на Лидии Олейниковой, именно поэтому на простыне оказались брызги крови (предположение, что брызги образованы кровью, подтвердилось в дальнейшем путем экспертизы).

В целом все это позволило полагать, что П. Г. Олейникова дала об обстоятельствах происшествия ложные показания.

Для разрешения вопроса о том, каково было направление стволов ружья в момент выстрела, экспертом в моем присутствии был организован эксперимент с целью установить, соответствует ли раневой канал направлению канала ствола ружья, если Александр Олейников действительно ранил Лидию при тех обстоятельствах, о которых он говорил. Естественно, что показать, как он держал ружье, когда был им о пол, должен был сам А. Олейников.

Во время эксперимента А. Олейникову вручили ружье (его приклад был скреплен) и предложили показать, как он его держал и каким местом ударил об пол, когда, по его заявлению, произошел выстрел.

А. Олейников взял ружье за ствол и приложил его к полу прикладом под углом примерно 45° градусов. При этом он показал место пола, о которое он ударил

ружьем; это было именно то место, на котором имелась вмятина, упоминавшаяся выше (фото № 1).



Фото 2. Сопоставление трех разрывов на простыне.

В результате сопоставления такого положения ружья со следами выстрела на простыне, а также с раневым каналом в теле убитой (он был точно описан в акте судебно-медицинского исследования трупа Л. Олейниковой) эксперт дал категорическое заключение, опровергавшее объяснения А. Олейникова. Было бесспорно установлено, что при том положении ружья, которое показал Олейников, раневой канал в трупе был бы не горизонтальным, а проходил бы примерно под углом в 45 градусов. А. Олейникова изобличало во лжи также и то обстоятельство, что на халате Лидии, который, по объяснению

Олейникова, был надет на ней в момент выстрела, не оказалось никаких следов выстрела, а они (если Олейников говорил правду) неминуемо должны были быть.

С помощью эксперта удалось опровергнуть и заявление Н. С. Олейникова с тем, что выстрел произошел в результате удара ружья об пол.

Криминалистическая экспертиза наряду с другими следственными действиями позволила, таким образом, установить, что показания всех Олейниковых не соответствуют действительности. Разрешить вопрос, почему же на полу имелись следы, образованные в результате ударов по нему ружьем, не представило большого труда. Ружье Олейникова разбивало о пол уже после того, как Лидия была смертельно ранена и, очевидно, для того, чтобы его последующие объяснения об обстоятельствах происшествия казались правдоподобными.

Дальнейшим расследованием было подтверждено, что убийство Лидии совершил из ревности А. Олейников.

Народный суд признал А. Олейникова виновным и приговорил его к строгому наказанию.

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

какого-либо иного в виде земли, леса и т. д., а также оценка имущества, находящегося в земельных участках, зданиях, сооружениях, машинах и т. п. Оценка имущества проводится в соответствии с законом № 122-ФЗ «Оценочной деятельности в Российской Федерации».

**Народный следователь прокуратуры
Архаринского района
Амурской области**
юрист 3-го класса
А. И. Аксененко

ТАКТИКА ОБЫСКОВ С ЦЕЛЬЮ ОБЕСПЕЧИТЬ ВОЗМЕЩЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО УЩЕРБА

При расследовании хищений государственного и общественного имущества следователь должен проявлять инициативу и оперативность для обеспечения возмещения материального ущерба, причиненного действиями преступника.

Известно, что многие обвиняемые или их родные заранее готовятся к обыску и прячут вне дома, у родственников или знакомых, наиболее ценные вещи, на которые может быть наложен арест. Следователь, установив при обыске в доме обвиняемого отсутствие ценных вещей и подозревая, что они спрятаны у других лиц, часто находится в затруднительном положении. С одной стороны, он не знает, у кого именно спрятано имущество и у кого произвести обыск, а с другой — он не может произвести наугад такой обыск у всех родственников и знакомых обвиняемого: это затрагивало бы интересы слишком большого круга граждан и являлось бы нарушением социалистической законности. Да и технически трудно организовать такой обыск: его следует производить одновременно у всех заподозренных лиц с тем, чтобы для каждого из них появление следователя в доме было бы неожиданным. Ведь ясно, что обыски, производимые во вторую или третью очередь, могут оказаться безрезультатными, так как заинтересованные лица, узнав, что идут обыски, могут успеть изъять искомое имущество из еще необъектной квартиры и спрятать его там,

где обыск уже был произведен и где следователь, скорее всего, вторично искать не станет.

Поэтому следователь должен попытаться во время обыска у обвиняемого раздобыть сведения, указывающие на то, где спрятаны искомые вещи. Это позволит ему максимально ограничить дальнейшие поиски и производить обыски с уверенностью в успехе.

В связи с этим мне хочется поделиться опытом поисков имущества обвиняемого по делу, расследованному мною в 1953 году.

Прокурором района была арестована Ольга Пантелеева — налоговый агент райфинотдела, изображенная ревизией в растрате 6400 руб. По упущению работников прокуратуры обыск в доме Пантелеевой сразу не был произведен и состоялся только спустя 15 дней после ареста обвиняемой. Это и предопределило результаты обыска: никаких ценностей в доме мне найти не удалось, хотя не было сомнений в том, что ценные вещи имелись и где-то спрятаны.

При обыске я стремился выявить всякого рода записи, где могли быть указания на то, у кого спрятаны ценные вещи.

Мне известно из криминалистической литературы о том, что иногда преступники записывают свои взаиморасчеты на стенах комнат. Однако при самом внимательном их осмотре никаких записей обнаружить не удалось: стены оказались чистыми. Я проверил все книги, тетради, каждый клочок бумаги, имевшийся в доме, но нигде не нашел сведений, которые бы оказались полезными.

Когда обыск шел к концу, в кухне мое внимание привлекла висевшая на стене под самым потолком старая, грязная фуражка, которая до этого не осматривалась. Место для фуражки было необычным. Я пододвинул табуретку к стене, где висела фуражка. Помня о том, что при обыске целесообразно наблюдать за реакцией обыскиваемых на то или иное действие следователя, я обратил внимание на то, как себя ведет мать Пантелеевой. Она заметно волновалась. В то время как я снимал фуражку с гвоздя, из нее посыпались клочки бумаги. Мать Пантелеевой бросилась их поднимать, но я отстранил ее, предложив оставаться на месте, и подобрал все клочки сам. При внимательном осмотре, на одной четвертушке

Численно
 машинка патефон два чулка
 две маечки пары ботинок и
 пары туфлей
 пальто и плащ шаль простыни
 покрывало чулки пары
 трусы 1 пара из 3 м.
 чулков 5 пар. кудельев 2 п.

Запись на четвертюшке бумаги, выпавшей из фуражки.

бумаги мне удалось обнаружить следующую запись (привожу с сохранением «орфографии»):

«у исайкиной
 машинка патефон два чемодана два мешка пары ботинок и пары туфлей
 у рыковой
 пальто и плащ шаль простыни покрывало чулки 1 пара трусы 1 марля 3 м.
 у порубенко
 чулков 5 пар туфлей 2 п.» (фото на этой стр.).
 На другом клочке бумаги имелась запись «Лебедева доха».

Я тут же спросил мать Пантелеевой, что это за записи. Она смущенно объяснила, что приведенные в записи лица поручили ей закупить в городе указанные вещи.

Не выходя из дома Пантелеевой, я составил четыре постановления об обыске: у Исайкиной, Рыковой, Порубенко и Лебедевой. Мать Пантелеевой была предупреждена о том, что она не должна делать попыток известить этих лиц о предстоящем приходе к ним следователя. Обыски я решил начать с Исайкиной, поскольку за нею значилось в записке наибольшее количество вещей.

Явившись в дом Исайкиной, я огласил постановление об обыске и предложил добровольно выдать вещи, принесенные из дома Пантелеевых. Исайкина вначале стала уверять, что у нее нет никаких вещей Пантелеевой. Но когда я приступил к обыску, сразу же обнаружил в сенях под полом чемодан и швейную машинку, а в сарайчике под сеном — патефон с пластинками. Остальные вещи Исайкина выдала добровольно. Мешок с носильными вещами лежал в коридоре на полке под кучей старого тряпья. Второй чемодан с вещами Пантелеевой находился в комнате под кроватью. Исайкина созналась в том, что она приняла на хранение от матери Пантелеевой после ареста ее дочери ряд домашних вещей. Мать Пантелеевой якобы просила временно сохранить эти вещи, мотивируя свою просьбу тем, что она разводится с мужем.

Составив протокол обыска, я опечатал вещи и временно оставил их на хранение у Исайкиной, а сам с матерью Пантелеевой и понятыми направился в дом Порубенко.

Выслушав постановление об обыске, Порубенко добровольно выдала вещи, принесенные ей матерью Пантелеевой: это были предметы, перечисленные в записке, выпавшей из фуражки.

Дальше мы отправились к Лебедевой, которая также добровольно указала на доху Пантелеевой, висевшую на стене комнаты.

Обыск у Рыковой был безрезультатным: у нее никаких вещей, принадлежащих Пантелеевой, мы не нашли.

На все изъятое имущество был наложен арест, и оно было сдано на хранение в склад Архаринского леспромхоза.

После этого мать Пантелеевой не могла больше отрицать своего участия в сокрытии ценностей, принадлежавших ее дочери, и объяснила, что после ареста Пантелеевой она растерялась и стала прятать по соседям имущество всей семьи. В дальнейшем мать Пантелеевой созналась в том, что успела забрать вещи своей дочери, спрятанные у Рыковой, и передать их другому лицу.

В ходе дальнейшего следствия мне пришлось часть носильных вещей возвратить матери и сестре Пантелеевой, так как было доказано, что они принадлежат не

Пантелейеевой, а ее родным. Но оставшегося имущества в полне хватило для возмещения материального ущерба, причиненного действиями Пантелейеевой.

Так, тщательный обыск и внимательное отношение к мелочам во время обыска в доме Пантелейеевой помогли мне действовать наверняка при поисках спрятанного имущества и обнаружить ценности, приобретенные на похищенные деньги.

Следователь должен активно работать по поиску скрывшихся преступников, не отступая ни в чем от установленных правил и методов следствия. Важно помнить, что скрывшийся преступник, как правило, не имеет определенного места жительства, поэтому его поиск требует тщательной работы, направленной на выявление всех возможных мест скрытия.

Следователь должен быть готов к тому, что скрывшийся преступник может попытаться скрыться за границей, поэтому необходимо проводить международные розыски.

Следователь должен быть готов к тому, что скрывшийся преступник может попытаться скрыться за границей, поэтому необходимо проводить международные розыски.

Следователь должен быть готов к тому, что скрывшийся преступник может попытаться скрыться за границей, поэтому необходимо проводить международные розыски.

Следователь должен быть готов к тому, что скрывшийся преступник может попытаться скрыться за границей, поэтому необходимо проводить международные розыски.

Следователь должен быть готов к тому, что скрывшийся преступник может попытаться скрыться за границей, поэтому необходимо проводить международные розыски.

Народный следователь прокуратуры Красноармейского района, Челябинской области
Младший юрист
B. V. Козырский

АКТИВНЫЙ РОЗЫСК СКРЫВАЮЩИХСЯ ПРЕСТУПНИКОВ — ОБЯЗАННОСТЬ КАЖДОГО СЛЕДОВАТЕЛЯ

Каждый следователь должен активно работать по поистоновленным делам и вести розыск скрывавшихся преступников. Этого правила я неуклонно придерживаюсь в своей практической деятельности и добиваюсь положительных результатов.

Об одном случае удачно проведенного мною розыска скрывавшегося преступника я хочу рассказать на страницах «Следственной практики».

В газете «Знамя Октября» (Красноармейский район, Челябинской области) 15 февраля 1953 г. был напечатан фельетон под названием «Ротозеи». В фельетоне критиковался председатель колхоза имени Калинина, Красноармейского района, который, проявив ротозейство и беспечность, дал возможность проходимцу Рассееву длительное время безнаказанно похищать общественные деньги и продукты. Факты, изложенные в фельетоне, послужили основанием для возбуждения уголовного дела, которое было принято мною к производству.

Я немедленно выехал совместно с ревизором-бухгалтером в колхоз, где прежде всего узнал о том, что Рассеев, почувствовав беду, скрылся.

На первом же этапе расследования дела, факты, изложенные в фельетоне, полностью подтвердились. Было установлено, что Рассеев, работая бухгалтером колхоза, систематически занимался расхищением колхозного добра. Получая деньги в банке, Рассеев не сдавал их в кассу колхоза, а присваивал. Кроме того, он обманным

путем получал продукты и деньги сверх начисленного ему по заработанным трудодням, брал деньги из кассы колхоза под отчет, а затем присваивал.

Преступная деятельность Рассеева полностью подтверждалась результатами произведенной ревизии, документами и многочисленными свидетельскими показаниями. Было установлено, что Рассеев в общей сложности похитил 4553 руб. колхозных средств.

Таким образом, я имел все основания как для привлечения Рассеева к уголовной ответственности, так и для его ареста. Однако обнаружить Рассеева не удавалось. Полагаться на скорый результат объявленного розыска было нельзя, так как в колхозе личное дело на Рассеева не заводилось, не имелось его также и в районном отделе сельского хозяйства. Следовательно, надо было сначала добыть биографические данные, необходимые для объявления розыска.

Вызванная мною на допрос жена Рассеева также не могла ничего определенного сообщить о прошлом своего мужа или его родственниках, ссылаясь на то, что она замужем за Рассеевым недавно. Не оказалось данных о Рассееве и в сельсовете. Рассеев не состоял на учете и в райвоенкомате. Некоторые данные о Рассееве мне удалось получить в Красноармейском районном отделе социального обеспечения, где имелось его пенсионное дело.

После того, как я собрал доказательства, достаточные для представления обвинения, я вынес постановление о приостановлении дела производством и объявлении розыска Рассеева. Соответствующие материалы были направлены мною в милицию.

Придавая большое значение активной работе по приостановленным делам, я решил, кроме того, заняться розыском сам. Прежде всего, тщательно ознакомившись с пенсионным делом Рассеева, я послал отдельные требования в прокуратуры районов, где он работал ранее, с просьбой осветить его прежнюю деятельность и сообщить мне его биографические данные.

В ответ на мой запрос из прокуратуры Миасского района поступило приостановленное уголовное дело по обвинению Рассеева. Фабула этого дела почти полностью совпадала с делом, находившимся в моем производстве. Рассеев, работая счетоводом колхоза «10 лет Октября»,

систематически присваивал получаемые им из банка по чекам денежные суммы и похищал таким путем 5000 руб. Кроме того, обманным путем Рассеев получил из кассы колхоза денег и продуктов по трудодням сверх заработка на сумму 3085 руб.

Однако и в этом деле не было анкетных данных о Рассееве, так как последний успел скрыться до вызова его и допроса следователем.

Не было сомнений в том, что фигурирующий в моем деле Рассеев является именно тем лицом, которое совершило хищения и в колхозе «10 лет Октября». Однако необходимо было доказать, что речь идет об одном и том же лице.

Я стал искать фотографии Рассеева. При обыске на его квартире фотографий я не нашел. Жена Рассеева заявила, что фотографий мужа у нее не имеется. Тогда я решил обратиться к районному фотографу, и тут мне повезло. Я перелистал множество квитационных книжек и обнаружил корешок квитанции на имя Рассеева. К моему счастью, у фотографа сохранились негативы с портретов Рассеева, которые я изъял. Отпечатанные мною лично фотографии были предъявлены работникам колхоза имени Калинина, и они опознали в человеке, изображенном на фотографиях, бывшего счетовода колхоза Рассеева.

Затем эти фотографии были наклеены мною на бумагу, прошиты, скреплены печатью прокуратуры и направлены в порядке отдельного требования в прокуратуру Миасского района для представления лицам, знавшим Рассеева по совместной работе в колхозе «10 лет Октября». Следователь прокуратуры Миасского района предъявил свидетелям направленные мною фотографии. Свидетели безоговорочно узнали на фотографиях Рассеева, работавшего в колхозе «10 лет Октября» в качестве счетовода.

Продолжая розыск Рассеева, я наложил арест на корреспонденцию, поступающую в адрес его жены. Из показаний свидетелей, мне было известно, что Рассеев перед своим отъездом говорил, что едет лечиться. Поэтому я послал запросы в различные лечебные учреждения Челябинской области.

занятое им место отодвинуло. Обогащаясь
и пополняясь, оно приносит пользу и тем самым способствует
Начальник следственного отдела прокуратуры Челябинской области

Советник юстиции

М. И. Гусевин

ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ

В настоящее время, когда наука все больше и больше обогащается новыми открытиями, использование ее данных для борьбы с преступностью приобретает особо важное значение. В значительной степени это относится к судебной медицине.

Практика прокуратуры Челябинской области, где я работаю начальником следственного отдела, знает немало примеров, когда преступление удавалось раскрыть только благодаря тактически правильному проведению квалифицированной судебно-медицинской экспертизы.

Приведу несколько характерных примеров.

На одной из улиц Магнитогорска однажды рано утром был обнаружен труп гра Берегового. Судебно-медицинское исследование трупа свидетельствовало о том, что смерть наступила в результате ножевых ранений в область шеи и грудной клетки.

Расследованием удалось установить, что Береговой находился на одном семейном вечере, по окончании которого, примерно во втором часу ночи, вышел со своим приятелем Жилкиным, но домой не вернулся.

Жилкин в допросе показал, что действительно он вместе с Береговым направился с вечера домой и что при возвращении на них напали трое неизвестных, вооруженных ножами. В момент нападения он и Береговой разбежались в разные стороны. Что было с Береговым дальше, он не знает. Ему же, Жилкину, нападавшие причинили телесные повреждения, и он сразу же пошел в больницу, где ему оказали медицинскую помощь.

144

При судебно-медицинском освидетельствовании у Жилкина было обнаружено в области спины несколько ран. Пиджак Жилкина и фуражка оказались во многих местах прорезанными.

Возникли две версии:

первая — убийство Берегового совершено неизвестными преступниками при обстоятельствах, изложенных Жилкиным;

вторая — убийство совершил сам Жилкин и, повидимому, во время возникшей у него с Береговым драки.

Первая версия как следственным путем, так и оперативно-розыскными мерами не подтверждалась, хотя полностью еще не была опровергнута.

Вторая версия казалась более вероятной, так как Береговой ухаживал на указанном вечере за девушкой, за которой ухаживал также и Жилкин. На этой почве, как показали свидетели, между Жилкиным и Береговым возникли неприязненные отношения. Жилкин при этом высказывал угрозы по адресу Берегового.

Удалось собрать еще ряд косвенных улик, подтверждающих вторую версию. Но этих доказательств все же было недостаточно.

Исход дела решила новая судебно-медицинская экспертиза, перед которой следователь поставил два вопроса:

1. Совпадают ли раны на теле Жилкина с прорезами на его одежде?

2. Мог ли Жилкин нанести себе раны собственной рукой?

Экспертиза ответила, что расположение ран на теле не совпадает с расположением прорезов на одежде и, следовательно, они нанеслись не одновременно. К тому же на одежде следов крови не оказалось.

Что касается ран на теле Жилкина, то они расположены в пределах досягаемости собственной руки и вполне могли быть нанесены им самим.

Стало ясно, что Жилкин нанес себе телесные повреждения сам с целью инсценировать нападение. Наносил он их по голому телу, а потом уже изрезал пиджак и фуражку, не рассчитав, что прорезы на одежде не будут соответствовать расположению ранений на теле.

145

РЕПОЗИТОРИЙ ГУ

Необходимо при этом отметить, что следователь, производивший расследование, допустил серьезную ошибку, не обратив внимания на указанное несоответствие и возвратив одежду родителям обвиняемого. Только в результате вмешательства следственного отдела областной прокуратуры эта ошибка своевременно была исправлена, что и позволило обеспечить раскрытие преступления.

Не менее характерным является и такой случай.

В прокуратуру Катав-Ивановского района поступило сообщение, что в Усть-Катаве покончила самоубийством через повешение гр-ка Бычкова.

На место происшествия выехал следователь, который произвел поверхностный осмотр места происшествия. Взяв объяснение от мужа погибшей, следователь вынес постановление о невозбуждении уголовного преследования.

В этот период я находился в командировке в Катав-Ивановском районе. Ко мне обратилась одна гражданка и высказала сомнение в том, что Бычкова действительно покончила самоубийством. При этом она сообщила, что после того, как Бычкову похоронили, ее муж сразу же женился на другой.

Как было видно из акта вскрытия, на трупе Бычковой оказалось много ссадин и кровоподтеков. Это позволяло предполагать, что в данном случае имело место убийство, а не самоубийство. В связи с этим постановление о невозбуждении уголовного преследования пришлось отменить.

В процессе расследования удалось установить ряд данных, подтверждающих версию об убийстве. В частности, выяснилось, что на теле обвиняемого Бычкова, которого освидетельствовал врач, также оказалось множество легких телесных повреждений, происхождение которых Бычков объяснял тем, что за несколько дней до смерти жены на него упала поленница дров и что поленья поцарапали его.

Бычков, как показали свидетели, систематически избивал свою жену и однажды пытался убить ее тсюром, но она выскочила из дома и позвала людей на помощь. Эти семейные скандалы происходили на почве того, что Бычков тяготился супружеской жизнью, так как находился в связи с другой женщиной. Он обещал этой женщине, что скоро освободится от жены и они смогут жить вместе.

Бычков на допросе заявил, что когда он вернулся из соседней деревни, его квартира оказалась закрытой изнутри. Он длительное время стучал, однако ему никто не открывал. Заподозрив неладное, Бычков вызвал соседей и в их присутствии взломал входную дверь в сени.

Для того чтобы проверить утверждение Бычкова, следовало выяснить, каким образом дверь оказалась закрытой изнутри. С этой целью мы провели следственный эксперимент. Таким путем удалось установить, что дверь сеней можно закрыть и открыть снаружи через слуховое окно. Никакой необходимости во взломе двери не было.

По поводу повреждений на трупе Бычковой и на теле Бычкова судебно-медицинская экспертиза пришла к выводу, что указанные повреждения напоминают следы борьбы и самообороны. На теле Бычкова имелось, кроме того, несколько царапин более раннего происхождения, которые могли быть причинены дровами при падении поленицы.

В ряде случаев для проведения судебно-медицинской экспертизы неоценимое значение имеет судебно-оперативная фотография. Об этом свидетельствует такой случай из нашей практики.

В следственные органы Еткульского района обратился гр-н Клепиков, заявивший, что его жена утром внезапно скончалась. Клепиков указал, что с женой перед смертью случился очередной припадок на почве базедовой болезни, который, повидимому, и явился причиной смерти.

На место происшествия выехал следователь и, произведя осмотр, сделал фотоснимки.

Увидев на шее Клепиковой едва заметную углубленную полосу, следователь, заподозрив наличие странгуляционной борозды, с фотографировал верхнюю часть трупа отдельно более крупным планом.

Судебно-медицинская экспертиза дала заключение, что смерть Клепиковой наступила от асфиксии, явившейся следствием повешения, о чем будто бы свидетельствует характер и расположение странгуляционной борозды. Отметим, что при осмотре места происшествия не было обнаружено ни веревки, на которой могла быть повешена или повеситься Клепикова, ни выступа, за который можно было привязать эту веревку. В комнате обнаружили только косынку, которой Клепиков мог удавить свою жену.

Учитывая эти противоречия и то, что заключение давалось малоопытным экспертом, следователь назначил повторную квалифицированную судебно-медицинскую экспертизу. В ее распоряжение были представлены все материалы дела, в том числе фотоснимки.

Рассматривая фотоснимки, эксперт заметил, что описание странгуляционной борозды в акте судебно-медицинского вскрытия трупа не соответствует фотоснимкам.

Для выяснения этого противоречия фотоснимок был увеличен в результате чего обнаружилось, что на шее трупа имеется не одна, а две странгуляционные борозды, одна из которых идет по восходящей линии вверх от подбородка, а вторая — проходит поперек шеи.

Эксперт дал заключение, что Клепикова была удушена, а не повешена. Заключение судебно-медицинской экспертизы подтвердились материалами следствия.

Клепиков удушил свою жену с помощью петли. Совершив преступление, он вытащил труп в сени. В результате волочения трупа образовалась вторая странгуляционная борозда — косовсходящая. Веревку он выбросил.

Таким образом, заключение судебно-медицинской экспертизы позволило замкнуть цепь косвенных улик, и убийца по приговору суда получил заслуженное наказание.

Придавая серьезное значение судебно-медицинской экспертизе при расследовании убийств, полезно предостеречь следователей от приглашения в качестве экспертов врачей, не имеющих специального судебно-медицинского образования.

Многочисленные факты говорят о том, что такие врачи допускают серьезные ошибки, которые впоследствии трудно устраниТЬ.

Очень важно при этом, чтобы эксперту не навязывалась определенная версия, которая может ввести неопытного эксперта в заблуждение. В г. Коркино судебно-медицинское вскрытие трупа некоего Богданова производилось неопытным экспертом, только приступившим к работе после окончания института. При осмотре места происшествия в присутствии эксперта работники следствия высказали убеждение, что Богданов был задавлен проходившей автомашиной. На неопытного эксперта это оказалось определенное воз-

действие, и он в своем заключении указал, что смерть Богданова наступила в результате перелома основания черепа, что явилось результатом сильного удара тупым предметом, возможно, автомашиной.

В дальнейшем следствие велоось исключительно в направлении этой версии.

Когда же следствие поручили опытному следователю, то версия о транспортной травме поколебалась и заключение судебно-медицинского эксперта было взято под сомнение. Труп Богданова эксгумировали и назначили повторное судебно-медицинское исследование, которое установило, что первое заключение эксперта является ошибочным, так как никакого перелома основания черепа нет, а имеется лишь перелом подъязычной кости. Смерть Богданова наступила от удушения.

Телесные повреждения на теле трупа, которые первый эксперт считал за следы удара автомашины, оказались посмертными повреждениями. Впоследствии было установлено, что они являются следами волочения трупа.

Таким образом, из-за неправильного заключения эксперта следствие шло по ложному пути, было упущено время, и преступление раскрыть не удалось.

В другом случае обвиняемый, воспользовавшись неквалифицированным судебно-медицинским исследованием трупа, выдвинул ложную версию, доказывавшую его невиновность в убийстве.

Из КПЗ Кулуевского районного отдела милиции на ближайшую железнодорожную станцию Аргаяш этапировались несколько осужденных для направления в вагон-заке в Челябинскую тюрьму. Когда прибыл поезд, то оказалось, что для осужденного Булаева в вагонзаке нехватало места. Поэтому он подлежал обратной отправке в КПЗ. Работник милиции Шамнов взялся доставить туда Булаева в люльке мотоцикла. В пути следования Булаев сумел уговорить Шамнова заехать в столовую поесть. Шамнов согласился. За обедом они выпили водки.

Во время дальнейшего пути Булаев обнаружил в люльке мотоцикла молоток, которым внезапно нанес Шамнову сильный удар, затем ударил в область шеи ножом и, выхватив из кобуры Шамнова пистолет, выстрелил в Шамнова.

Принятыми мерами Булаев был задержан и сознался в совершенном преступлении.

Судебно-медицинское вскрытие трупа, ввиду казавшейся ясности дела, было поручено местному врачу, не являвшемуся судебно-медицинским экспертом.

Эксперт констатировал, что смерть Шаммова наступила в результате огнестрельного ранения в область головы. При этом эксперт не описал надлежащим образом характера ранений от ударов молотком и ножом, не указал, были ли они смертельными и лишили ли Шаммова возможности оказать сопротивление Булаеву.

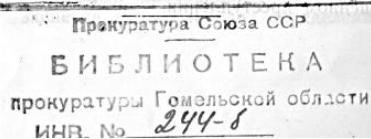
В ходе дальнейшего расследования Булаев отказался от своих первоначальных показаний и заявил, что в пути следования он и Шаммов, напившись пьяными, поссорились и подрались. При этом Шаммов выхватил имевшийся у него нож и якобы пытался ударить его, Булаева, этим ножом. Однако Булаев отобрал нож у Шаммова и в свою очередь ударил Шаммова молотком, а затем вырванным из рук Шаммова ножом. Тогда Шаммов выхватил из кобуры пистолет и пытался пристрелить его, Булаева, но он успел повернуть руку с пистолетом в сторону Шаммова. Раздался выстрел, и Шаммов сам себя застрелил.

Для опровержения этого объяснения Булаева оказалось недостаточным заключения первой судебно-медицинской экспертизы. Следователю пришлось экстремировать труп и назначить повторную судебно-медицинскую экспертизу.

На поставленные вопросы экспертиза дала заключение, что от удара молотком у Шаммова проломлена черепная коробка, и после этого удара он обязательно должен был потерять сознание, что лишало его возможности оказывать сопротивление.

При дальнейшем расследовании установлено, что ножа у Шаммова не было, а Булаев взял нож дома, куда он заходил с разрешения Шаммова по дороге в КПЗ.

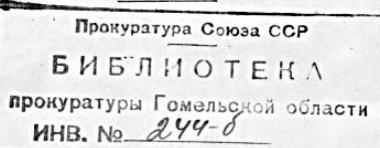
Таким образом, судебно-медицинская экспертиза позволила опровергнуть ложное объяснение преступника. Этот факт говорит и о том, что следователь неизъяя полагаться на «ясность» дела, а в каждом случае убийства следует тщательно и всесторонне расследовать все обстоятельства преступления и провести квалифицированную судебно-медицинскую экспертизу.



СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Тактически правильное производство следственных действий— рещающее условие раскрытия преступлений	3
Осмотр места происшествия — ключ к раскрытию убийства — С. А. Якушев	12
Оперативность и умело произведенный личный обыск помогли раскрыть преступление — А. П. Блумкин	24
Тщательный осмотр места происшествия и криминалистические экспертизы помогли раскрыть хищение — Г. Н. Руцанов	32
О тактике изобличения обвиняемого при допросе — А. Г. Дворкин	41
Правильно избранная тактика допроса обвиняемых помогла по- лучить правдивые показания — Н. Л. Гриневич	53
Очная ставка между обвиняемыми помогла раскрыть преступле- ние — Е. А. Саксонов	63
Допрос подозреваемого в убийстве — Н. Ф. Кузьменков	74
Использование противоречий между обвиняемыми при допросе — Б. И. Бerezовский	83
Оперативность расследования помогла быстро обнаружить прес- тупника — А. А. Салов	90
Задержание бандитов в результате правильно организованного разыска — Б. Т. Антоненко	95
Тщательная подготовка материалов для психиатрической экспер- тизы способствовала изобличению симулянта — Д. П. Филатов	117
О роли криминалистической экспертизы в проверке версии — С. Д. Миловидов	127
Тактика обысков с целью обеспечить возмещение материально- го ущерба — А. И. Аксененко	134
Активный разыск скрывающихся преступников — обязанность каждого следователя — В. В. Козырский	139
Значение судебно-медицинских экспертиз при расследовании убийств — М. И. Гужавин	144



Редактор *Н. А. ЛОХОВ*
Технический редактор *А. Н. Макарова*

*

Сдано в набор 29/VII 1954 г.

Подписано и печати 27/X 1954 г.

Формат бумаги 84×108^{1/2}

Объем: физ. печ. л. 4,75; условн. печ. л. 7,79

Уч.-пед. л. 7,15. А06688

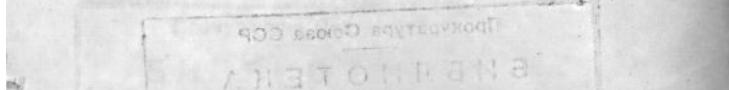
Заказ № 708.

Бесплатно. Рассыпается по списку.

*

Госюризат - Москва, Ж - 4, Товарищеский пер., 19.

20-я типография Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР
Москва, Ново-Алексеевская, 52



РЕПОЗИТОРИЙ